

ISSN 2588-0012

ПРАВО:

история и современность

Научно-практический информационный журнал

Журнал издается с 2017 года
Выходит 4 раза в год

№ 2/2018

Издательство ФГБОУ ВО «ТГТУ»

Учредители: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»;
ООО «Юридический центр «ФОРУМ»

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»

Главный редактор
кандидат юридических наук, доцент **Е. Е. Орлова**

Заместитель главного редактора
кандидат юридических наук **Е. В. Сударгина**

Ответственный секретарь журнала
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доцент **И. Г. Пирожкова**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-70918 от 05.09.2017

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
392032, Россия, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, корп. Д, Юридический институт,
тел.: (4752) 630384; e-mail: pravo_red@list.ru

Подписной индекс каталога агентства ФГУП «Почта России» П6820

ISSN 2588-0012

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет», 2018
© ООО «Юридический центр «ФОРУМ», 2018

Подписано в печать 28.05.2018
Формат журнала 70×100/16. Усл. п. л. 11,20. Уч.-изд. л. 10,00. Тираж 1000 экз. Заказ 157

Макет подготовлен в редакционно-издательском отделе ФГБОУ ВО «ТГТУ»,
e-mail: vestnik@mail.nnn.tstu.ru

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «ТГТУ»
392032, Тамбов, ул. Мичуринская, 112, к. 201, тел. (4752) 630391

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ И ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА

Баев Валерий Григорьевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Трудовое и предпринимательское право»; <i>e-mail: vgbaev@gmail.com</i>
Бернацкий Георгий Генрихович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государствен- ный экономический университет», профессор кафедры «Теория и история государства и права»; <i>e-mail: gberg@yandex.ru</i>
Быков Виктор Михайлович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Безопасность и правопорядок»; <i>e-mail: bykov_vm@mail.ru</i>
Дроздова Александра Михайловна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», профессор кафедры «Правовая культура и защита прав человека»; <i>e-mail: temp17@rambler.ru</i>
Желудков Михаил Александрович	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Уго- ловное право и прикладная информатика в юриспруденции»; <i>e-mail: kandydat1@yandex.ru</i>
Искевич Ирина Сергеевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующая кафедрой «Международное право»; <i>e-mail: irina_77707@list.ru</i>
Кириллов Станислав Иванович	д-р юрид. наук, профессор	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», профессор кафедры «Кри- минология»; <i>e-mail: stanislav.kirillov.1995@mail.ru</i>
Куркин Борис Александрович	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Ме- ждународное право»; <i>e-mail: kurkin.boris2012@yandex.ru</i>
Лаврик Татьяна Михайловна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс»; <i>e-mail: lavriktan@mail.ru</i>
Муромцев Дмитрий Юрьевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», проректор по научно- инновационной деятельности; <i>e-mail: postmaster@nauka.tstu.ru</i>
Никулин Виктор Васильевич	д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Кон- ституционное и административное право»; <i>e-mail: pravo@admin.tstu.ru</i>
Осокин Роман Борисович	д-р юрид. наук, доцент	ФГКОУ ВО «Московский университет МВД РФ имени В. Я. Кикотя», начальник факультета; <i>e-mail: osokinr@mail.ru</i>
Орлова Елена Евгеньевна	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», директор Юридического института; <i>e-mail: elenaorlowa@yandex.ru</i>

Попов Алексей Михайлович	канд. юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Безопасность и правопорядок»; <i>e-mail: pamtambov@yandex.ru</i>
Пчелинцев Анатолий Васильевич	д-р юрид. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», профессор кафедры «Кон- ституционное и административное право»; <i>e-mail: sclj@sclj.ru, rlinfo@mail.ru</i>
Рыбакова Светлана Викторовна	д-р юрид. наук, доцент	ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юри- дическая академия», профессор кафедры фи- нансового, банковского и таможенного права; <i>e-mail: svrybakova@mail.ru</i>
Саломатин Алексей Юрьевич	д-р юрид. наук, д-р ист. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Пензенский государственный уни- верситет», заведующий кафедрой «Теория госу- дарства и права и политология»; <i>e-mail: valeriya_zinovev@mail.ru</i>
Сафронова Елена Викторовна	д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Белгородский государственный на- циональный исследовательский университет», профессор кафедры «Международное право и государствоведение»; <i>e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru</i>
Судоргина Елена Валерьевна	канд. юрид. наук	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», и. о. заведующего кафедрой «Конституционное и административное право»; <i>e-mail: tikhnvaele@rambler.ru</i>
Туманова Анастасия Сергеевна	д-р ист. наук, д-р юрид. наук, профессор	ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профес- сор кафедры «Теория и история права»; <i>e-mail: atumanova@hse.ru</i>
Чернышов Владимир Николаевич	д-р техн. наук, профессор	ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный техни- ческий университет», заведующий кафедрой «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»; <i>e-mail: elters@crimeinfo.jesby.tstu.ru</i>

РУБРИКИ журнала «Право: история и современность»

Теория государства и права

(12.00.01 Теория и история права и государства; история правовых учений)

Уголовное право и криминология

(12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право)

Гражданское и семейное право

(12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; меж-
дународное частное право)

Гражданский и арбитражный процесс

(12.00.15 Гражданский процесс; арбитражный процесс)

Актуальные проблемы права

Трибуна молодого ученого

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Баев В. Г., Воликова И. А. Государственно-правовая политика в области управления национальными территориями Российской империи в XIX веке (на примере Царства Польского и Великого княжества Финляндского): к формированию опыта историко-теоретического анализа	7
Бондаренко Л. К. Признаки особой значимости в объектах судебно-искусствоведческой экспертизы	17
Лапаева В. В. Российское государство на постсоциалистическом этапе развития	23
Легкий Д. М. Адвокат и его подзащитные на судебных политических процессах над революционными народниками во второй половине 1860-х – начале 1880-х годов (по материалам деятельности Д. В. Стасова)	31
Ментюкова М. А., Матушкина И. В. Сравнительная характеристика истории развития уголовно-процессуальных правоотношений в России и за рубежом	40
Пугина О. А. Правосубъектность государства в условиях интеграции правовых систем	45
Тетюхин И. Н. Происхождение института фискалов в России: детализация историографических положений	50

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Макеева Н. В. Проблемные вопросы расследования преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ «Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию»	64
Степанова В. Г., Коршунов А. В. Проблемы определения достаточности данных как основания для возбуждения уголовного дела	69
Федулова И. И. К вопросу о полномочиях начальника подразделения дознания	75
Шараева Я. А. Исчисление срока задержания лица, подозреваемого в совершении преступления	81
Шеметов А. К. Основные направления поиска и допроса свидетелей по делам об изнасиловании	86

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Выскребенцева М. Ю. Инструменты общественного контроля над деятельностью Правительства РФ и его министров	91
Ильюк Е. В. Право на свободу вероисповедания и деструктивные религиозные группы	100
Мамонтова Э. А. Неконтролируемая миграция в России и проблемы обеспечения национальной безопасности	109
Попов Н. С., Пещерова О. В., Стрельникова А. Э. Характеристика и параметры устойчивого развития экономики, природы и общества как сложной системы: социально-экологический взгляд на проблему	113
Рыбакова С. В. К 20-летию Налогового кодекса Российской Федерации	122

CONTENTS

THEORY OF STATE AND LAW

Baev V. G., Volikova I. A. State and Legal Policy in Management of National Territories of the Russian Empire in the 19th Century (the example of Kingdom of Poland and Grand Duchy of Finland): to the Experience of Historical-Theoretical Analysis	7
Bondarenko L. K. Signs of Special Value in Objects of Forensic Art Examination	17
Lapaeva V. V. Russian State on the Post-Socialist Stage of Development	23
Legkiy D. M. The Lawyer and His Clients in the Judicial Political Trials of the Revolutionary Populists in the Second Half of the 1860s and the Beginning of the 1880s (based on the work of D. V. Stasov)	31
Mentyukova M. A., Matushkina I. V. The Comparative Characteristic of the History of Development of Criminal Procedural Legal Relations in Russia and Abroad	40
Pugina O. A. The Right of the State in Conditions of Integration of Legal Systems	45
Tetyukhin I. N. The Origin of the Fiscal Institute in Russia: Detailization of Historiographic Positions	50

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Makeeva N. V. Problems of Investigation of Crime Under Article 158.1 of the Criminal Code "Petty Theft Committed by a Person Subjected to Administrative Punishment"	64
Stepanova V. G., Korshunov A. V. Problems of Determining the Adequacy of Data as a Basis for Commencement of Criminal Proceedings	69
Fedulova I. I. To the Problem of Powers of Head of Inquiry Department	75
Saraeva Ya. A. Calculation of the Detention Period of the Suspect.....	81
Shemetov A. K. The Main Directions for Search and Interrogation of Witnesses on Rape	86

RELEVANT PROBLEMS OF LAW

Vyskrebentseva M. Yu. Instruments of Public Control over the Activities of the Government of the Russian Federation and Its Ministers	91
Ilyuk E. V. The Right to Freedom of Religion and Destructive Religious Groups	100
Mamontova E. A. Uncontrolled Migration in Russia and Problems of Providing National Security	109
Popov N. S., Peshcherova O. V., Strelnikova A. E. Characteristics and Parameters of Sustainable Development of Economics, Nature and Society as a Complex System: Social and Ecological Perspective of the Problem	113
Rybakova S. V. To the 20th Anniversary of the Tax Code of the Russian Federation.....	122

Историко-теоретический анализ содержания государственно-правовой политики в области управления национальными территориями Российской империи в XIX веке позволил автору выделить различные подходы к реализации властных полномочий по урегулированию имперских интеграционных процессов; выявление и осмысление различных сочетаний властно-силовых и праворегулирующих механизмов позволило оценить определяющие действие управленческих моделей, поддерживающих внутреннее единство страны, учитывающих исторические и национальные традиции.

Ключевые слова: государственно-правовая политика; интеграция; модели управления; национальные регионы; Царство Польское.

Валерий Григорьевич Баев, канд. ист. наук, д-р юрид. наук, профессор, кафедра «Трудовое и предпринимательское право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»; vgbaev@gmail.com

Ирина Александровна Воликова, старший преподаватель, кафедра «Трудовое и предпринимательское право», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»; braid5@rambler.ru

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫМИ ТЕРРИТОРИЯМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX ВЕКЕ (на примере Царства Польского и Великого княжества Финляндского): К ФОРМИРОВАНИЮ ОПЫТА ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

На протяжении всей истории России главной задачей институтов государственной власти являлось обеспечение целостности и единства отечественной государственности посредством формирования эффективной модели организации и упорядочивания национального властно-правового пространства.

В начале XIX века Российская империя, продолжая внутреннюю и внешнюю колонизацию, занимала огромную территорию, простиравшуюся на двух континентах: обширные территории Восточной Европы, Сибирь, Дальний Восток и Аляску. К концу XIX века территория Российской империи составляла около 23 млн кв. км с населением 160 млн человек. Колонизация огромных территорий неизбежно ставила вопрос об обеспечении государственной интеграции присоединяемых территорий. «Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной

ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [5, с. 50].

С вхождением новых территорий и их населения в состав Российской империи при разнообразных экономических укладах, социальной структуре, политическом устройстве, культурных и религиозных отличиях присоединяемых регионов необходимость поддержания государственного единства порождает в начале XIX века многообразие идей и способов интеграционных механизмов. Полиэтнический состав Российской империи актуализировал задачу создания такой системы национально-государственного устройства, которая бы привела в соответствие социальные и политические институты с национальными и культурными различиями отдельных частей страны [2, с. 45].

Требовалось проведение целенаправленной государственно-правовой политики как специальным образом организованной деятельности Российского государства по управлению данными территориями, подчиняющейся исходной идее усиления имперских начал и ориентирующейся на применение как властно-силовых ресурсов, так и особых правовых механизмов, в сочетании создававших характерные модели управления национально-территориальными единицами.

Историко-теоретический анализ показывает, что подобные модели, прежде всего, могли дифференцироваться в зависимости от характера отношения (степени лояльности) местного населения присоединенных территорий к имперской власти. Выделяя конституционно-демократический и авторитарные подходы к реализации властных полномочий и соответствующие им модели управления, необходимо учитывать, что государственное управление в Российской империи было частью централизованного механизма власти, что формировало в конечном итоге преимущественно жесткую бюрократическую культуру правления как в целом, так и применительно к отдельным сферам государственно-правовой жизни (поэтому порой наблюдавшиеся демократические элементы в политике управления национальными территориями имели скорее характер исключения из общего правила, и если они и практиковались, то это диктовалось политической целесообразностью).

Наполнение региональной политики, вариативность протекания имперских процессов в сложно организованном государственном пространстве Российской империи определялись необходимостью учета специфики входивших в нее национальных регионов: условий и времени вхождения в состав империи, уровня социально-экономического и культурного развития, национальных особенностей, конфессионального состава населения, сословного характера этнических групп.

В частности, остро стояла проблема интеграции в Российскую империю Герцогства Варшавского. По Генеральному акту Венского конгресса 1815 г. (ст. 1), закреплявшему результаты передела Европы и колоний между победителями Наполеона, к Российской империи навсегда присоединялась большая часть Герцогства Варшавского. Согласно польской Конституции, российский император оставлял за собой право даровать внутреннее устройство, границы и сохранять особое административное устройство герцогства. Александр I присоединил к своему титулу титул царя

(короля) польского. Декларировалось право поляков как российских подданных иметь народных представителей и национальные государственные учреждения. Россия также сохраняла за собой ранее присоединенные Финляндию (завоевана в 1809 г.) и Бессарабию (отошла от Турции в 1812 г.).

Очевидно, что статус Герцогства Варшавского определялся политическими условиями Венского трактата, в силу чего в нем прослеживаются европейские политико-юридические традиции того времени. «Герцогство Варшавское, – справедливо писал А. С. Алексеев, – было присоединено к России не в силу договора между Россией и Польшей, а в силу договора между государствами, заключившими Венский трактат» [1, с. 173]. Это обстоятельство давало основание полагать, что конституционное устройство Польши могло стать прообразом будущего конституционного устройства России.

В современной политико-правовой мысли развивается мнение, что император Александр I проводил в жизнь идею конфессионального единства, замыслом которого было создание после Венского конгресса у народов Европы единой христианской нации, а результатом – успокоение «свободолюбивого духа» времени в рамках Священного союза 1815 г., что во внутренних делах способствовало осознанию властью и населением наличия внешнего союзника в виде других, цивилизованных, стран Европы [7, с. 108].

Однако эта идея была нереалистичной, поскольку модель территориального устройства Европы, принятая Венским конгрессом, оказалась нежизнеспособной, она привела к множеству конфликтов на национальной почве. Борьба за самостоятельность в Австрии, Германии, Италии, Голландии, Османской империи в начале XIX века приводила российскую имперскую власть к мысли о внедрении разработки унифицированного административно-территориального устройства России.

Сложившаяся ситуация требовала выработки эффективной модели государственного управления, а вместе с ней и системы управления присоединенных областей. Что касается проектов реформирования государственно-правовой системы России, предлагаемых государственными деятелями из ближайшего окружения императора Александра I (М. М. Сперанского, А. Чарторыйского, Н. Н. Новосильцева), то они были сомнительны в плане их реализации, поскольку противоречили основам российского имперского государственного устройства, что подтвердилось в период правления Николая I [9, с. 82].

Специфику взаимоотношений государственной власти и национальных регионов Российской империи обуславливали исторические тенденции формирования и становления отечественной государственности, эволюционирование институционально-властной и правовой системы. Вообще вся история развития государственно-территориального, институционального и правового развития российской государственности, по мнению М. Ф. Владимирского-Буданова, есть единое движение по созданию целостного государства на евразийском континенте, это развитие идет от меньших единиц к более крупным. Другого политико-правового разви-

тия у России, по мнению ученого, существовать не может, любое деление территорий на малые единицы с их политической и юридической автономностью неизбежным образом ведет к краху, распаду отечественной государственности [11, с. 95].

Одним из первых ведущих представителей государственной школы Б. Н. Чичериным были сформулированы исторические основы принципов и подходов при решении вопросов, связанных с национально-государственным строительством в огромном полиэтническом Российском государстве. В частности, обращая внимание на складывание отношений самодержавной российской власти с народностью Царства Польского, Б. Н. Чичерин приходит к выводу, что «в наше время, в особенности народности возрождаются из самого глубокого унижения, а польская народность так живуча, она имеет за себя такое блестящее прошлое, что поглощение ее русской народностью есть не более чем мечта». «Истинное решение польского вопроса», – считает Б. Н. Чичерин, – «возвратить полякам отечество» [14, с. 21, 38].

Разрешение проблем организации управления и взаимодействия верховной власти (институт генерал-губернаторства, наместник императора) и региональных властных структур, возникших при интеграции в состав Российской империи западных территорий: центральной части Польши, Финляндии, находит отражение в проводимой административной политике империостроительства. Выполняя условия международных договоров, предоставляя местной администрации значительную самостоятельность, поощряя деятельность ее элиты перспективами автономного национально-территориального статуса с конституционными основами управления, доверяя законодательные (но ограниченные) функции сеймам, предоставляя возможность использования национальных языков в правительственных учреждениях, верховная власть Российской империи поощряла национальные интересы присоединенных территорий, но реальными полномочиями органы народного представительства (сеймы) не наделяла, административные учреждения контролировались управленческим аппаратом наместника императора.

Таким образом, сохранялся дуалистический подход к проводимым реформаторским проектам государственного объединения, включавшего различные социальные группы, разделенные неразрешимыми и противоречивыми интересами, что порождало недоверие и неприятие населением властных решений. По мнению А. М. Дроздовой, «легитимация власти всегда связана с интересами народа, различных социальных слоев населения, а поскольку интересы и потребности различных групп населения в силу ограниченности ресурсов и других обстоятельств могут быть часто удовлетворены только частично или удовлетворены полностью лишь запросы некоторых групп, легитимация государственной власти в обществе, за редчайшим исключением, не может иметь всеобъемлющего, универсального характера, то, что является легитимным для одних, предстает как не легитимное для других» [3, с. 22]. Одержать победу с центристскими силами национального и религиозного объединительного движения без законодательного совершенствования политической системы

России было, скорее всего, невозможно, но эти вопросы остаются дискуссионными, требующими дальнейшего углубленного рассмотрения.

Конфессиональный аспект государственной политики империи в отношении национальных окраин играл огромную роль. К примеру, позиции православия на территории Царства Польского исторически были не сильны (около 500 тысяч человек), основное православное население и униаты проживали в восточных (Седлецкой, Сувалкской и Люблинской губерниях) регионах. Как отмечает Е. Б. Лопатина, «концепция административной политики в отношении католической церкви исходила из идеи традиционно враждебного отношения католических кругов к российским властям. Считалось, что ксендзы помогают создавать идеологическую основу антиправительственных выступлений» [8, с. 53]. Административный ресурс использовал всевозможные запретительные меры для укрепления православия – запрет деятельности католических обществ и братств, закрытие семинарий, костелов, часовен, отстранение ксендзов от преподавания Закона Божьего в школах в связи с отказом от преподавания на русском языке, с подозрением в антирусской и антиправительственной пропаганде, увеличение часов преподавания русского и церковнославянского языков, увеличение финансирования начальных школ для детей униатов, строительство православных храмов, миссионерство в среде униатов. Но, как справедливо замечает Н. В. Фадеев, «местная элита, эксплуатируя свойственное любому народу стремление к самобытности и национальной независимости, приоритету на своей территории традиционной религиозной конфессии, – видит в этом залог прочности своих режимов» [12, с. 39]. Самоидентификация, смена ценностных ориентиров в среде шляхты, исповедующих ранее православную веру, приводила их в католичество, сельское же население сливалось с католичеством посредством унии. Попытки присоединения польских земель в состав России посредством проведения конфессиональной политики по усилению влияния православия эффективности не имели, можно с уверенностью говорить о провале религиозной политики российских властей в Царстве Польском.

На протяжении всего периода формирования Российской империи верховной государственной власти предстояло решать вопросы адаптации местных систем управления к общеимперским административным установлениям, а также вопросы правового регулирования присоединяемых территорий и населения этих национальных окраин. Убедительно звучит мнение В. В. Трофимова о том, что правовое регулирование, стремящееся к повышению своей социальной эффективности, должно базироваться на знании не только макросоциальных, но и конкретных отношений, происходящих в обществе, при формировании права необходимо учитывать разнообразные факторы [10, с. 14].

Передел центральных польских земель в 1815 г. в составе Российской империи вывел их из-под власти наиболее ярых врагов национальной независимости Польши – прусских юнкеров. Несмотря на ограничения, от присоединения к огромной Российской империи Польша получила преференции в привилегиях польским аристократам, автоматически получавших высшие чины, налоговые льготы в крупнейших промышленных центрах –

Варшаве и Лодзи; польскую промышленность оградили от иностранной конкуренции высокими пошлинами, что способствовало притоку иностранных инвестиций из Германии; присутствие войск поддерживало спрос на продукты высокой ценовой категории, что обеспечивало рост экономики края, а российские губернии предоставляли польской промышленности рынки сбыта. Выравнивание экономической ситуации и упразднение должности наместника в 1874 г. привело к некоторой стабилизации в обществе.

Во второй половине XIX века во внутренней политике Российской империи наблюдается стремление центра распространить на всю территорию империи министерскую и губернскую системы. Унификации, упразднению административно-правовых различий между центром и западными «окраинами» подверглись районы, охваченные национально-освободительным движением (Польское восстание, 1830–1831 гг.). В отношении Царства Польского в 1832 г. вводился Органический статут: упразднялся польский сейм; Государственный совет, возглавлявший администрацию Царства Польского, заменил совет под председательством наместника императора; в качестве дополнительного звена центрального государственного аппарата создавались Комитет по делам Царства Польского (1831 – 1841 гг., 1864 – 1881 гг.), Комитет по делам Финляндским (1811 – 1826 гг.) – органы высшего управления и надзора за местной администрацией. Необходимо учитывать, указывает Н. М. Коркунов, что при предоставлении даже самой широкой автономии национальным регионам «русский монарх... как неограниченный монарх России является... таким же ограниченным властителем и в каждой области. Как бы ни была широка автономия какой-либо подчиненной области, законодательная власть русского монарха стоит выше этой автономии, и в этом заключается достаточное обеспечение преобладания общерусских интересов над какими бы то ни было местными партикулярными стремлениями» [6, с. 231].

Основные государственные законы Российской империи 1832 г., открывающие Свод законов Российской империи, указывали на императора как единого носителя верховной власти, исходили из положения о единстве российского правового пространства (ст. 47), фиксировали наличие местных правовых систем (ст. 48), и, таким образом, закрепляли два уровня системы права – общегосударственное право и местное право. Пределы действия местных узаконений, определенные Основными государственными законами, были детализированы в т. 10 Свода законов Российской империи – сводом законов гражданских – «в тяжёбных делах принимаются в основание законы края; а в тех случаях, где оные окажутся недостаточными, принимаются и законы русские» (ч. 2 ст. 1606).

Управление Великим княжеством Финляндским, присоединенным к Российской империи в 1809 г., можно отнести к «этнополитическим экспериментам», на которое пошло правительство империи во главе с Александром I. Необходимость создания стабильных пограничных территорий, расположенных в непосредственной близости от российской столицы, требовала новых стратегических подходов в формировании государствен-

ной политики. Финляндии была предоставлена автономия, в марте 1809 г. обнародована Конституция Великого княжества Финляндского, подтверждалось действие местных законов, религии, употребления местного языка (государственным языком оставался шведский). Поддержка финской самобытной культуры, проведение реформ в области образования способствовало расширению применения финского языка, включения его преподавания в школьную программу с 1841 г.

За российским императором утверждался титул великого князя финляндского, с ограниченными законодательными правами. Из представителей коренной национальности избирался Правительственный (Государственный) совет (с 1816 г. – Императорский Финляндский Сенат). Верховную власть в Финляндии представлял по назначению императора генерал-губернатор, управляющий губернаторами восьми губерний княжества. На примере Финляндии, делает выводы исследователь С. М. Сердонин, была предпринята попытка уравнивания представительных полномочий между генерал-губернатором (верховой надзирающей власти) и областным (губернского) Советом («avis»): при возникновении разногласий решение вопроса предоставлялось верховной власти. Финская экономика получила дополнительные стимулы развития с утверждением льготных торговых пошлин и промышленных привилегий.

Историческим обоснованием различий между положением дел в Царстве Польском и Финляндии Б. Н. Чичерин считает в том, что в Финляндии никогда «не было независимого государства», что, при отсутствии притязаний на создание самостоятельного национального государства, позволяет ей процветать «под скипетром русских монархов» [13].

В целом для государственной политики управления национальными территориями России в XIX веке характерными чертами были: разнообразие правовых, государственных управленческих форм (особый статус Великого княжества Финляндского, Царства Польского, наместничество, генерал-губернаторство, губернии), что позволяло поддерживать стабильность в течение продолжительного времени; оптимизация управления низовыми сословными и этнокультурными правами населения; русификация национальных окраин с различной степенью успеха; поддержание административными методами миссионерских усилий православной церкви по идейной консолидации национальных меньшинств России; постепенное включение национальных окраин в экономическое пространство империи; различия в правовом статусе «русских» и «нерусских» народов; характер автономии присоединенных территорий в зависимости от лояльности (нейтрального отношения) местного населения к имперской власти; повсеместное использование армии и методов военного управления для обеспечения имперской безопасности; применение прямых и косвенных методов обеспечения экономической, финансовой, политической зависимости от имперского центра; создание комитетов по управлению отдельными национальными окраинами для надзора над местной администрацией.

Государственно-правовая политика России, направленная на урегулирование интеграционных процессов колонизируемых территорий, ориен-

тируясь на исходные цели и задачи по сохранению единства страны против стремления регионов к автономизации и сепаратизму [4, с. 26], применяла, вместе с тем, различные сочетания властно-силовых и праворегулирующих (правообеспечительных) механизмов, учитывающих исторические и национальные традиции, определяющие действие тех или иных преимущественных управленческих моделей, поддерживающих внутреннее единство страны при всем ее территориальном масштабе и социокультурном многообразии.

Список литературы

1. **Алексеев А. С.** Русское государственное право : конспект лекций. М., 1895. 268 с.
2. **Дмитриева Н. В.** Б. Н. Чичерин о национально-государственном строительстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (71). С. 44 – 48.
3. **Дроздова А. М.** Некоторые рассуждения о формальной и фактической легитимации власти // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 20 – 25.
4. **Калганова Л. А.** Европейские и российские модели государственного управления: сравнительный анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. Т. 3, № 2. С. 25 – 50.
5. **Ключевский В. О.** Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский. М. : Рипол Классик, 1987. Т. 1. 415 с.
6. **Кодан С. В., Февралёв С. А.** Местное право национальных регионов Российской империи в политике верховной власти (вторая половина XVII – начало XX вв.) // Российский юридический журнал. 2012. № 6 (87). С. 224 – 235.
7. **Красняков Н. И.** Формирование имперских характеристик в форме Российского государства XVIII– начала XIX вв. // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. Вопросы управления. 2007. № 1. С. 104 – 109.
8. **Лопатина Е. Б.** О попытках усилить позиции православия в Привисленском крае в конце XIX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 6-2. С. 52 – 55.
9. **Самохин К. В.** Модернизация в истории России XVIII – XX веков: стартовые условия, механизм реализации и особенности проявления // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (250). С. 74 – 85.
10. **Трофимов В. В.** О факторах правообразовательного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 4. С. 11 – 17.
11. **Тхабисимова Л. А.** Целостность российской государственности как направление современной правовой политики // Философия права. 2007. № 1. С. 92 – 96.
12. **Фадеев В. Н.** Проблемы государственного строительства // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 38 – 41.
13. **Чичерин Б. Н.** Курс государственной науки [Электронный ресурс]: URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/preevolutionar/3948892/> (дата обращения: 14.10.2017).
14. **Чичерин Б. Н.** Польский и еврейский вопросы / Б. Н. Чичерин. Берлин, 1901. 64 с.

References

1. **Alekseev A.S.** *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian State Law], Moscow, 1895, 268 p. (In Russ.)
2. **Dmitrieva N.V.** [Chicherin on national-state construction], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and juridical sciences, culturology and art history. Questions of theory and practice.], 2016, no. 9 (71), pp. 44-48. (In Russ.)
3. **Drozdova A.M.** [Some Thoughts on the Formal and Actual Legitimation of Power], *Yuridicheskaya nauka* [Jurisprudence], 2014, no. 3, pp. 20-25. (In Russ.)
4. **Kalganova L.A.** [European and Russian models of public administration: a comparative analysis], *Kontury globalnykh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of global transformations: politics, economics, law], 2010, vol. 3, no. 2, pp. 25-50. (In Russ.)
5. **Klyuchevskij V.O.** *Sochineniya* [Compositions]: in 9 volumes. Moscow: Ripol Klassik, 1987, vol. 1, 415 p. (In Russ.)
6. **Kodan S.V., Fevralyov S.A.** [Local law of the national regions of the Russian Empire in the policy of supreme power (second half of the XVIIIth – beginning of the XXth century)], *Rossijskij yuridicheskij zhurnal* [Russian legal journal], 2012, no. 6 (87), pp. 224-235. (In Russ.)
7. **Krasnyakov N.I.** [Formation of Imperial Characteristics in the Form of the Russian State of the 18th and Early 19th Centuries], *Nauchnyj vestnik Uralskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby: politologiya, ekonomika, sociologiya, pravo. Voprosy upravleniya* [Scientific bulletin of the Ural Academy of Civil Service: political science, economics, sociology, law. Management issues], 2007, no. 1, pp. 104-109. (In Russ.)
8. **Lopatina E.B.** [Attempts to strengthen the positions of Orthodoxy in the Privislavsky Krai at the end of the 19th century], *Istoricheskaya i socialno-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Socio-Educational Thought], 2016, vol. 8, no. 6-2, pp. 52-55. (In Russ.)
9. **Samoxin K.V.** [Modernization in the history of Russia XVIII – XX centuries: starting conditions, the mechanism of realization and features of manifestation] *Nauchno-texnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politexnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and technical bulletins of the St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences], 2016, no. 3 (250), pp. 74-85. (In Russ.)
10. **Trofimov V.V.** [About factors of the law-formation process] *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of the Russian law], 2008, no. 4, pp. 11-17. (In Russ.)
11. **Tkhabisimova L.A.** [Integrity of Russian statehood as a direction of modern legal policy], *Filosofiya prava* [Philosophy of law], 2007, no. 1, pp. 92-96. (In Russ.)
12. **Fadeev V.N.** [Problems of state building], *Yuridicheskaya nauka* [Juridical science], 2014, no. 3, pp. 38-41. (In Russ.)
13. <http://constitution.garant.ru/science-work/preevolutionar/3948892/> (accessed 14 October 2017).
14. **Chicherin B.N.** *Polskij i evrejskij voprosy* [Polish and Jewish issues], Berlin, 1901, 64 p. (In Russ.)

**STATE AND LEGAL POLICY
IN MANAGEMENT OF NATIONAL TERRITORIES
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19th CENTURY
(the example of Kingdom of Poland and Grand Duchy of Finland):
TO THE EXPERIENCE OF HISTORICAL-THEORETICAL ANALYSIS**

V. G. Baev, *Candidate of Historical Sciences, Doctor of Law, Professor,
Department of Labor and Business Law,
Tambov State Technical University;
vgbaev@gmail.com*

I. A. Volikova, *Senior Lecturer,
Department of Labor and Business Law,
Tambov State Technical University;
braid5@rambler.ru*

The historical and theoretical analysis of the content of state-legal policy in the management of the national territories of the Russian Empire in the 19th century made it possible to identify various approaches to the implementation of power to resolve the imperial integration processes. Identification and understanding of various combinations of legal and law-adjusting mechanisms made it possible to evaluate the determining effects of management models that support the internal unity of the country, taking into account historical and national traditions.

Keywords: state-legal policy; integration; management model; national regions; Kingdom of Poland.

© В. Г. Баев, 2018

© И. А. Воликова, 2018

Статья поступила в редакцию 01.04.2018

Исследована проблема единообразия понимания основных дефиниций, применяемых в регулировании правоотношений в сфере культуры. Обосновано, что это актуально при установлении как предмета доказывания, так и определении предмета судебно-искусствоведческой экспертизы. Проанализировано содержание понятий, имеющих юридическое значение: «памятники истории и культуры», «объект культурного наследия», «культурное наследие», актуальных в ст.ст. 164, 190, 226.1, 243, 243.1 УК РФ.

Ключевые слова: объект культурного наследия; памятники истории и культуры; культурное наследие; судебно-искусствоведческая экспертиза.

Людмила Константиновна Бондаренко, д-р филос. наук,
канд. ист. наук, Северо-Кавказский филиал
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»,
Краснодар;
sichaykin@mail.ru

ПРИЗНАКИ ОСОБОЙ ЗНАЧИМОСТИ В ОБЪЕКТАХ СУДЕБНО-ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В процессе оценки достоверности результатов судебно-искусствоведческой экспертизы особую роль приобретает единообразие понимания основных определений, которые применяются юристами и экспертами в судопроизводстве. В силу тенденции к упрощению смыслов в юридической сфере, они теряют свою точность, становясь общими, практически индифферентными понятиями. В этой связи возникает ряд вопросов, касающихся синхронизации смыслов, сформулированных в законодательстве и применяемых в установлении предмета доказывания лицами, назначающими судебно-искусствоведческую экспертизу; корректности трактовки признаков предмета судебно-искусствоведческой экспертизы, а также степени объективности оценки достоверности результатов судебно-искусствоведческой экспертизы.

В данном контексте следует обратить внимание на определения в некоторых статьях Уголовного права, например, в ст. 164 УК РФ, где в случае привлечения подозреваемого или обвиняемого к ответственности по данной статье существует необходимость в выявлении в объекте судебно-искусствоведческой экспертизы признаков и свойств объекта культурного наследия; памятников истории и культуры, обладающих статусом (или претендующих на таковой) «особая историческая, научная, художественная или культурная ценность» (ст. 164 УК РФ). Это также актуально в ст.ст. 190, 226.1, 243 УК РФ, где необходимо исследовать объекты, имеющие культурную ценность, или в ст. 243.1 УК РФ, где необходимо установить признаки объектов культурного наследия (Уголовный кодекс, действующая редакция от 07.02.2017 Москва, Кремль 13 июня 1996 года № 63-ФЗ).

Семантическая близость данных понятий: «культурное наследие»; «памятники истории и культуры»; «особая историческая, научная, худо-

жественная или культурная ценность» определяет диапазон охраняемых государством культурных (достижения в науке и технике: научные открытия, достижения в области технологий, инновационные и традиционные идеи, методы исследования, институты – научные школы; достижения в спорте) и художественных явлений (достижения согласно видам искусства: в пространственно-временных (динамичных) – театре, балете, танцах, киноискусстве; временных – музыкальном и исполнительском искусстве, литературе; пространственных (статичных) – архитектуре, в изобразительном и неизобразительном искусстве; наследие, аккумулированное в библиотечных фондах, архивах, музеях, галереях и выставочных залах). В этом случае речь идет не столько о корректности содержания данных определений вообще, а именно адекватности понимания предмета судебно-искусствоведческой экспертизы в контексте изобразительного искусства и архитектуры. Так, исходя из юридического значения данных определений, можно отметить некоторые отличия в интерпретации признаков объектов судебно-искусствоведческой экспертизы в обозначенном диапазоне. Это актуально в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве (Постановление суда по ст. 7.14.2 КоАП РФ № 05-0710/2016; судебная практика – дело № 5-710/16 об административном правонарушении, г. Москва, 06 июля 2016 года; административное правонарушение, предусмотренное ст. 7.14.2 КоАП РФ, в отношении наименования организации).

В этой связи следует уточнить основные понятия, применяемые в законодательных актах, регулирующих правоотношения в сфере культуры (Об утверждении порядка проведения работ по выявлению объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, и государственному учету объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия: приказ Министерства культуры РФ от 2 июля 2015 г. № 1905, зарегистрировано в Минюсте РФ 4 сентября 2015 г., регистрационный № 38812; Об утверждении положений о музейном фонде Российской Федерации о государственном каталоге музейного фонда Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 12.02.98 № 179; О лицензировании деятельности музеев Российской Федерации: в ред. постановления Правительства РФ от 08.05.2002. № 302; Порядок проведения работ по выявлению объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, и государственному учету объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия) на основе общепризнанных определений из смежных областей знания: искусствоведения, культурологии, эстетики и психологии творчества [1, 2, 6]. Это влияет, с одной стороны, на корректное определение предмета судебно-искусствоведческих экспертизы, с другой – корректный выбор вида судебной искусствоведческой экспертизы (как класса судебных экспертиз), что отвечает основной тенденции интеграции специальных знаний, обеспечивающих эффективность судопроизводства [3, 7].

Основным понятием, фигурирующим в системе законодательных норм, является дефиниция «объект культурного наследия» (Уголовный кодекс, действующая редакция от 07.02.2017, Москва, Кремль, 13 июня 1996 года № 63-ФЗ).

«Культурное наследие» предполагает наличие:

1) выдающихся предметов искусства и культуры (в контексте авторского права – продуктов интеллектуального труда), созданных выдающимися деятелями культуры: науки, искусства, религии, спорта, политики, права, выразивших основные идеи времени в предыдущем этапе развития общества, государства и народа;

2) фактов признания данных явлений и предметов как выдающихся культурных и художественных явлений и предметов искусства культурным сообществом, обществом, государством, народом;

3) необходимости принятия объектов культурного наследия в качестве материально выраженного наследства в определенном правовом порядке субъектами наследования: частными лицами, обществом, общественными организациями, государством, народом (*прим. автора*).

Культурное наследие как материально выраженные объекты нуждаются в материально выраженном обеспечении их существования: правовом статусе, определенном бюджете для поддержания их материального состояния, а также поддержания на должном уровне информационного поля объектов культурного наследия; определенной территории, в доступном публичном месте; соответствующих институциях – общественных образованиях для сохранения, развития и передачи духовного опыта; необходимых условиях – средовых, обеспечивающих соответственное хранение, пользование и передачу объектов культуры следующим поколениям. К культурному наследию причисляются, согласно федеральным законам, архитектурные памятники, библиотечные фонды, архивы; музейные собрания и музейные коллекции; также явления культуры и искусства, имеющие живой, меняющийся характер, например, национальные языки народов Российской Федерации; визуальные пластические виды искусства: искусство танца, балет, театр, исполнительское мастерство выдающихся музыкантов или явления, имеющие акустический психоэмоциональный характер, существующие на психоэмоциональном и образном уровне, как народный фольклор, неотделимый от конкретного места и живых носителей локальной аутентичной культуры.

Особенностью явлений культурного наследия, в отличие от объектов, имеющих художественную ценность, преимущественно архитектурных сооружений и предметов изобразительного искусства, является их способность непрерывно развиваться во времени и пространстве, что невозможно представить себе в отношении, например, живописных полотен и памятников архитектуры, которые создаются автором (или группой авторов) единожды и не могут подвергаться изменениям (разве что только реставрации в целях сохранения информационного поля объектов культурного наследия или незначительной модернизации в целях переоборудования объекта).

Таким образом, «культурное наследие» предполагает наличие правового статуса, обязывающего субъектов наследования принять культурное наследство в качестве объекта охраны и обеспечивать должное хранение, сохранение, консервацию, реставрацию выдающихся объектов культуры, необходимых для духовного развития отдельной личности, общества, государства и народа в целом.

В этой связи следует уточнить актуальное, главным образом для уголовного права, определение «памятники истории и культуры», которое дано в ряде федеральных законов, регулирующих правоотношения в сфере культуры (Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 26, ст. 2519; О вывозе и ввозе культурных ценностей (с изменениями и дополнениями): федеральный закон от 15 апреля 1993 г. № 4804-I; Об архивном деле в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ).

Отметим, что данное ключевое понятие включает в себя:

1. Мемориальный смысл, исходящий из понятия «памятник», то есть то, что надлежит помнить народу, обществу, государству, личности, гражданину как особый культурно-исторический символ, знак, обозначающий важнейший этап развития нации, становления общества в трудной борьбе за выживание в конкурентных условиях; за борьбу за существование и процветание Родины и Отечества, то есть территориальную целостность, неприкосновенность, политическую независимость государства.

2. Идеологию и национальную идею, то, что позволяет объединить граждан, общество, классы, государство, народ, страну, то, что лежит в основе общезначимых (традиционных или инновационных) ценностей.

3. Культурную идентичность личности, гражданина, общества, государства, народа определенной эпохи, определенной культуры, определенной страны, региона, национальности, вероисповедания и пр., то есть наличие культурного кода, отличающегося от других историко-культурных систем, имеющего символическое, обобщающее для носителей культурного сознания значение, необходимое для существования и развития российского общества в разных историко-культурных условиях.

4. Символизирующий для данного общества полезный опыт преодоления и развития, ознаменовавшийся успешной для народа (всех без исключения) победой преодоления исторических барьеров (*прим. автора*).

Таким образом, «памятник культуры» имеет, прежде всего, сакральное, мемориальное значение.

Наиболее полно в уголовном праве значение данной дефиниции раскрывается в ст. 243.1 УК РФ «Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации либо выявленных объектов культурного наследия» (Уголовный кодекс, действующая редакция от 07.02.2017, Москва, Кремль, 13 июня 1996 года № 63-ФЗ).

Соответственно, для определения особого статуса (памятника истории и культуры или объекта, имеющего художественную значимость) объектов судебно-искусствоведческой экспертизы, достаточно опереться на формальные критерии, а именно: включенность в единый государственный реестр объектов культурного наследия (или не включенность); выявленность (то есть ранее не известных, но выявленных в результате

научного исследования артефакта научно-исследовательскими институтами или ведомственными комиссиянными экспертизами памятников истории и культуры).

Статья 164 УК РФ, как известно, входит в гл. 25 – Преступление против здоровья населения и общественной нравственности. Соответственно, можно выделить в объекте, претендующего на особую историческую, научную, художественную или культурную ценность, тему «общественной нравственности», которая может быть, в контексте правового спора, объектом спора и в судопроизводстве – объектом доказывания [3, 5].

Применительно к объекту судебно-искусствоведческой экспертизы данное определение раскрывается в Конституции РФ (гл. 1. Основы конституционного строя, гл. 2. Права и свободы человека и гражданина), которое поддерживается и развивается во всех нормах материального и процессуального права. Однако наиболее определенно (относительно объектов судебно-искусствоведческой экспертизы – предметов, имеющих особую историческую, научную, художественную, культурную ценность) понятие «общественная нравственность» раскрывается в Уголовном кодексе Российской Федерации посредством квалификации преступлений как антиобщественных деяний, где дается определение «общественная нравственность» от противного, например, в п. 2. ст. 115 УК РФ «...по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»; ст. 110 УК РФ – «...угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства» и пр.

Таким образом, согласно ст.ст. 164, 190, 243, 243.1, 243.2 УК РФ, нарушение порядка хранения, перемещения, оборота памятников культуры наносит вред общественной нравственности посредством отторжения злоумышленником каким-либо противозаконным способом (утратой, уничтожением, мошенничеством, вандализмом, хищением, контрабандой) культурных ценностей, имеющих общественную значимость, необходимую для развития, познания, формирования культурного кода – общественного сознания и мироощущения, мировоззрения, духовных и материальных ценностей, традиций, идеальных норм-образцов, имеющих ключевое значение в культурно-исторической самоидентификации личности, общества, государства.

Список литературы

1. **Искусство** в системе культуры / Сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. 270 с.
2. **Мигунов А. С., Хренов Н. А.** Эстетика и теория искусства XX века : учеб. пособие. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 320 с.
3. **Орлов Ю. К.** Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: [б. и.], 2005.
4. **Россинская Е. Р.** Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. 3-е изд., доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. 736 с.
5. **Словарь** основных юридических терминов / Под ред. В. Д. Перевалова. 3-е изд. М.: НОРМА, 2009. С. 449 – 471.

6. **Словарь** философских терминов / Науч. ред. проф. В. Г. Кузнецов. М.: ИНФРА-М, 2005. XVI. 731 с.
7. **Судебная** экспертиза : справочник. М.: РАП, 2012. 150 с.

References

1. *Iskusstvo v sisteme kul'tury* [Art in the system of culture], Sost. i otv. red. M.S. Kagan, Leningrad: Nauka, 1987, 270 p. (In Russ.)
2. **Migunov A.S., Hrenov N.A.** *EHstetika i teoriya iskusstva XX veka* [Aesthetics and theory of art of the twentieth century], Moscow: Progress-Tradiciya, 2005, 320 p. (In Russ.)
3. **Orlov Yu.K.** *Sudebnaya ehkspertiza kak sredstvo dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve* [Judicial examination as a means of proving in criminal proceedings], Moscow, 2005. (In Russ.)
4. **Rossinskaya E.R.** *Sudebnaya ehkspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom processe* [Judicial examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings], Moscow: NORMA, INFRA-M, 2015, 736 p. (In Russ.)
5. **Slovar' osnovnykh yuridicheskikh terminov** [Dictionary of Basic Legal Terms], Pod red. V.D. Perevalova. 3-e izd. Moscow: NORMA, 2009, pp. 449-471. (In Russ.)
6. **Slovar' filosofskikh terminov** [Dictionary of Philosophical Terms], Nauch. red. prof. V.G. Kuznetsov, Moscow: INFRA-M, 2005, XVI. 731 p. (In Russ.)
7. **Sudebnaya ehkspertiza** [Forensic examination], spravochnik, Moscow: RAP, 2012, 150 p. (In Russ.)

SIGNS OF SPECIAL VALUE IN OBJECTS OF FORENSIC ART EXAMINATION

L. K. Bondarenko, *Doctor of Philosophy, Candidate of Science (History),
North-Caucasus Branch of Russian State University of Justice,
Krasnodar;
sichaykin@mail.ru*

The paper explores the problem of uniformity of understanding of the main definitions used in regulating legal relations in the sphere of culture. It is substantiated that this is relevant in establishing both the subject of proof and the definition of the subject of forensic examination. Proceeding from this, the meaning of notions having legal significance is analyzed. These include "historical monuments and culture", "object of cultural heritage", "cultural heritage", relevant in articles 164, 190, 226.1, 243, 243.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: object of cultural heritage; monuments of history and culture; cultural heritage; forensic examination.

© Л. К. Бондаренко, 2018

Статья поступила в редакцию 14.03.2018

Уделено внимание особенностям нынешнего переходного этапа развития России: от системоцентристского к человекоцентристскому типу государства. Отправная точка при этом – Конституция РФ, которая остается главным достижением переходного периода. Вместе с тем, Конституция России проигнорировала главный вопрос исторического момента – вопрос о принципах десоциализации социалистической собственности, полностью отдав его на откуп практике. А неправовая приватизация стала главным фактором всех известных деформаций в политико-правовом развитии страны.

Ключевые слова: Конституция РФ; тип государства; переходный период; социалистическая собственность; десоциализация; приватизация.

Валентина Викторовна Лапаева, д-р юрид. наук, профессор,
Главный научный сотрудник Института государства и права РАН,
Москва;
lapaeva07@mail.ru

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Главной особенностью нынешнего исторического этапа развития России является его переходный, то есть все еще постсоциалистический, характер: страна на протяжении четверти века осуществляет крайне сложный, мучительный переход от тоталитарно-авторитарной системы власти с присущими ей приказными формами управления обществом к праву и правовому государству. Если же рассматривать этот краткий период в контексте всей отечественной истории, то речь должна идти о переломном по своей сути переходе от традиционного для страны системоцентристского типа политико-правовой культуры, в рамках которого социум (в лице сельской общины, партийной ячейки и компартии в целом, советского трудового коллектива, публично-властных институтов и т.п.) доминировал над человеком и подавлял его свободу, к человекоцентристскому типу, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Именно эти, политико-правовые в своей основе, изменения в системе взаимоотношений между человеком как субъектом права и государством как правоустанавливающей инстанцией, обозначающие главный вектор движения от традиционалистского общества к обществу модерна, составляют суть той кардинальной социокультурной трансформации России, которая пришлась на нынешний, постсоциалистический период.

Отправной точкой на этом пути можно считать принятие Конституции РФ, которая остается главным достижением нынешнего переходного периода, поскольку основные характеристики правовой государственности даются в ней с позиций приоритета прав человека. В настоящее время Конституция РФ подвергается критике со стороны представителей самых разных политических сил, призывающих к широкомасштабной кон-

ституционной реформе. Однако отмечаемые при этом недостатки вполне могут быть преодолены путем внесения точечных изменений в Конституцию, фактических договоренностей в рамках политического истеблишмента, а также путем последовательного толкования конституционного текста на основе человекоцентристской догмы права [5]. При этом никто не говорит о главном недостатке Конституции РФ, а именно о том что она, по сути, является основным законом развитого капиталистического государства. Это не конституция государства, осуществляющего сложный переход от одной формы собственности и основанного на ней устройства государственной и общественной жизни к другой форме собственности и другому социально-политическому строю. Конституция РФ проигнорировала главный вопрос исторического момента – вопрос о принципах де-социализации социалистической собственности, полностью отдав его на откуп практике.

В результате в 90-е годы прошлого века новое социальное устройство в России формировалось не на базе общественного договора, заключаемого в публично-правовом пространстве, а на основе сговора между властью и сформированным ею крупным бизнесом. А это с неизбежностью породило неофеодальное по своей природе слияние власти и собственности, которое у нас ошибочно отождествляют с рядовой коррупцией. Так называемая коррупция, пустившая корни на почве широкомасштабной неправовой (как по сути, так и по форме) приватизации общенародной социалистической собственности признана и властью, и обществом главной бедой нашего государства [4]. Одни отечественные авторы называют проведенную в стране приватизацию криминальной, другие – номенклатурной, а специалисты Всемирного банка называли инсайдерской. В настоящее время говорить об устойчивости государства и совершенствовании моделей государственного управления, не затрагивая данной проблемы, уже невозможно. Именно на этой проблеме, то есть на *роли приватизации в деформировании экономического и политико-правового развития страны*, сконцентрируем внимание.

Прежде всего, необходимо отметить, что постсоциалистическая приватизация, в отличие от приватизации, проводимой, например, в Англии, изначально имела неправовой характер. Правовая приватизация как разгосударствление собственности путем передачи ее частным лицам возможна лишь тогда, когда государство действительно является собственником в экономическом и правовом смыслах этого понятия. А социалистическое государство в лице партийной номенклатуры было не субъектом права собственности, а представителем общества, который мог лишь распоряжаться общественным достоянием. Причем, распоряжаться не на основе права, а посредством принудительно-командных методов. Именно благодаря приватизации была изменена природа социалистической квазисобственности, и она впервые на самом деле – в экономико-правовом смысле – была огосударствлена [9, с. 46], и государство наравне с созданными им другими частными собственниками стало полноценным субъектом рыночных отношений. К этому надо добавить и то, что первоначальный этап широкомасштабной приватизации осуществлялся вообще без сколько-нибудь серьезного законодательного обеспечения.

Такой характер приватизации не просто поставил собственников в жесткую зависимость от бюрократии и силовых структур, но и лишил крупных собственников социальной поддержки. Это способствовало непрекращающемуся переделу собственности (посредством как легальных инструментов, так и криминальных захватов), привело к бегству капитала из страны, паразитарному использованию накопленных ранее ресурсов, породило среди значительной части общества чувство несправедливости (которое по разным опросам является сейчас психологической доминантой), подорвало трудовую мотивацию людей, а значит – и нравственные основы общества, направило социальную активность в криминальное русло и т.д.

Неправовая приватизация стала главным фактором всех известных деформаций в политико-правовом развитии страны. Остановимся лишь на том, что представляется главным, а именно – на раскрытии *взаимосвязи между приватизацией и политической конкуренцией*, главным признаком которой является реальная возможность периодической ротации власти. Почему данный аспект проблемы так важен? Дело в том, что природа рынка такова, что экономическая конкуренция невозможна без конкуренции политической. Так называемая свободная экономическая конкуренция, если ее не ограничивать, неизбежно ведет к монополии (хотя бы потому, что деньги, как известно, идут к деньгам). И с какого-то момента главным фактором успеха победителей в конкурентной борьбе становится не талант и просчитанный риск, а капитал сам по себе. А это дорога к монополизму, который блокирует развитие экономики. Отсюда циклический, а, соответственно, и кризисный, характер рыночной экономики, которая балансирует между развитием свободной конкуренции и ее ограничением, всегда связанным с усилением социальной политики по перераспределению созданного богатства.

Во избежание слишком жестких кризисов необходимо вовремя уловить момент необходимости смены экономического курса. Данный момент невозможно просчитать в силу колоссальной сложности социального организма, его можно лишь более или менее верно определить в ходе общественно-политических дискуссий, выявляющих нарастающее недовольство разных слоев общества, и социальных инструментов, побуждающих власть реагировать на это недовольство. Такими инструментами являются свободные СМИ и политические партии как посредники между властью и обществом. Пока что, при всех разговорах о кризисе многопартийности на Западе, других механизмов оперативного реагирования на социальные настроения, потребности и запросы нет.

Возможно, развитие информационных технологий привнесет в этот процесс что-то новое (мы уже наблюдаем ростки этого нового на Западе). Но в настоящее время наиболее устойчивое развитие рыночного общества и соответствующего ему государства обеспечивается попеременной сменой у власти двух основных политических сил, ориентированных на две указанные стратегии социально-экономического развития. В постсоветской России попытки искусственно создать подобную двухпартийную систему предпринимались неоднократно. Они не увенчались успехом главным образом потому, что существование двух крупных партий, кото-

рые мирно сменяют друг друга у власти, возможно лишь в государстве, где действует устойчивый «договор о собственности» между властью, крупным бизнесом и остальными социальными группами. В России этого нет, поэтому любая серьезная ротация власти чревата столь же серьезным переделом собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями не только для самих собственников, но и для страны в целом.

Получается замкнутый круг: сложившийся экономический строй в силу его нефеодалной природы блокирует политическую конкуренцию, а отсутствие политической конкуренции не дает его модернизировать. И есть реальная опасность, что этот порочный круг рано или поздно (по уже привычному для России сценарию) будет разорван волной социального взрыва, который в очередной раз отбросит страну назад по логике так называемого «маятника Ахиезера». Фундаментальная работа А. С. Ахиезера, в которой наиболее полно изложена его авторская версия социокультурного (цивилизационного) подхода, называется «Россия: критика исторического опыта». Под критикой исторического опыта автор понимает процессы осознания обществом (его активной частью) неизбежной ограниченности сложившейся культуры, присущих ей ценностей, норм, отношений и институтов, а также готовность и способность к их изменениям, отвечающим вызовам времени. В России, по мнению А. С. Ахиезера, импульсы к подобному саморазвитию в силу ряда объективных причин недостаточны. Это порождает острейшее противоречие между исторической инерцией и стремлением отдельных социальных групп и личностей «ответить на «вызов истории», что требует выхода за рамки накопленного опыта» [1, с. 14].

Фактором, блокирующим возможность конструктивной критики исторического опыта, является раскол как особый социокультурный феномен, присущий российскому обществу еще со времени принятия христианства. Такой раскол – результат неразвитости внутрисоциальных коммуникаций и неспособности общества к достижению компромиссов, примирению сталкивающихся интересов, диалогу между ценностями. Вся история России, по А. С. Ахиезеру, «это борьба общинного, соборного начала и начала авторитарно-государственного. Интенция народа направлена то в сторону утверждения примата общинности, локальности и самоуправления, то в сторону признания над собой жесткой власти «первого лица». Реализация каждой из этих альтернатив всякий раз доходит до опасной черты, грозящей России гибелью, после чего происходит крутой разворот и общество начинает двигаться в обратную сторону» [6]. Раскол обессиливает общество, не позволяет России вырваться из замкнутого круга традиционалистской матрицы противостояния соборности и авторитаризма к современной демократии. Поэтому усилия по модернизации страны раз за разом осуществляются по формуле «реформы – контрреформы», а нерешенность задач модернизации периодически приводит к резким «поворотам в системе ценностей, периодическим попыткам повернуться спиной к своему вчерашнему опыту, к своим царям и вождям, с тем чтобы то ли прорваться к будущему, то ли вернуться к позавчерашнему дню...» [1, с. 42]. И есть серьезные опасения, что Россия уже исчерпала ресурсы для такого крайне расточительного типа развития [3, с. 66–67].

Для выхода из сложившейся ситуации требуется очень серьезная, кропотливая работа, направленная на формирование того, что автор называет срединной культурой. Эта работа включает в себя очень много задач – от расширения среднего класса (что совершенно необходимо при нынешней чудовищной социальной поляризации) до создания общенациональной правовой по своей сути идеологии общественного согласия. Но первоочередным направлением данной работы должно стать достижение реального компромисса, своего рода общественного договора о собственности, договора между властью, крупным бизнесом и теми широкими слоями населения, которые оказались обделенными по итогам приватизации нашего общего социалистического наследства.

Рыночная экономика сможет эффективно работать только в том случае, если в российском обществе найдутся силы для такого договора о собственности, результатом которого станет легитимация крупной собственности. В этой ситуации появятся отсутствующие сейчас возможности для развития политической конкуренции, поскольку ослабление зависимости бенефициаров приватизации от власти, то есть появление независимых крупных собственников, станет локомотивом развития реальной многопартийности (ведь партии, как известно, создаются отнюдь не на народные копейки). А политическая конкуренция рано или поздно вытянет за собой и остальные элементы политико-правовой системы.

Проблема легитимация собственности в постсоциалистической России беспрецедентна по своей сложности и взрывоопасности, поскольку чревата новым переделом собственности. За свою историю Россия пережила уже несколько (как минимум четыре) крупномасштабных переделов собственности, каждый из которых порождал резкий всплеск напряженности в обществе. Поэтому для решения проблемы нужны согласованные усилия всего общества. А на данном этапе, когда речь идет пока что о поиске и обосновании подходов к ее решению, нужны объединенные усилия всего научного сообщества. Но пока что поисками решения озабочены главным образом экономисты, предлагающие сугубо экономические меры в виде введения разового компенсационного налога на приватизационные сделки и задействования ряда иных инструментов налоговой политики.

Однако общественный договор о собственности – отнюдь не рядовое согласование экономических интересов. Это, по сути дела, соглашение внутри общества (между его основными социальными группами), а также между обществом и властью по поводу социально-экономических и политико-правовых основ того общественного строя, который формируется после социализма. В подтексте данного договора явно или неявно будет лежать то или иное отношение к социализму. Поэтому те, кто будет предлагать обществу варианты такого договора, должны, прежде всего, определиться со своим отношением к социализму.

Говоря о месте социализма в мировой истории и в истории России, мы попадаем в пространство дискуссий с широким диапазоном оценок: от сохранения верности коммунистической догматике до характеристики социализма как ошибочной идеи, ложной идеологии и псевдотеории. При этом весьма распространенными являются представления о том, что практика реального социализма не соответствует его доктрине. Принци-

пиально иной подход предложен в философско-правовых работах В. С. Нерсисянца, по мнению которого практика реального социализма, в полной мере воплотила коммунистическую идею, о сути которой сами классики марксизма говорили, что «коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности» [7, с. 438]. Но главное в его подходе – то, что социализм рассматривается не как ошибка мировой истории, а как негативная стадия диалектического развития общества. Термин «негативная» здесь взят из диалектической логики познания с ее схемой «тезис – антитезис – синтез», по смыслу которой социализм – антикапитализм как строй, основанный на частной собственности. Идея отрицания частной собственности и порождаемого ею неравенства, лежавшая когда-то у истоков христианства, сохранит свое историческое значение до тех пор, пока существует частная собственность.

Негативный характер социализма определил его промежуточное, *переходное* место в диалектике исторического процесса. Поэтому главная проблема постсоциализма связана с ответом на вопрос о том, «куда и как можно идти дальше от социализма: назад, к восстановлению частной собственности, или вперед, к новому большему равенству в экономике, праве и т.д.» [9, с. 17–18]. В качестве ответа на этот вопрос В. С. Нерсисянец предложил концепцию *цивилизма* (от лат. *civis* – гражданин) как нового общественного строя, в основе которого лежит признание за каждым гражданином страны личного, прирожденного и неотчуждаемого *права на равный минимум собственности* в размере одинаковой для всех доли от десоциализации некогда «общенародной» собственности. В правовом измерении цивилитарная собственность – это принадлежащая каждому гражданину страны от рождения идеальная доля в общей собственности всех граждан, гарантирующая ему соответствующую часть денежных средств от рыночного использования объектов общей собственности. Сверх этого минимума гражданской собственности допускаются и все другие виды собственности, рыночное функционирование которых обеспечивает дифференциацию в распределении социальных благ.

Концепция цивилизма могла появиться только на развалинах социализма. Однако данное обстоятельство не перечеркивает ее универсальный характер, ставший очевидным в условиях недавнего мирового финансово-экономического кризиса. Этот кризис «наглядно продемонстрировавший, что чрезмерная концентрация собственности в руках отдельных закрытых политических, экономических и чисто мафиозных структур, действующих в ущерб интересам большинства населения государств мира, становится слишком опасной, уже создал некоторые предпосылки для восприятия идей цивилизма» [2, с. 342]. Сам же автор полагал, что идея цивилизма, скорее всего, в той или иной форме будет реализована на Западе. Что касается России, то здесь данная концепция может использоваться как теоретико-правовой критерий оценки сложившейся ситуации и ориентир для исправления правовых деформаций.

С позиций такого критерия можно сказать, что наша дорога к праву будет разблокирована, если обществу удастся достичь социального компромисса между, с одной стороны – большинством населения, исключен-

ного из дележа социалистического наследства, а с другой – крупным бизнесом, заинтересованным в легитимации своей собственности, и государством, выступающим в двух своих ипостасях – «в качестве собственника объектов социалистической собственности, огосударствленных в ходе приватизации, и в качестве публичной власти» [9, с. 53]. Это требует открытого, честного общественного обсуждения вопросов, связанных с определением: объема и форм компенсации за неправоую приватизацию; порядка и форм использования полученных средств; процедур социального контроля за их использованием.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.
2. Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. 543 с.
3. Лапаева В. В. Перспективы постсоциалистического развития России // Правоведение. 2014. № 3. С. 62 – 81.
4. Лапаева В. В. Приватизация социалистической собственности (конституционно-правовой и философско-правовой анализ) [Электронный ресурс] // Вопросы права и политики. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_10985.html (дата обращения: 21.06.2014).
5. Лапаева В. В. Роль российской теории права в совершенствовании конституционной юстиции [Электронный ресурс] // Материалы Международной конференции «Современная конституционная юстиция: вызовы и перспективы». М., 2016. URL: <http://ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Documents/2016Lapayeva.docx> (дата обращения: 17.05.2016).
6. Лурье С. Социокультурная динамика России: к вопросу о теоретических предпосылках исследования. Размышления над книгой А. С. Ахиезера «Россия: критика исторического опыта» [Электронный ресурс]. URL: <http://svlourie.narod.ru/articles/ahiezer.htm> (дата обращения: 21.06.2014).
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Т. 4. С. 419 – 459.
8. Матвеева С. Я. Расколотое общество: путь и судьба России в социокультурной теории Александра Ахиезера // В кн. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 3 – 41.
9. Нерсисянц В. С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: НОРМА, 2001. 64 с.

References

1. Ahiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: Criticism of historical experience. From the past to the future], Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1997, 804 p. (In Russ.)
2. Zor'kin V.D. *Sovremennyy mir, pravo i Konstituciya* [Modern world, law and the Constitution], Moscow: Norma, 2010, 543 p. (In Russ.)
3. Lapayeva V.V. [Prospects of post-socialist development of Russia], *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2014, no. 3, pp. 62-81. (In Russ.)
4. Lapayeva V.V. [Privatization of socialist property (constitutional legal and philosophical and legal analysis)], *Voprosy prava i politiki* [Questions of law and

politics], URL: http://e-notabene.ru/lr/article_10985.html (accessed 21 June 2014). (In Russ.)

5. **Lapaeva V.V.** [The Role of the Russian Theory of Law in Improving Constitutional Justice], *Materialy Mezhdunarodnoj konferencii "Sovremennaya konstitucionnaya yusticiya: vyzovy i perspektivy"* [Proceedings of the International Conference "Modern Constitutional Justice: Challenges and Perspectives"], Moscow, 2016. URL: <http://ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Documents/2016Lapayeva.docx> (accessed 17 May 2016). (In Russ.)

6. <http://svlourie.narod.ru/articles/ahiezer.htm> (accessed 21 June 2014).

7. **Marks K., Engel's F.** *Sochineniya* [Compositions], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955, vol. 4, pp. 419-459. (In Russ.)

8. **Matveeva S.Ya.** *Raskolotoe obshchestvo: put' i sud'ba Rossii v sociokul'turnoj teorii Aleksandra Ahiezera* [Split society: the path and fate of Russia in the socio-cultural theory of Alexander Akhiezer], In: *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. (Sociokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of historical experience. (Socio-cultural dynamics of Russia)], vol. 1. *Ot proshlogo k budushchemu* [From the past to the future], Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1997, pp. 3-41. (In Russ.)

9. **Nersesyanc V.S.** *Nacional'naya ideya Rossii vo vsemirno-istoricheskom progresse ravenstva, svobody i spravedlivosti. Manifest o civilizme* [The national idea of Russia in the world historical progress of equality, freedom and justice. Manifesto of Civilization], Moscow: NORMA, 2001, 64 p. (In Russ.)

RUSSIAN STATE ON THE POST-SOCIALIST STAGE OF DEVELOPMENT

V.V. Lapaeva, Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
lapaeva07@mail.ru

The author focuses on the peculiarities of the current transitional stage of Russia's development: from the system-centric to the human-centered type of state. The starting point for this is the RF Constitution, which remains the main achievement of the transition period. However, the Russian Constitution ignored the important question of the historical moment – the question of the principles of de-socialization of socialist property – and let it completely at the mercy of practice. Illegal privatization became the main factor of all known deformations in the political and legal development of the country.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; type of state; transitional period; socialist property; de-socialization; privatization.

© Б. В. Лапаева, 2018

Статья поступила в редакцию 20.01.2018

Проанализированы взаимоотношения присяжной адвокатуры и революционных народников в ходе судебных политических процессов во второй половине 1860-х – начале 1880-х гг. (по материалам деятельности Д. В. Стасова). На основе архивных материалов приведены факты активной поддержки, как моральной, так и материальной, со стороны либеральной адвокатуры своих подзащитных-революционеров, что выходило за рамки функциональных обязанностей присяжного поверенного и привело к противостоянию с государством.

Ключевые слова: адвокатура; история права; Российская империя; судебная реформа 1864 г.; правосудие.

Дмитрий Максимович Легкий, д-р ист. наук,
профессор юридического факультета,
Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова,
г. Костанай, Казахстан;
info@ksu.edu.kz

**АДВОКАТ И ЕГО ПОДЗАЩИТНЫЕ
НА СУДЕБНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ
НАД РЕВОЛЮЦИОННЫМИ НАРОДНИКАМИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-х – НАЧАЛЕ 1880-х ГОДОВ
(по материалам деятельности Д. В. Стасова)**

Современные ученые правомерно замечают, что в ходе ускоренной модернизации в России во второй половине XIX в. данный процесс сопровождался, к сожалению, не установлением сотрудничества администрации с просвещенной общественной средой, совершенно необходимого для успеха государственных преобразований, а острой борьбой, «сопряженной с взаимной дискредитацией» [6, с. 88].

Особенно ярко это проявилось в ходе громких судебных политических процессов над революционными народниками во второй половине 1860-х – начале 1880-х гг. Анализируя политический и юридический феномен присяжной адвокатуры, ее исследователь Н. А. Троицкий пришел к выводу, что судебные политические процессы в России не только подрывали авторитет самодержавной власти и будили сочувствие и симпатии к революционерам, но и стали актами антиправительственной борьбы, представляя собой в совокупности как бы «второй фронт» освободительного движения [20, с. 410–411].

Знаменитый адвокат Н. П. Карабчевский, бравировавший своим аполитизмом в годы революции 1905 – 1907 гг. в России, оказавшись после Октябрьской революции 1917 г. в эмиграции, был вынужден признать, что «при самодержавно-бюрократическом строе... вся публичная деятельность лучших адвокатских сил была у нас всегда деятельностью оппозиционной» [5, с. 15 – 17].

Вместе с тем наряду с легальной возможностью выражать свою гражданскую позицию (не выходя за рамки Судебной реформы 1864 г.), при-

сяжная адвокатура широко использовала нелегальные формы и средства противостояния самодержавной власти. Выразилось это в первую очередь в поддержке, как моральной, так и материальной, революционного движения, когда его наиболее активных адептов подвергали судебным преследованиям в строгом соответствии с законами Российской империи.

В этом отношении весьма поучительна роль одного из создателей Судебных уставов 1864 г. первого председателя Петербургского Совета присяжных поверенных Д. В. Стасова (трижды избираемого на эту должность в период с 1866 г. и вплоть до 1914 г.). Будучи известным адвокатом, он никогда не отказывался от участия в судебных политических процессах, самоотверженно защищая преданных суду тверских мировых посредников в дореформенном суде, а затем, после судебной реформы 1864 г., выступив политическим защитником на судебных процессах ишутинцев, нечаевцев, участников «хождения в народ», народовольцев, что вызывало недовольство верхов и окончательно закрепило за ним репутацию политически неблагонадежного [9 – 13].

Такой упрек в 1866 г. высказал Д. В. Стасову на Каракозовском процессе, как защитнику Н. А. Ишутина, член Верховного Суда принц П. Г. Ольденбургский. Адвокат сделал все возможное для своих подзащитных. Так, по его совету после подачи подсудимыми прошения о помиловании (к чему прибегли многие), приговор в их отношении был смягчен. Ишутину смертная казнь была заменена пожизненной каторгой. Причем, над ним была совершена «тяжелая комедия с помилованием», когда он «был привезен на место казни, там ему был прочитан приговор, надет саван и спущен на глаза колпак, и в то время, когда надо было уже вздеть на веревку, явился фельдъегерь, объявивший помилование». «К чему было заставлять человека испытывать весь ужас приближающейся казни, когда уже решено было его помиловать! – С возмущением пишет Стасов уже в годы первой русской революции. – Этот же самый прием был применен и над петрашевцами, но то было при Николае I» [12, с. 290].

Вместе с тем в воспоминаниях адвоката умалчивается об одном интересном факте, о котором с гордостью рассказывает его жена. «Имея ввиду казнь Ишутина, – вспоминала П. С. Стасова, – Д. В. предложил мне написать для Ишутина на высочайшее имя просьбу о не лишении его жизни, я написала, Д. В. остался очень доволен, свез ее Ишутину, тот переписал ее» [15, д. 415, л. 28]. Так что не стоит особо удивляться малодушию революционера в прошении, о помиловании которого историки читают возвышенные слова: «Я осмеливаюсь пасть к стопам вашего Императорского Величества и со слезами умолять вас о помиловании» [3, д. 6, л. 541].

При арестах и обысках самого Д. В. Стасова, ему, конечно, власти не могли официально поставить в вину провозглашенное судебной реформой право на защиту российских подданных, но в частном разговоре с его женой председатель Верховной распорядительной комиссии граф Лорис-Меликов ссылаясь на недовольство такой деятельностью Дмитрия Васильевича самим императором. «Плюнуть не дают, извините за выражение, чтобы не приплетали имя Стасова, – сказал мне на днях его величество», – аккуратно записала в своих мемуарах этот разговор П. С. Стасова. «Это все оттого, что ваш муж занимается политическими защитами. А для

чего? – добавил уже от себя Лорис-Меликов. – Вот и в Одессу ездил ... Обязанность – обязанностью, не всякого надо защищать» [15, д. 414, л. 106]. Некоронованный правитель был недоволен участием адвоката на известном политическом процессе И. М. Ковальского в 1878 г.

Когда на имена идеологов народничества был наложен строжайший запрет, Д. В. Стасов, пользуясь адвокатской трибуной, как, например, на процессе «193-х», смело отстаивал права русского человека читать «сочинения Чернышевского и Бакунина, журнал “Вперед” Лаврова..., Ткачева и Кропоткина», так как, по его словам, «всем хочется знать... что пишут русские, живущие за границей», и без всякого смущения заявлял, что «сочинения эти читает не одна молодежь, читают все вообще» [2, д. 800, л. 240 – 245].

На рубеже 1870 – 1980-х гг., как потом вспоминала жена Д. В. Стасова, «по почте рассылали массу таких брошюр» [15, д. 414, л. 46]. Тем более, что его брат В. В. Стасов, находясь на штатной должности библиотекаря (с 1872 г. до конца жизни заведовал Художественным отделом Публичной библиотеки), «по своему положению тайного советника имел право получать все, даже нелегально печатавшееся за границей», о чем вспоминала Е. Д. Стасова. При этом (по ее словам) «один экземпляр он сдавал в секретный архив библиотеки, а второй регулярно приносил в семью моих родителей для прочтения» [18, с. 57].

Конечно, это не означает, что видный адвокат сам придерживался радикальных революционных убеждений, хотя и был сторонником идеи мирной революции. Просто, как демократически настроенный и просвещенный человек, он всеми доступными, хотя и рискованными средствами боролся за неотъемлемое право на свободу слова и печати, за право иметь собственное мнение. По справедливому замечанию современных ученых, на протяжении всей второй половины XIX в. гуманизм, революционность и социализм в сознании передовой интеллигенции сливались воедино [7, с. 128].

Наряду с этим, Д. В. Стасов горячо поддерживал своих подзащитных, участников «хождения в народ», делавших все возможное для того, «чтобы не было разницы между образованным классом и народом» [2, д. 800, л. 142, 237–238] (наученные горьким опытом царские власти запретили тогда предавать гласности в печати «возмутительные» речи адвокатов). Таким же образом, он одобрял «естественный переход к сближению с народом, которое... вылилось и в хождение в народ и проч.» [17, с. 227–228].

Не удивительно поэтому, что в жандармских справках на Д. В. Стасова непременно значилось уличающие его факты. «Он был защитником... по делу о развитии преступной пропаганды в империи. – Указывалось в одном из документов. – Он же взял на поруки подсудимых Сабелькина... Кротонова, Александровского, Городецкого» [1, д. 7951, л. 9]. Более того, как вспоминала его жена, «из остальных Д. В. взял на поруки Пономарева, Доброва и Кротонова и поселил их у нас в свободной одной комнате... жили они дружно, на полном нашем иждивении, Добров давал уроки истории нашему Сереже» [15, д. 415, л. 63]. Содержание таких уро-

ков, конечно, не соответствовало триаде – «самодержавие, православие, народность» и программе министерства просвещения.

Более того, адвокат делал для своих подзащитных многое такое, что далеко выходило за пределы его служебных обязанностей. «Сабелькина, больного чахоткой, поместил в Мариинскую больницу. Наш домашний доктор, А. Н. Оппенгейн, навещал и лечил его, и мы с мамой часто к нему ездили, возили крепкий бульон, бифштексы, вино. – Отмечает в своих воспоминаниях дочь адвоката В. Д. Комарова. – Милый был, кроткий, угадывающий юноша. Он вскоре умер, и папа хоронил его» [16, д. 314, л. 95]. Другого подсудимого Кротонова, по словам П. С. Стасовой, «Д. В. поместил на лечение в лазарет Медицинской Академии, где он скоро и скончался», причем, «его не позволили хоронить иначе, как тайком из Академии ночью». Видимо, власти побаивались превращения похоронной процессии в демонстрацию протеста. П. С. Стасова с чувством гордости отмечает, что «Пономарев ... называл меня и Д. В. – матерью и отцом» [15, д. 415, л. 63]. Такое сближение присяжной адвокатуры с революционными народниками больше всего и беспокоило царское окружение, которое с досадой констатировало, что общественное мнение совсем не на стороне правительства.

Многие подсудимые освобождались от тюремного заключения благодаря поручительству сочувствовавшего им адвоката под залог до 10 тыс. руб. и, по мнению советских исследователей, «с согласия Дмитрия Васильевича Добровольский бежал за границу», причем, «деньги Д. В. Стасова, естественно пропали» [8, с. 76].

Подтверждение такого факта придавало бы большую весомость заслугам Дмитрия Васильевича в содействии революционному подполью, но при более тщательном рассмотрении источников, выясняется, что согласия поручителя на побег не было, а денежный ущерб со временем ему был все-таки возмещен. Опираясь на сведения (проводимые в воспоминаниях П. С. Стасовой), исследователи не обратили внимания на то, что напротив ее слов – «с согласия Дмитрия», стоит фигурная скобка и три вопросительных знака, так же как и напротив слов, что «он ездил в Одессу на защиту Ковальского» [15, д. 414, л. 52]. Это означает не сомнение в чем-либо автора мемуаров, а отрицание данных утверждений самим Д. В. Стасовым, рукой которого сделаны эти и ряд других пометок.

Дело в том, что М. И. Ковальского на суде защищал не он, а другой известный адвокат Г. В. Бардовский. Через год Стасов будет уже вынужден давать в качестве «залога за Бардовского процентные бумаги на 10 тыс.» (из письма А. А. Герке к Д. В. Стасову от 6 октября 1879 г.) [14, д. 101, л. 1]. По поводу же побега Добровольского, дочь Дмитрия Васильевича заметила, что ее отец «ничего не знал о бегстве взятого на поруки», «а Добровольский не счел себя обязанным оправдать это поручительство и сбежал». Однако впоследствии «его родственники вернули Д. В. что-то около 5000» [16, д. 314, л. 47; д. 321, л. 310]. Две сестры Добровольского после получения наследства посчитали «себя нравственно обязанными, возвратить... 5000 руб.», что ровно наполовину возместило ту сумму, которую по постановлению Особого Присутствия пришлось пе-

передать «в капитал на устройство мест заключения» (из письма Л. И. Соловьевой к Д. В. Стасову от 22 ноября 1883 г.) [16, д. 381, л. 6].

Оказание различной помощи осужденным революционерам проводилось Стасовым скрытно, на постоянной основе и в массовом порядке, что подтверждают письма к нему многих известных деятелей народнического движения: М. Ф. Грачевского, Ф. Н. Лермонтова, С. В. Мокиевского-Зубка, Н. А. Виташевского, В. Н. Фигнер.

Революционеры-народники, отданные под суд, нередко обращались к своему защитнику и поручителю, по словам Мокиевского-Зубка, «как утопающий за соломинку» с выражением «своей горячей благодарности за участие» [14, д. 381, л. 12]. Так, один из подзащитных Д. В. Стасова, революционер П. В. Курдюмов обращался к нему из далекой ссылки «с просьбою... прислать рублей 50» [14, д. 325, л. 7], другой участник «хождения в народ» А. А. Александровский вообще просил «устроиться сельским хозяином в деревне, ссудив... деньгами в количестве не более 600 руб.» [14, д. 320, л. 4].

Стасов, конечно, помогал по мере возможности, о чем говорит благодарность, высказанная ему М. Ф. Грачевским за «письмо и двадцать пять руб. сер. денег», когда он шел по этапу через Архангельск» [14, д. 321, л. 1]. Забота о судьбе Грачевского показывает, что адвокат оказывал помощь не только своим подзащитным, но и другим революционерам, вызвавшим у него уважение. Именно в это время, в июле 1879 г., начальник жандармского управления столицы предлагает начальству: «Дмитрия Стасова лишить права заниматься адвокатурой и под надзор» [4, д. 81, л. 54].

Характерно, что несмотря на участие в защите ишутинцев, террористов-народовольцев (процесс Ковальского, «17-ти»), сам Д. В. Стасов не признавал террористические формы борьбы. По воспоминаниям его старшей дочери В. Д. Комаровой, о таком революционере-народнике как Л. Г. Дейч, «папа не мог говорить без отвращения, так как это был тот, кто облил серной кислотой (!) какого-то предателя после нечаевского процесса» [16, д. 314, л. 46]. Это факт действительно был, и вызвал общественный резонанс, но «революционный приговор» совершил не известный впоследствии революционер Л. Г. Дейч, а другой народник Н. Е. Горинович в 1876 г. Кроме того, судя по заметкам самого Д. В. Стасова, «как всегдашний противник смертной казни», он в резкой форме осуждал покушения на жизнь русских императоров (как в 1881 г., так и в 1887 г.), искренне считая такие действия «зверским злодеянием» [14, д. 383, л. 1; 16, д. 314, л. 48].

Вместе с тем именно через Д. В. Стасова длительное время осуществлялась материальная поддержка осужденным на различных судебных политических процессах. Так, например (по свидетельству П. С. Стасовой уже в официальной печати в 1915 г.), видная деятельница женского движения А. П. Философова (жена главного военного прокурора России) «обратилась к Д. В.» в середине 1870-х годов с просьбой передать по назначению «пакет», где «была собранная ею сумма для высылаемых после одного процесса лиц». Вот она российская действительность: глава семьи В. Д. Филосовов, главный военный прокурор Российской империи —

по долгу службы – должен был, несмотря на свои либеральные взгляды, отправлять «политических преступников» на каторгу, а его супруга – по совести и зову сердца – материально и морально поддерживает революционеров. По приказу Александра II (вынужденного лично вершить судьбы дворянской семьи), А. П. Филосову – по подозрению в участии в революционном движении, фактически, за помощь осужденным и их родственникам, высылают на два года за границу (вернуться разрешили в 1881 г.). Одновременно (в том же году) ее мужа В. Д. Философова указом императора назначают членом Государственного Совета (фактически, это была почетная ссылка) [19, с. 16].

Благородная, подвижническая деятельность Д. В. Стасова в оказании помощи революционерам (независимо от их «партийной» принадлежности) была не исключением, а характерной чертой свободомыслящей российской интеллигенции, которая не хотела связывать свое имя с репрессивной политикой царского правительства. Историки долго будут спорить во взаимоотношениях либерально настроенной присяжной адвокатуры и революционного народничества (а затем, их идейных наследников социалистов-революционеров), кто с кем оказался «попутчиком», кто кого «использовал» в своих политических интересах, но факт остается фактом, русская революция стала неизбежной.

Символично, что в преддверии надвигающихся революционных потрясений видные деятели народнического движения, вставшие в свое время на путь террора (пройдя каторгу и ссылку), признавали правоту жизненной позиции главы присяжной адвокатуры. «Когда вы выступили на суде моим защитником, я был слишком юн... – Обращался с благодарностью к Д. В. Стасову 19 мая 1916 г. бывший активный член организации “Земля и Воля” Н. А. Виташевский. – Но в соприкосновении с Вами тогда, почти 40 лет тому назад была еще одна, и гораздо более важная сторона. Всецело поглощенный своими идеалами (которым, впрочем, остаюсь верен и по сей день), вращаясь в среде таких же, как и сами, крайних идеалистов и людей партии, и я к тому времени не успел еще заметить, что вне тесного круга ближайших соратников есть и еще люди высоких идеалов и возвышенных чувств. В Вашем лице я встретил впервые одного из таких людей» [14, д. 77, л. 225]. Таким же образом, 19 января 1917 г. старая революционерка В. Н. Фигнер в письме к Д. В. Стасову выразила ему признание за «благородно проведенную жизнь» [20, с. 70].

Историки еще долго будут спорить, «кто виноват», «кто кого не понял», но репрессивные меры карательных органов самодержавия, нередко носящих превентивный характер, занимали в этой политике определяющее место. Достичь взаимопонимания формирующееся гражданское общество и, казалось бы, незыблемое самодержавие так и не смогли. Неприятие российской действительности, несмотря на все реформационные изменения второй половины 1860-х – 1870-х гг., оказалось составной частью не только мировоззрения, но и практической деятельности либерально настроенной адвокатуры, что и проявилось в ходе судебных политических процессов.

В конечном итоге, в оппозиции к самодержавию оказались практически все корифеи как «старой», так и «молодой» адвокатуры – К. К. Ар-

сеньев, И. В. Гессен, А. С. Зарудный, В. А. Маклаков, П. Н. Малянтович, Н. К. Муравьев, С. А. Муромцев, В. Д. Спасович, Д. В. Стасов, А. И. Урусов и многие др. [20, с. 61 – 157]. В результате Февральской и Октябрьской революций 1917 г. в России представители именно сословия присяжных поверенных А. Ф. Керенский и В. И. Ульянов (Ленин) оказались у руля государственной власти.

Список литературы

1. **Государственный** архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109 (Секретный архив III отделения). Оп. 230. Д. 7951.
2. **ГАРФ**. Ф. 112 (ОППС для суждения дел о государственных преступлениях). Оп. 1. Д. 800 (Дело о революционной пропаганде в империи).
3. **ГАРФ**. Ф. 272 (Следственная комиссия и Верховный уголовный суд по делу о покушении на Александра II). Оп. 1. Д. 6.
4. **Центральный** государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА, СПб.). Ф. 2073 (Канцелярия Петербургского Временного генерал-губернатора). Оп. 2. Д. 81.
5. **Карабчевский Н. П.** Что глаза мои видели. Т. 2. Берлин, 1921. 168 с.
6. **Карпачев М. Д.** Истоки русской революции. Легенды и реальность. М., 1991. 272 с.
7. **Карпачев М. Д.** Разночинная интеллигенция как феномен политической культуры пореформенного времени // Освободительное движение в России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. В. С. Парсамова. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 77 – 88.
8. **Лебедев А. К., Солодовников А. В.** Владимир Васильевич Стасов. М., 1982. 288 с.
9. **Легкий Д. М.** «В адвокатуру устремлялось все живое, честное, независимое». Санкт-Петербургский совет присяжных поверенных: от «эпохи великих реформ» до «периода контрреформ» (вторая половина 1860-х – первая половина 1880-х гг.) // Вопросы правоведения. 2016. № 1. С. 120 – 138.
10. **Легкий Д. М.** Д. В. Стасов – политический защитник // Государство и право. 2001. № 10. С. 98 – 106.
11. **Легкий Д. М.** Дмитрий Васильевич Стасов – забытый автор Судебных уставов 1864 г. в России // Правоведение. 2002. № 3. С. 201 – 217.
12. **Легкий Д. М.** Присяжная адвокатура на процессах по «делам о печати» после Судебной реформы 1864 г. в России // Проблемы права. 2006. № 1. С. 125 – 128.
13. **Легкий Д. М.** Процесс политических фальшивомонетчиков или «Дело о лицах, принадлежащих к противозаконному сообществу, составившемуся с целью распространения в России, из политических видов, фальшивых кредитных билетов» // Право и политика. Международный научный журнал. 2001. № 5. С. 98 – 102.
14. **Рукописный** отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). Ф. 294 (фонд Стасовых). Оп. 4 (Заметки, переписка Д. В. Стасова).
15. **РО ИРЛИ**. Ф. 294. Оп. 5. (Стасова П. С. Из прошлого).
16. **РО ИРЛИ**. Ф. 294. Оп. 8. (Комарова В. Д. Воспоминания).
17. **Стасов Д. В.** Каракозовский процесс (некоторые сведения и воспоминания) // Былое. 1906. № 4. С. 276 – 298.
18. **Стасова Е. Д.** Владимир Стасов. Воспоминания // Из кн: В. В. Стасов. 1824 – 1906. М.; Л., 1949.

19. **Стасова П. С.** Воспоминания // Сборник памяти Анны Павловны Фило-софовой. Пг., 1915. Т. 2. С. 11 – 20.

20. **Троицкий Н. А.** Адвокатура в России и политические процессы 1864 – 1904 гг. Тула : Автограф, 2000. 456 с.

References

1. **Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF)** [State Archives of the Russian Federation (GARF)], fund 109 [Secret archive of the 3rd department], inventory 230. case 7951. (In Russ.)

2. **GARF** [GARF], fund 112 [The special presence of the government Senate for judging cases of state crimes], inventory 1, case 800. (In Russ.)

3. **GARF** [GARF], fund 272 [The Investigation Commission and the Supreme Criminal Court in the case of the attempt on Alexander II], inventory 1, case 6. (In Russ.)

4. **Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga** (CGIA, St. Petersburg) [Central State Historical Archives of St. Petersburg (TsGIA, St. Petersburg)], fund 2073 [Office of the Petersburg Provisional Governor-General], inventory 2, case 81. (In Russ.)

5. **Karabchevskij N.P.** *Chto glaza moi videli* [What my eyes saw], vol. 2, Berlin, 1921, 168 p. (In Russ.)

6. **Karpachev M.D.** *Istoki russkoj revolyucii. Legendy i real'nost'* [The origins of the Russian revolution. Legends and Reality], Moscow, 1991, 272 p. (In Russ.)

7. **Karpachev M.D.** [Raznochinnaya intelligentsia as a phenomenon of political culture of post-reform time], *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: mezhevuz. sb. nauch. tr.* [Liberation movement in Russia: interuniversity collection of scientific works], Saratov, 2003, Issue. 20, pp. 77-88. (In Russ.)

8. **Lebedev A.K., Solodovnikov A.V.** *Vladimir Vasil'evich Stasov* [Vladimir Vasilyevich Stasov], Moscow, 1982, 288 p. (In Russ.)

9. **Legkij D.M.** ["All the living, honest, independent rushed to the bar." St. Petersburg Council of Sworn Attorneys: from the "era of great reforms" to the "counter-reform period" (the second half of the 1860's – the first half of the 1880's)], *Voprosy pravovedeniya* [Questions of Jurisprudence], 2016, no. 1, pp. 120-138. (In Russ.)

10. **Legkij D.M.** [D.V. Stasov – political defender], *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2001, no. 10, pp. 98-106. (In Russ.)

11. **Legkij D.M.** [Dmitry Vasilyevich Stasov – forgotten author of the Judicial Charters of 1864 in Russia], *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2002, no. 3, pp. 201-217. (In Russ.)

12. **Legkij D.M.** [Sworn advocacy in the processes of "Press Affairs" after the Judicial Reform of 1864 in Russia], *Problemy prava* [Problems of Law], 2006, no. 1, pp. 125-128. (In Russ.)

13. **Legkij D.M.** [The process of political counterfeiters or "The Case about the persons belonging to the illegal community, which was formed with the purpose of distribution in Russia, from political species, fake credit cards], *Pravo i politika. Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal* [Law and Politics. International Scientific Journal], 2001, no. 5, pp. 98-102. (In Russ.)

14. **Rukopisnyj otdel Instituta russkoj literatury (Pushkinskij Dom) RAN (RO IRLI)**, fund 294, inventory 4. (In Russ.)

15. **RO IRLI** [Hand-written department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (ROI IRI)], fund 294, inventory 5. (In Russ.)

16. **RO IRLI** [Hand-written department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (ROI IRI)], fund 294, inventory 8. (In Russ.)

17. **Stasov D.V.** [Karakozovsky process (some information and memoirs)], *Byloe [Past]*, 1906, no. 4, pp. 276-298. (In Russ.)
18. **Stasova E.D.** *Vladimir Stasov. Vospominaniya* [Vladimir Stasov. Memoirs], In book: V. V. Stasov, 1824-1906, Moscow; Leningrad, 1949 (In Russ.)
19. **Stasova P.S.** *Vospominaniya* [Memoirs], *Sbornik pamyati Anny Pavlovny Filosofovoj* [Collection of the memory of Anna Pavlovna Filosofova], Petrograd, 1915, vol. 2, pp. 11-20 (In Russ.)
20. **Troickij N.A.** *Advokatura v Rossii i politicheskie processy 1864 – 1904 gg.* [Advocacy in Russia and Political Processes 1864 - 1904], Tula: Avtograf, 2000, 456 p. (In Russ.)

**THE LAWYER AND HIS CLIENTS
IN THE JUDICIAL POLITICAL TRIALS
OF THE REVOLUTIONARY POPULISTS IN THE SECOND HALF
OF THE 1860s AND THE BEGINNING OF THE 1880s
(based on the work of D. V. Stasov)**

D. M. Legkiy, *Doctor of Historical Sciences, Professor, Faculty of Law,
A. Baytursynov Kostanay State University, Kostanay, Kazakhstan;
info@ksu.edu.kz*

The article analyzes the relationship between the legal professionals and revolutionary populists in the course of judicial political processes from the second half of 1860s to the beginning of 1880s (based on D. V. Stasov's works). Using the archival materials, the facts of active support, both moral and financial, of their defendants-revolutionaries by the liberal legal professionals were revealed. This went beyond the functional duties of the legal professionals and led to confrontation with the autocracy.

Keywords: legal professionals; history of law; the Russian empire; Judicial Reform of 1864; justice.

© Д. М. Легкий, 2018

Статья поступила в редакцию 21.04.2018

Рассмотрена сравнительная характеристика истории развития уголовно-процессуальных отношений в России и зарубежных странах. Проанализированы уголовно-процессуальные нормы права в различные периоды времени, начиная со времен появления Русской Правды и заканчивая сегодняшним днем, когда действует множество кодифицированных нормативных правовых актов, среди которых основную роль в уголовном судопроизводстве играет Уголовно-процессуальный кодекс России. На основе проведенного исследования сделаны выводы, которые в последующем позволят избежать ошибок в правотворческой деятельности.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные отношения; нормы права; законность; наказание; приговор; правосудие; закон.

Мария Алексеевна Ментюкова, канд. юрид. наук,
кафедра «Уголовное право и прикладная информатика в юриспруденции»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
mariya_men2003@mail.ru

Инга Владимировна Матушкина, старший инспектор направления
информационного обеспечения штаба ЛО МВД России
на станции Мичуринск, младший сержант полиции;
imatushkina@list.ru

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Уголовно-процессуальными отношениями называются отношения, которые возникли в уголовном судопроизводстве путем урегулирования процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, в ходе производства по нему на предварительном следствии (дознании) и в суде, а также при решении в процессуальном порядке вопросов исполнения приговора.

Принято утверждать, что уголовно-процессуальное законодательство России начало свое существование от Русской Правды – первого письменного источника (1016 г.), который являлся первым светским судебником, регулирующим отношения общественности между Киевской Русью и Новгородом. Однако данный судебник не имел права затрагивать церковной юрисдикции. Русская Правда существовала в двух редакциях – краткой и пространственной.

Русской Правдой ограничивалась возможность применения кровной мести, за исключением близких родственников, но только с позволения судебных органов.

Правовая система средневековой Руси заключала в себе важнейший орган разрешения различного рода конфликтов в процессе формирования правового порядка, которое называлось «вече». Исходя из сохранившихся древних документов, можно сделать вывод о том, что воля феодала

и обычное право продолжительное время являлись одним источником. Правосудие преследовало определенную цель – поддерживать социальное равновесие. На основании этого процесс судопроизводства являлся процедурой примирения, а также восстановлением нарушенных прав.

Первоначально решение по судебному процессу было устным, а уже в более позднее время оно стало облекаться в письменную форму. Если суд состоялся, то выдавалась «правая грамота». Если же сторона не являлась, то выдавалась бессудная грамота [3, с. 377]. Губные грамоты более подробно определили в появившуюся в конце XV в. новую форму процесса – розыск, применявшуюся по тяжким преступлениям, по делам «ведомых лихих людей». 5 ноября 1723 г. был издан именной указ «О форме суда» [5, с. 250], в соответствии с которым розыск был отменен, а суд стал единственной формой процесса. 26 июня 1765 г. был принят указ Правительствующего Сената «О производстве дел уголовных, учиненных несовершеннолетними, и о различии наказания по степени возраста преступников», согласно которому «мужескому, так и женскому полу совершенный возраст считать в 17 лет». Не достижение указанного возраста смягчало наказание и устраняло применение пыток [2].

Указом от 31.08.1765 г. «О собирании справок о летах преступников, выдающих себя за малолетних» предписывалось тщательнее устанавливать возрастные категории преступников. Екатерина II 08.04.1782 года подписала «Устав Благочиния, или Полицейский». Благочиние возглавлялось обер-полицмейстером, в других городах – городничим. Самостоятельные меры Управа могла принять только в разрешении мелких уголовных дел, когда дела, оцениваемые более, чем в 20 рублей или же дела о мошенничестве и краже, которые были совершены не в первый раз – рассматривались только судом. Во время правления Павла I было определено принятие специфичных мер по усовершенствованию деятельности в сфере расследования преступлений. Александр II издал Указ от 08.08.1960 г., при помощи которого образовался институт судебных следователей Российской Империи. Уголовный процесс в соответствии с преобразованиями, проведенными в ходе Судебной реформы, характеризовался следующими основными положениями: судопроизводство по общеуголовным делам было окончательно разделено на предварительное следствие и судебное разбирательство; обвинение было отделено от суда и передано прокуратуре; значительно расширились права обвиняемых и потерпевших; создана адвокатура; по делам о тяжких преступлениях к их рассмотрению привлекались присяжные заседатели для определения виновности в совершении данных преступлений; отменена система формальных доказательств и введена свободная оценка доказательств по совести и внутреннему убеждению судей; установлены гласность, непосредственность и состязательность в судебном разбирательстве [1, с. 394–395].

Судебными уставами была открыта совершенно иная, новая эпоха истории судебного права Отечества. Областью судоустройства власть суда провозглашалась самостоятельной, упразднялась пытка, впервые введено оценивание доказательств на основании внутренних убеждений судей. Основой таких убеждений были принципы демократии, вносимые значи-

тельные изменения в правовой статус всех участников уголовного судопроизводства и возникшие между ними правовые отношения.

Советская судебная система образовалась в процессе революционных преобразований в 1917 г. с приходом новой власти. Декрет «О суде» № 1 от 22 ноября 1917 г. [4] упрощал судебную систему, существовавшую до революции, и устанавливал новые судебные органы – революционные трибуналы и местные суды, которыми рассматривалась основная масса уголовных дел.

В дальнейшем происходили разного рода преобразования в сфере уголовного процесса: приоритетным органом становилось неконтролируемое и централизованное следствие, создавались различные внесудебные органы, принимались нормативно-правовые акты, которые регламентировали упрощенное производство, был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 27.10.1960 г., который вступил в законную силу в 1961 г. и действовал более 40 лет.

В 1993 г. принята Конституция Российской Федерации, действующая в настоящее время, при помощи которой разработан принципиально новый уголовно-процессуальный закон, соответствующий концепциям современного общества.

Рассуждая о вопросе становления уголовно-процессуальных правоотношений за рубежом, необходимо сказать, что в процессе становления уголовного процесса также происходили разного рода модернизации. Одной из неуклонных тенденций развития западных моделей уголовного судопроизводства является их конвергенция. Для того чтобы преступники «реадаптировались», создавались специальные детские исправительные учреждения, тюрьмы исправительного характера, запрещались виды наказаний с особой жестокостью (например, в Англии, Франции), отменялась смертная казнь; сменилась и усовершенствовалась структура уголовных законов и техника их составления. Англия упразднила деление всех преступных деяний на мелкие и особо тяжкие. Появились новые виды должностных и экономических преступлений, уголовные правонарушения, которые связывали себя с торговлей наркотических средств, нарушением правил дорожного движения.

Расширился субъективный состав уголовной ответственности: к ответственности начали привлекать как физических, так и юридических лиц. Происходило исключение различных преступлений из уголовного судопроизводства (за проституцию, сводничество). Появилась возможность дополнительных наказаний в отношении преступников-рецидивистов.

Тенденции отхода в уголовно-процессуальном законодательстве от точных определений преступления в более опасном виде начали проявляться в сфере политической преступности. Законы о преступлениях в области политики в условиях тоталитарного, авторитарного, фашистского толка становились оружием расправы с движениями, носящими демократичный характер и политическими партиями, находящимися в оппозиции.

Длительное время классификация и типизация уголовно-процессуальных отношений в зарубежных странах проводилась только на основании критериев взаимосвязи или разделения всех функций защиты, обви-

нения и правосудия, которые в XIX веке дали толчок для начала процесса разделения уголовного процесса на состязательный, розыскной и «смешанный». В процессе эволюции права из этих трех типов осталось лишь два: состязательный и «смешанный».

Классическим «смешанным» типом уголовного процесса можно назвать французский уголовный процесс, сочетавший в себе розыскное досудебное производство и состязательное судебное разбирательство.

Наряду с развитием уголовно-процессуальных отношений за рубежом происходило и образование функциональных норм, содержащих в себе черты «смешанного» и розыскного процессов. Поэтому нельзя говорить отдельно о типах уголовного процесса, которые в итоге могут существовать только в совокупности.

В настоящее время существуют два типа уголовного процесса: англосаксонский и романо-германский. Главным положением романо-германского типа является нормотворческая роль судебного производства, когда англосаксонский тип уголовного процесса большое внимание уделяет законодательству, а суд принимает положение правоприменительного органа, а не правотворческого.

По мнению современных ученых, «идеальным» типом уголовного процесса будет являться именно тот тип, в котором неизбежным будет смешение розыскного и состязательного процессов.

Современные системы уголовного процесса в демократическом обществе относятся к публично-исковым состязательным типам, обеспечивающим как общественные, так и частные интересы. Розыскной тип главенствует в начальных этапах в производстве по делу, когда состязательный преобладает в последующих стадиях.

Рассматривая исторический опыт в процессе развития уголовно-процессуального законодательства, как в России, так и за рубежом, можно сказать о том, что каждый НПА, который появлялся или образовывался как дополнение к ранее действующему, являлся определенным реформаторским изменением в системе уголовно-процессуальных правоотношений и политической жизни страны.

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство продолжает совершенствоваться и развиваться. Изучая имеющийся опыт развития норм уголовного процесса, возможно избежание ошибок в правотворчестве и сохранение в уголовном производстве положительно зарекомендовавших себя процедур.

Список литературы

1. **Курс** советского уголовного процесса. Общая часть. М.: Юрид. лит., 1989. 420 с.
2. **Момотов В. В.** Формирование русского средневекового права в IX – XIV вв.: монография. М.: Зерцало-М., 2003. 360 с.
3. **Полное** собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. XVII, № 12424. 460 с.
4. **Собрание** узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
5. **Энциклопедический** словарь / Под ред. А. В. Крутских. М.: ИНФРА-М, 2001. 510 с.

References

1. **Kurs** sovetского уголовного протсесса. *Obshchaya chast'* [The course of the Soviet criminal process. a common part], Moscow: Yurid. lit., 1989, 420 p. (In Russ.)
2. **Momotov V.V.** *Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX - XIV vv.: monografiya* [Formation of Russian medieval law in IX - XIV centuries], Moscow: Zertsalo-M., 2003, 360 p. (In Russ.)
3. **Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii** [Complete collection of laws of the Russian Empire], Collection 1, vol. XVII, no. 12424. 460 p. (In Russ.)
4. **Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR** [Collection of legalizations and orders of the Workers 'and Peasants' Government of the RSFSR], 1917, no. 4, article 50. (In Russ.)
5. **Entsiklopedicheskij slovar'** [Encyclopedic Dictionary], A.V. Krutskih (Ed.), Moscow: INFRA-M, 2001, 510 p. (In Russ.)

THE COMPARATIVE CHARACTERISTIC OF THE HISTORY OF DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEDURAL LEGAL RELATIONS IN RUSSIA AND ABROAD

M. A. Mentyukova, *Candidate of Law, Associate Professor, Department
of Criminal Law and Applied Computer Science in Law,
Tambov State Technical University;
mariya_men2003@mail.ru*

I. V. Matushkina, *Senior Inspector of the Information Support Division
of the LO MIA Russia in Michurinsk, Junior Police Sergeant;
imatushkina@list.ru*

The article compares the history of development of the criminal procedural relations in Russia and foreign countries. The authors analyze the criminal procedural rules of law in different periods of time, from the time of appearance of the Russian Truth and ending today, with multiple codified regulations, among which the Criminal Procedure Code of Russia plays the main role in criminal proceedings. On the basis of the research conclusions enabling to avoid mistakes in law-making practices in the future are drawn.

Keywords: criminal procedure relations; rules of law; legality; punishment; sentence; justice; law.

© М. А. Ментюкова, 2018

© И. В. Матушкина, 2018

Статья поступила в редакцию 01.05.2018

Приведен анализ элементов правосубъектности государства в процессе взаимодействия правовых систем на национальном, региональном и международном уровнях; актуализировано явление надгосударственности в международных отношениях и особенности его реализации на примере Европейского Союза. Отмечена устойчивость государственного суверенитета при заключении международных договоров и вступлении в международные организации.

Ключевые слова: добросовестное соблюдение международных обязательств; договорная правоспособность государства; международное лицо; надгосударственность; правовые системы; суверенитет.

Ольга Андреевна Пугина, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Трудовое и предпринимательское право»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
pugina.olga@mail.ru

ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Государство выступает в двух ипостасях – как международное лицо при реализации договорной правоспособности с равными субъектами международно-правовых отношений и как субъект политической власти при регулировании внутренних отношений физических и юридических лиц. Государство самостоятельно определяет форму ратификации международного договора, а также содержание изменений и дополнений к национальному закону, закрепленное силой государственного принуждения.

Но государство не может абсолютно распоряжаться своей правовой системой. Принцип суверенного равенства государств очень тесно связан с принципом добросовестного соблюдения международных обязательств. И это не может не отражаться на правосубъектности государства [3; 6, с. 38].

Суверенитет в современном мире понимается как основа государственной власти. Степень государственного суверенитета определяют конституции и федеративные договоры в сложных федерациях, а также международные акты. В действующем международном праве существуют принципы неприменения силы и мирного решения спорных вопросов. В то же время гл. VII Устава ООН содержит оговорку, дающую возможность Совету Безопасности ООН осуществлять принудительные меры, которые при наличии «любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии» могут серьезно ограничить суверенитет государства, что иногда и происходит. Суверенитет, таким образом, не гарантирует подчинение государств международному правопорядку.

Процесс конвергенции правовых систем выражается в притяжении государств посредством внешней силы. И национальному законодательству приходится приспосабливаться к требованиям международного сообщества, которые излагаются в международно-правовых актах. Однако

сближение систем приводит к конкуренции и коллизиям норм права различных государств, что мешает гармонизации норм и выработке правил общего правового поведения. Но правовые системы государств имеют устойчивые элементы, которые помогают сохранить их внутреннюю автономность. Это, прежде всего, культурная самобытность, особенности правового мышления, традиций, языка. Поэтому национальная правовая культура, хоть и подвергается аккультурации, но никогда не исчезнет совсем. И, соответственно, проблема состоит в том, что станет основной закономерностью будущего развития национальных правовых систем? Их постоянное притяжение друг к другу, и, в конечном счете, слияние в единую многоуровневую юридическую систему? Или будут преобладать внутренние силы? Возможен и третий вариант, что эти тенденции останутся едины в своей противоположности, а их движение будет напоминать маятник, который станет хорошим балластом международных отношений [4, с. 123].

Договорная правоспособность государства является основным условием его дееспособности как международного лица. Международные договоры не являются продуктом отдельной национальной правовой системы. Но, в то же время, договору должна быть придана форма, которая аналогична внутреннему праву государства, чтобы исключить проблемы их применения национальным судопроизводством. И, естественно, данные процессы не могут не отразиться на эволюции национального права.

Договорная правоспособность государства должна быть реализована только между субъектами международного права. А реальными международными лицами являются государства и международные организации. Непризнанные государства или как еще их называют народы, борющиеся за самоопределение, а также субъекты федерации не способны самостоятельно заключать международные договоры со всеми вытекающими юридическими последствиями. Например, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. сказано, что субъекты федерации не вправе наделять себя свойствами субъекта международного права [7]. На основании ч. 4 ст. 76 Конституции РФ они имеют право осуществлять собственное правовое регулирование вне пределов ведения России и совместного ведения России и субъектов. А межсистемные отношения находятся в исключительном ведении России (ст. 71 «к» Конституции РФ).

В конце XX и начале XXI вв. в мире происходит много существенных изменений. На международной арене появляются новые лица, такие как Европейский Союз и транснациональные корпорации, в результате чего образуется такое явление, как надгосударственность [1, с. 506; 2], которое ранее рассматривалось только в связи с конфедерациями. Термин «надгосударственность» по своей неопределенности и спорам, которые он вызывает, вполне соответствует термину «суверенитет».

Явление надгосударственности имеет промежуточное положение между традиционной международной организацией и федерацией. Надгосударственная организация отличается от других субъектов международного права, поскольку она определяет внутренние интересы сообщества. Участие в надгосударственной организации не означает для государства утрату суверенитета, поскольку такая организация не создает по отношению

к ним «конституционно более высокую систему управления» [5]. Надгосударственные образования имеют производную правосубъектность, исходящую из волеизъявления государств-членов.

Европейский Союз можно рассматривать как единое международное лицо, исходя из общих культурных традиций, субсидиарности и наднациональных органов управления. Хотя на нынешней стадии он находится под влиянием центробежных сил национальных держав. По выражению Жака Делора, европейская система – «неопознанный политический объект». Правовая система Европейского Союза, как единого международного лица, далека от классической юридической доктрины. Членов Европейского Союза трудно определенно назвать суверенными государствами, поскольку они добровольно отдали часть своей власти международному сообществу нового типа, хотя и сохранили свой национальный приоритет. Во всяком случае, методы управления Европейского Союза далеки от классической схемы конституционного права, несмотря на растущую роль европейского права.

Наряду с добровольной интеграцией правовых систем государств, происходит и вторжение транснациональных корпораций в современные национально-государственные образования. Они нуждаются в слабых государствах и заинтересованы в создании условий недееспособности государств. Транснациональные корпорации не заинтересованы в революциях, в коренных изменениях законодательной базы и тем более конституции. Они в процессе делового общения создают новые формы социальной организации, заменяющие нации-государства. Действия транснациональных корпораций увеличивают прозрачность границ между различными национальными системами, подчиняют их общим правилам игры на мировом рынке. Законы рынка подменяют юридические законы, и экономический мировой порядок становится правящей системой.

На основании вышеизложенного, сделаны следующие выводы. В процессе интеграции правовых систем происходит изменение содержания устоявшихся в теории права и государства понятий относительно правосубъектности государств.

Во-первых, современное толкование суверенитета государства предлагается производить с учетом обстоятельств его фактического ограничения при заключении международных договоров и вступлении в международные и надгосударственные образования.

Во-вторых, необходимо различать международное лицо государства как равноправного субъекта международного права, вступающего в горизонтальные отношения с другими субъектами, и лицо государства как субъекта политической власти, способного применить вертикаль государственного принуждения.

В-третьих, желательно определиться с понятием «надгосударственность» или «наднациональность». Такая терминология была введена еще в преамбуле Конституции Франции 1946 г., которая и в настоящее время действует в качестве составной части Основного закона Франции 1958 г. Также аналогичные нормы были зафиксированы в конституциях ФРГ и Италии, где признается ограничение суверенитета для организации и защиты мира.

В-четвертых, окончательно определить критерии дееспособности государств, которые могли бы облегчить признание самопровозглашенных государств, способствовать объединению государств в сильные надгосударственные образования и ограничить неправомерные действия юридических и физических лиц вне сферы своей компетенции.

В-пятых, международные, региональные и национальные правовые системы принадлежат к общему глобальному порядку, отражаемому как в нормах общего международного права, так и основных законах государств. Только с такой точки зрения можно согласиться с западными учеными, что международное право должно быть надгосударственным.

Список литературы

1. **Давыдова К. Ю., Шамаров В. М.** Современная тенденция интеграции европейских правовых семей // Молодой ученый. 2016. № 7. С. 505 – 509.
2. **Кашкин С. Ю., Ярихинская О. А.** История становления и развития науки Европейского права в России [Электронный ресурс]. URL: http://eulaw.edu.ru/documents/articles/science_history.htm (дата обращения: 12.09.2017).
3. **Концепция** внешней политики Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 12 февраля 2013 г [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/ (дата обращения: 16.01.2018).
4. **Марченко М. Н.** Сравнительное правоведение : учебник. М. : Проспект, 2017. 784 с.
5. **Павельева Э. А.** Миграционный кризис в Европейском союзе: наднациональность и суверенитет [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-v-evropeyskom-soyuze-nadnatsionalnost-i-suverenitet> (дата обращения: 4.11.2017).
6. **Паломбелла Д.** Особенности глобального права и взаимодействие различных правопорядков // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6. С. 38 – 46.
7. **По делу** о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И. Д. Ушакова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 2012 г. № 8-П, г. Санкт-Петербург // Российская газета. Федеральный выпуск № 5755 (82) от 13 апреля 2012.

References

1. **Davydova K.Yu., Shamarov V.M.** [The current trend of integration of European legal families], *Molodoi uchenyi* [Young Scientist], 2016, no. 7, pp. 505-509. (In Russ.)
2. http://eulaw.edu.ru/documents/articles/science_history.htm (accessed: 12 September 2017). (In Russ.)
3. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/ (accessed: 16 January 2017). (In Russ.)
4. **Marchenko M.N.** *Sravnitel'noe pravovedenie: uchebnik* [Comparative law: textbook], Moscow: Prospekt, 2017, 784 p. (In Russ.)
5. <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-krizis-v-evropeyskom-soyuze-nadnatsionalnost-i-suverenitet> (accessed: 4 November 2017). (In Russ.)

6. **Palombella D.** [Features of global law and the interaction of various law and order], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2012, no. 6, p. 38 – 46. (In Russ.)

7. [In the case on the verification of the constitutionality of paragraph 1 of Article 23 of the Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen ID Ushakov: Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 27, 2012 no. 8-P city of St. Petersburg], *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2012, no. 5755 (82). (In Russ.)

THE RIGHT OF THE STATE IN CONDITIONS OF INTEGRATION OF LEGAL SYSTEMS

O. A. Pugina, *Candidate of Law, Associate Professor*
Department of Labor and Entrepreneurial Law,
Tambov State Technical University;
pugina.olga@mail.ru

The paper analyzes the elements of the legal personality of the state in the process of interaction of legal systems at the national, regional and international levels. The phenomenon of supranationality in international relations and the specific features of its implementation is examined, using the example of the European Union. The author focuses on the stability of state sovereignty in concluding international treaties and joining international organizations.

Keywords: sovereignty; international person; legal systems; supra-statehood; conscientious observance of international obligations; contractual legal capacity of the state.

© О. А. Пугина, 2018

Статья поступила в редакцию 05.11.2017

Проведен анализ историографических подходов к формированию понятий, связанных с историко-правовым институтом фискалитета. Рассмотрены точки зрения историков и правоведов, базирующиеся на содержании исторических нормативных актов, регламентирующих фиск и фискальные отношения в Российской империи. Рассматриваемое историческое явление связано с зарождением и становлением прокурорского надзора. Сделаны выводы о дискуссионности некоторых положений сложившейся историографии рассматриваемого вопроса.

Ключевые слова: фискалы; прокурорский надзор; Петр I; Российская империя.

Игорь Николаевич Тетюхин, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Безопасность и правопорядок»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
TetuhinIN@mail.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА ФИСКАЛОВ В РОССИИ: ДЕТАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЙ

Изучение объекта и предмета любой науки начинают с вопроса об их происхождении. При этом устанавливается, всегда ли в истории человеческого общества они существовали или появились на определенном этапе его исторического развития. В России исследованием института фискалов на протяжении более полутора веков занимаются как историки, так и правоведы.

Исторически считается, что институт фискалов был заимствован Петром I из западноевропейских государственно-правовых институтов. Однако вопрос о государстве-образце такого заимствования остается до настоящего времени дискуссионным.

Современные исследователи, такие как д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московской государственной юридической академии В. Г. Бессарабов считают, что «2 марта 1711 г. в России учреждается фискальная служба, назначение которой состояло в том, чтобы «над всеми делами тайно надсматривать и проводить про неправый суд, также сбор казны и прочего». *За образец этой службы Петр I взял государственные органы Германии»* » [2, с. 18]. А. Н. Савенков, д-р юрид. наук, заместитель Генерального прокурора РФ – Главный военный прокурор, генерал-полковник юстиции полагает, что «Проводя свои реформы, Петр I повсюду встречал злоупотребления, воровство и противодействие, что настоятельно потребовало создания органа, который бы надзирал за новыми учреждениями и контролировал их деятельность. Такими органами первоначально были фискалы, учрежденные Указом от 2 марта 1711 г. Им вменялось «над всеми тайно надсматривать и проводить про неправый суд, также в сборе казны и прочего» [25, с. 22]. В. П. Рябцев, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ утверждает

ет «Указом от 5 марта 1711 г. была утверждена должность генерал-фискала, который должен был «тайно проведывать, доносить и обличать». *Модель такой должности и службы была заимствована в Швеции*» [27, с. 59].

А. Е. Серафимович в диссертационном исследовании утверждает, что вопреки господствовавшему в советской историографии мнению, согласно которому началом истории отечественной прокуратуры является 1722 г. будет правильным считать, что нижнюю хронологическую грань следует определить 1714 г.: *прообразом прокуратуры стал институт фискалов при всех государственных учреждениях, учрежденный Указом Петра I от 17 марта 1714 г.* Мы убеждены в том, что данный институт представлял собой первое государственное учреждение общего надзора за состоянием законности в деятельности центральных органов государственной власти и местном управлении. Создание института фискалитета было объективно предопределено всеми особенностями петровской эпохи.

Затем А. Е. Серафимович утверждает, что *«Основные направления и методы деятельности фискалов были определены в Именном указе от 2 марта 1711 г. Фискал должен был над всеми делами тайно надсматривать и проведывать»* [27, с. 36–37].

К утверждениям данных авторов нужно относиться с осторожностью, так как первый и второй правильно указали дату издания указа, но приводят в ссылке текст, который относится к указу от 5 марта 1711 г., а третий, неточно цитирует текст указа. Исследователь Серафимович А.Е., так и не смогла определиться с моментом возникновения института фискалов и приводит в ссылке текст, который относится к указу от 5 марта 1711 г.

Советский и российский правовед, доктор юридических наук, профессор, автор ряда учебников по истории государства и права России, заведующий кафедрой истории государства и права в Университете им. О. Е. Кутафина (МГЮА) Исаев И. А. указывает: «В 1711 г. сформировалась система фискального надзора, при Сенате учреждалась должность обер-фискала. Последний получал возможность осуществлять надзор за деятельностью госаппарата, используя систему фискалов (эти должности учреждались при губернских правлениях, провинциях, городах)» [9, с. 247].

Директор Центрального государственного архива древних актов СССР (ЦГАДА) заслуженный работник культуры РСФСР М. И. Автократова и зав. сектором Института истории СССР доктор исторических наук профессор В. И. Буганов утверждали, что для борьбы против нарушений законов одновременно с Сенатом был создан институт тайных осведомителей-фискалов, получавших половину конфискованного имущества тех, на кого они доносили, и свободных от всякой ответственности: «Буде фискал на кого и не докажет всего, то ему в вину не ставить», – писал Петр I. Не только народ, окрестивший фискалов «свисталами», но и многие дворяне, даже местоблюститель патриаршего престола и сенаторы выражали презрение к этой «службе». Хотя благодаря фискалам удалось разоблачить ряд казнокрадов, а сибирского губернатора князя М. П. Гагарина даже повесили перед зданием Сената, лихоимство не уменьшалось, и сам обер-фискал Нестеров принимал в нем немалое участие [1, с. 158 – 159].

В Тихоокеанском государственном университете считают, что важнейшей реформой царя стала реформа государственного аппарата. Как обычно причиной стала военная потребность. В 1711 г. Петр I отправляется в несчастливый Прутский поход. Петр I на время своего отсутствия учреждает в качестве высшего правительственного учреждения Сенат. При Сенате создается контрольный орган – прокуратура во главе с генерал-прокурором. В помощь прокуратуре вводится институт фискалов: тайный надзор [10, с. 54].

Историк Овсянников Ю. М. указывает: «В 1711 году, перед отъездом в Прутский поход, царь издал указ о создании фискальной службы. Чем ей следует заниматься, в указе сказано не было. Но через три дня последовало дополнение. Фискалам следовало «над всеми делами тайно надсматривать и проводить про неправоу суд, також – в сборе казны и всего прочего». Даже за умирающими установили наблюдение. Если покойник не оставлял завещания, то его имущество тут же забирала казна [16, с. 144].

С. Ф. Платонов считает, что Прутский поход 1711 г. получил свое название оттого, что развязка русско-турецкой войны 1710–1711 гг. произошла на берегах реки Прут. Эта русско-турецкая война была результатом дипломатической деятельности Карла XII и дружественного ему французского двора. Карл жил в Турции после полтавского поражения, и ему не раз грозила выдача в руки Петра. Россия требовала выдачи Карла, а он доказывал туркам своевременность и необходимость для турок воевать с Петром. Результатом его настояний был дипломатический разрыв Турции с Россией. Петр объявил Турции (*в ноябре 1710 г.*) войну и задумал вести ее наступательно [19, с. 526].

Знаменитый русский историк С. Ф. Платонов, отличающийся строгим академическим подходом, в основной из своих работ, посвященной истории России ошибся, так как в ноябре 1710 г. Петром I было издано три указа: 11 ноября «Именной, объявленный из Монастырского Военному приказу. – О обучении поповских и дьяконских и прочих церковнослужительских детей в Греческой и Латинских школах, о непосвящении в попы и дьяконы тех, которые учиться не похотят и о неприеме оных ни в какие чины, кроме солдатского звания»; 17 ноября «Именной, объявленный из Разряда в Ямской приказ Стольнику Матвею Головкину. – О выдаче по учрежденному от Санктпетербурга до Москвы тракту через Ладогу и прочие города по подорожным подвод одним курьерам»; 30 ноября «Наказ сыщику. – О поимке воров и разбойников и об исследовании их преступлений» [22, с. 581-586].

Война Турции была объявлена 22 февраля 1711 г. манифестом «О несправедливых поступках Турции против России, в нарушение постановленных между оными Державами договоров и об объявлении по сему случаю войны Оттоманской Порте».

На наш взгляд, при изучении истории Русской государственности, необходимо учитывать не только исторические аспекты (социально-экономические, политические, культурные) но и правовые.

В классическом труде одного из основоположников русской исторической мысли Н. И. Костомарова «История России в жизнеописании ее

главнейших деятелей» указано: «Опасность набегов татар вызвала необходимость постройки новых городов на юге России и укрепления старых. Деятельность этого рода заметно усиливается с 1635 года. В этом году был построен Тамбов (Танбов)... Для этой цели еще в 1636 году построен город Козлов» [14, с. 410–411], однако все было наоборот.

В Государственном архиве Тамбовской области в фонде Козловского Троицкого мужского монастыря находится фрагмент рукописи «Известие о начале города Танбова и происходящих в нем достопамятных вещей и о архиереях, обретающихся в нем» [5, с. 102]. На первой странице летописи сказано: «В лето 7144-го (1636 г.) по указу богоизбранного и святым елеем помазанного крепкаго хранителя и поборника святыя православныя веры, благовернаго и Богом почтеннаго и превознесеннаго и благочестием всея вселенныя в концах воссиявшаго царя и великаго князя Михаила Феодоровича, созданся град Танбов на реке Цне. А строил тот город стольник Роман Федорович Боборыкин и был воеводою три лета ... обложен город Танбов на реке Цне на левой стороне на усть речки Студенца, апреля в 17 день ... а именован тот новопостроенный город ... по реке Танбову, которая течением своим впадает к реке Цне у села Кузьмина Гать...» [6].

Из сказанного выше следует, что историки в своих работах допускают неточности.

Во избежание исторических ошибок, которые могут повлиять на развитие историко-правовой науки в будущем, считаю необходимым процитировать оба указа.

2330. – Марта 2. Именной, данный Сенату. – *О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве Государственных доходов, торговли и других отраслей Государственного хозяйства.*

Указ что по отбытии Нашем делать.

1. Суд иметь нелицемерный, и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения, то же и ябетникам да последует.

2. Смотреть во всем Государстве расходов, и ненужные, а особливо напрасные отставить.

3. Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артериею войны.

4. Дворян собрать молодых для запаса в офицеры, а наипаче тех, которые кроются, сыскать; також тысячу человек людей Боярских грамотных для того же.

5. Вексели исправить и держать в отдельном месте.

6. Товары, которые на откупах или по Канцеляриям и Губерниям, осматреть и посвидетельствовать.

7. О соли стараться отдать на откуп и попещися прибыли у оной.

8. Торг Китайской, сделав компанию добрую, отдать.

9. Персидский торг умножить, и Армян как возможно приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большого их приезда. **Учинить фискалов во всяких делах, а как быть им, придется известие** [22, с. 643].

Таким образом, впервые фискалы упоминаются в царствование Государя Царя и Великого Князя Петра Алексеевича в указе от 2 марта 1711 г. № 2330 без разъяснения обязанностей.

Интересно, что в первой редакции Проекта указа Сенату, написанной лично Петром I, и во второй, переписанной писцом, о фискалах не упоминается. В последнем же, окончательном варианте приписан рукой Петра I постскрипtum: «Учинить фискалов во всяких делах, а как быть им, пришлется известие» [18, с. 100 – 103].

Историки подсчитали, что Петр I ежемесячно издавал в среднем восемь указов [16, с. 144]. Докторант О. А. Кудинов, изучив Полное собрание законов Российской Империи, дает такую картину о правотворческой деятельности Петра I: на вторую половину XVII в. приходится 1821 указ, в среднем в год по 36 указов, в первой половине XVIII в. ежегодно в среднем издавалось по 160 указов [15, с. 55].

Указы, в отличие от законов по содержанию, были менее объемны, но также значимы и до 1714 г. не печатались, а рассылались в письменном виде для исполнения. Обнародование общих узаконений в печати начинается Соборным Уложением Царя Алексея Михайловича. С подлинника, в столбце писанного, оно первый раз напечатано было в 1649 г. Таким образом, узаконения, числом более 2000, обращались между исполнителями в течение 65 лет в рукописных списках [23, с. V–VI].

16 марта 1714 г. именным указом «О печатании, и о продаже в народ указов» Петр Великий повелел: «Его Царского Величества Именные указы, такоже Сенатские приговоры состоятся, о всяких Государственных генеральных делах, а надлежат ко всеобщему объявлению, и те указы, и объявленные письма, посылати по прежнему, в Губернии к Губернаторам, и в приказы к Судьям, а для всенародного объявления, велеть в Типографии печатать, и продавать всем, дабы были о том сведомы, и о том в Губернии, и в приказы указы посланы» [28, с. 2].

Таким образом, все указы с этого дня стали печатать для всенародного известия.

2331. – Марта 5. Именной, данный Сенату. – *О порядке заседаний и делопроизводства в Правительствующем Сенате, и о должности Оберъ-Фискала.*

1. Всем, в Сенате пребывающим, места иметь по списку, кто после кого написан в определительном указе.

2. Голоса иметь равные, и у всяких указов подписывать всем, своими руками, и что хотя один не подпишет и засвидетельствует неправо тому бытию приговору, то и прочие недействительны суть; однакож надлежит тому, кто оспорит тое протестацию, дать за своею рукою на письме.

3. **Выбрать оберъ-фискала**, человека умного и доброго (из какого чина ни есть); дела же его сии суть: должен он над всеми делами тайно надсматривать и проводывать про неправый суд, також в сборе казны и прочего, и кто неправду учинит, то должен фискал позвать его пред Сенат, (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличать; и буде уличит кого, то половина штрафа в казну, а другая ему фискалу; буде же не уличит, отнюдь фискалу в вину не ставить, ниже досадовать, под жестоким наказанием и разорением всего имения. Також надлежит ему иметь несколько под собой провинциал фискалов, и у каждого дела по одному, которые еще под собой несколько нижних имеют, которые во всем имеют такую же силу и свободу, как и оберъ-фискал, кроме одного, что выс-

шего Судью или Генерального штаба на суд без оберъ-фискала позвать не могут. Також надлежит, о всех публичных и Генеральных указах из Сената, оному фискалу объявлять [22, с. 643–644].

Л. В. Плевако в диссертационном исследовании указывает, что первым надзорным органом стал сам Петр I. Чтобы прекратить безобразия служилых людей он ввел ряд мер, усиливающих контроль за их деятельностью: более жестко регламентировал службу, ужесточил наказания за должностные преступления и проступки. Однако эти меры не привели к заметному улучшению положения. Следующая попытка создать контролирующий орган относится к 1711 г.; когда *2 марта Петром I учреждается Сенат*, приводятся к присяге сенаторы и утверждается должность тайного фискала для осуществления надзора Сената за правительственным аппаратом и должностными лицами. Вводится новый институт во главе с обер-фискалом при Сенате, который стал осуществлять надзор через систему фискалов на местах [21, с. 13–14].

В своем исследовании Л. В. Плевако опирается на современных авторов, не прибегая к помощи первоисточников, отсюда и ошибки по поводу даты учреждения Правительствующего Сената.

2321. – Февраля 22. Именной. – *Об учреждении Правительствующего Сената и о бытии при оном разрядному столу вместо Разрядного приказа, и по два Комиссара из Губерний.*

Указ объявить последующий, Определили быть для отлучек Наших Правительствующий Сенат, для управления: Господин Граф Мусин Пушкин, Господин Стрешнев, Господин Князь Петр Голицин, Господин К. Михайла Долгорукой, Господин Племянников, Господин К. Григорий Волконской, Господин Самарин, Господин Василий Опухтин, Господин Мельницкой, Обер-Секретарь сего Сената Анисим Щукин. Московскую Губернию управлять и доносить Сенату Василию Ершову, на Князь Петрова место Голицина Господин Курбатов. Вместо приказа Разрядного быть столу разрядному при вышеписанном Сенате. Також со всех Губерний в вышеписанном суду для спроса и принятия указов быть по два Комиссара с Губерний [22, с. 627].

Таким образом, Правительствующий Сенат был учрежден 22 февраля 1711 г., а не 2 марта 1711 г. как утверждает Л. В. Плевако.

Следующий исследователь, Ю. М. Горчаковская, утверждает, что указом от 2 марта 1711 г. учреждалась должность обер-фискала при Сенате. На анализе деятельности этого института остановимся подробно, так как русский фискалитет, по нашему мнению, можно считать первым органом государственного надзора и прообразом отечественной прокуратуры. Известно, что в Древнем Риме *advocati fisci* выполняли обязанности юрисконсультов и поверенных казны. Ко времени учреждения фискалов в России в ряде государств Западной Европы (Пруссии, Франции, Швеции и т.д.) был накоплен значительный опыт такого вида надзора. Петр I при поиске оптимального средства обеспечения законности внимательно присматривался к этому опыту. Так, на завоеванных в ходе войны территориях должности действовавших там фискалов он не упразднял, а, наоборот, заботился о том, чтобы на них назначались достойные люди. Однако ме-

ханического заимствования царь не производил: к примеру, составленный в 1713 г. проект барона Гюйсена об учреждении в России фискал-коллегии, наиболее близкой западным образцам, был отклонен. Заметим, что первоначально отечественный фискалитет создавался как особая отрасль сенатского управления. Обязанности обер-фискала были изложены в указе Сенату от 5 марта 1711 г. Ему поручалось «над всеми делами тайно надсматривать и проведывать про неправый суд, також в сборе казны прочего» (часть 3, п. 2 указа) [4, с. 28].

В диссертационном исследовании историк Н. В. Платонова, опираясь на работу Н. А. Воскресенского «Законодательные акты Петра I» [3, с. 197 – 198, 200 – 204], которую последний составил на основе архивных материалов, приходит к выводу, что появление фискалитета как органа текущего государственного контроля в России связано с проведением Петром I преобразований государственного управления. 22 февраля 1711 г. был учрежден Сенат, а 2 и 5 марта создается фискалитет. Сенат стал верховным органом управления страной. В его функции входило также осуществление контроля и надзора за правосудием и государственным аппаратом. В указе 2 марта в девяти пунктах программы, которая была дана первоначально для выполнения Сенату, было сказано (данная сноска и следующая исправлена в соответствии с подлинником): «Учинит фискалоф во фьсяких дълех, а как быт ім, пришлетца ізвьстие» [3, с. 200]. «Известие» это было прислано 5 марта в указе, в котором предписывалось «Выбрат обор-фискала, человька умнова і доброва» [3, с. 203] и определялись его основные обязанности. Таким образом, фискалитет был учрежден при Сенате и являлся особой отраслью сенатского управления. В этом состоит отличие российского фискалитета от его западноевропейских аналогов. Фискалитет в России не получил самостоятельного институционального развития и находился в подчинении не судебного ведомства, а высшего органа управления [20, с. 77].

Заканчивая вторую главу диссертационного исследования, историк Н. В. Платонова приходит к выводу «В своей структуре российский текущий государственный контроль включает элементы как шведско-прусского фискалитета, так и французской прокуратуры. Развитая структура фискалов на местах по шведско-прусскому образцу, существующая с 1711 г., была дополнена организацией контроля в системе государственного аппарата по французской модели. Заимствование французского опыта государственного контроля было связано со стремлением Петра Великого охватить контролем весь государственный аппарат сверху донизу. В результате в России была создана своеобразная фискальско-прокурорская система контроля и надзора. В действительности она не была реализована и привела к усилению роли прокуратуры и упадку фискалитета [20, с. 100]. Таким образом, исследователь Н. В. Платонова считает, что за образец Российских фискалов были взят шведско-прусский фискалитет.

В историческом диссертационном исследовании А. Д. Паутов считает, что, обращаясь к юридической практике Запада, Петр внимательно изучал тот значительный опыт по использованию фискальского надзора, который был накоплен к этому времени в таких странах как Швеция, Пруссия

и Франция. В Европе фискалы выступали преимущественно в качестве адвокатов по гражданским и уголовным делам, преследуя интересы казны. Причем они могли выступать как в роли обвинителей, так и защитников, зачастую получая право расследования наиболее важных преступлений и право контроля над судом и следствием. В итоге, царскими указами от 2 и 5 марта 1711 г. в России были учреждены фискалы. Во главе ведомства лично государем был поставлен старший дьяк Преображенского приказа Яков Былинский [17, с. 19]. Таким образом, А. Д. Паутов повторяет выводы своего предшественника историка Н. В. Платоновой по интересующему нас вопросу. Однако, по поводу исследований советских и современных российских ученых замечает «советские и современные историки в части принципиальных выводов о деятельности фискалов в России лишь повторили положения, выработанные еще дореволюционными авторами. По большому счету, они смогли их только несущественно уточнить и дополнительно аргументировать. Многие неразрешенные в дореволюционной историографии проблемы в неизменном виде существуют и сегодня» [17, с. 12], а одним из первых, кто попытался поставить изучение института фискалов на научную основу считает, известного специалиста в области государства и права А. Д. Градовского [17, с. 5]. Следующий исследователь считает по другому.

Е. А. Чекурда, проведя исследование специально посвященное этой проблеме, приходит к выводу, что, разрешая дискуссию о государствеобразце заимствования института фискалата в России, следует заключить, что *таким государством являлась Пруссия*; основополагающие же сведения о прусском устройстве фискалата и полномочиях фискалов были доставлены Петру I герцогом Пруссии Фридрихом III. Не менее важную роль в последующем развитии института фискалата в России сыграл также советник государя барон Г. Гюйссен [29, с. 45]. Выводы данного автора не убедительны, так как основаны на не проверенных лично источниках.

Вначале исследования Е. А. Чекурда делает ссылку: «Зачинателем научного интереса к указанному институту стоит считать Ф. М. Дмитриева, защитившего в 1859 г. магистерскую диссертацию «История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях», который не только описал деятельность фискалов на основании норм законодательства того времени, но и заключил немаловажные выводы о необходимости и значении этой службы» [1, с. 499 – 506; 29, с. 40].

Изучив указанную работу, которая посвящена «старинному судопроизводству», убеждаюсь, что никакой речи о «деятельность фискалов на основании норм законодательства того времени» и немаловажных выводах о необходимости и значении этой службы не идет. Ф. Дмитриев рассуждает о введении Петром I Сената и указывает: «Сенаторов было девять, канцелярия состояла под начальником одного обер-секретаря и разделялась на шесть столов: секретный, приказной, два губернских, фискальский и разрядный. Столы были подчинены один другому: подьячие губернских, разрядного и фискальского повытий зависели от приказного, а подьячие приказного стола от секретного» [8, с. 502]. «В 1711 году, для

тайного надзора за правильностью суда и управления в государстве, при Сенате учрежден был обер-фискал, который при каждом суде держал фискалов. Но вступаться в тяжёбые дела им было запрещено» [8, с. 503]. «Особое положение при Сенате занимал обер-фискал» [8, с. 506]. Вот, пожалуй, и все об указанных в исследовании Е. А. Чекурды о фискалах [29].

В 1993 г. преподаватель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского госуниверситета С. М. Казанцев издает монографию «История царской прокуратуры», в которой указывает: «По всеобщему признанию, *Петр I решил заимствовать этот институт в Швеции*. Вполне вероятно, что сама мысль об учреждении фискалов, как и проект закона с выписками из зарубежных источников права, была подана Генрихом Фиком, знатоком шведских государственных органов, приглашенным в Россию Петром из Голштинии. С фискалами Петр познакомился не только в теории, но и на практике – в завоеванных провинциях. 11 июня 1710 г. он, сообщая вице-адмиралу К. И. Крейсу о начале осады Выборга, предписывал: «Фискала извольте немедленно в здешние слободы определить» [11, с. 12–13].

29 марта 2002 г., став судьей Конституционного суда Российской Федерации, С. М. Казанцев в 2003 г. защищает докторскую диссертацию, в которой приходит к выводу, что *Петр I решил заимствовать этот институт в Швеции*. Вполне вероятно, что сама мысль об учреждении фискалов, как и проект закона с выписками из зарубежных источников права, была подана Генрихом Фиком, знатоком шведских государственных органов, приглашенным в Россию Петром из Голштинии. С фискалами Петр познакомился не только в теории, но и на практике – в завоеванных провинциях. 11 июня 1710 г. он, сообщая вице-адмиралу К. И. Крейсу о начале осады Выборга, предписывал: «Фискала извольте немедленно в здешние слободы определить». Вполне возможно, поэтому С. А. Петровский писал: «Заимствование было полное, обязанности их, перечисленные шведским уставом, были возложены и на русских фискалов». Иного мнения придерживался Э. Берендс. Он считал, что в 1711 г. Петр еще не имел шведского законодательства о фискалах. «Притом, нужно заметить, – писал он, – что шведский государственный фискал и подчиненные ему фискалы были органами явного надзора за служащими и защитниками казенного интереса перед судом, а не тайными надзирателями». Институт фискалов в России введен по всей вероятности под влиянием организованной в Пруссии системы, фискального надзора. Организация этого института в Пруссии совершена в царствование короля Фридриха I, союзника Петра I». Информация из Пруссии была доставлена бароном Гюйссеном. Впервые фискалы упоминаются в указе Петра I от 2 марта 1711 г. об обязанностях Сената [12, с. 78 – 88].

Таким образом, можно выделить две основные точки зрения современных исследователей на этот счет. Часть авторов полагает, что за образец отечественного института фискалов Петр I взял государственные органы Германии, другие считают, что прообразом стала аналогичная служба Швеции.

А. А. Чувилев, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, не согласен с позицией авторов, указанных выше, и считает, что институт фискалата, возникший в 1711 г., нельзя рассматривать как прообраз прокуратуры. «Вряд ли эта точка зрения может быть признана правильной. Создание фискальной службы, действительно, на десяток лет опередило образование прокуратуры и в какой-то мере имеет с нею общие исторические предпосылки возникновения, но фискалат создавался как самостоятельная система, возглавляемая вначале обер-фискалом, а затем генерал-фискалом. Задачи фискальной службы состояли в уголовном преследовании расхитителей казны, взяточников, чиновников-вымогателей. Деятельность фискалов по выявлению преступлений и преступников была в основном тайной, нелегальной. Фискалат при Петре I и его преемниках какое-то время существовал наряду с прокуратурой, а не исчез, уступив ей место, как только она была образована. Причем изначально прокуратура предназначалась, говоря современным языком, для осуществления общего надзора, а не уголовного преследования» [24, с. 34–35].

Изложенные выше мнения современных исследователей по данной проблеме кардинально противоположны и противоречивы в своем содержании. Изучив опубликованные работы современных историков, теоретиков и историков права, множество учебников и учебных пособий, изданных в последнее время по данному вопросу, невольно вспоминаешь слова Зубицкого, сказанные еще в XVIII в.: «Сколько событий необъясненных, сколько упущенных, сколько искаженных! Большею частью один списывал у другого, никто не хотел рыться в источниках, потому что изыскание сопряжено с большой утратой времени и трудом. Переписчики старались только о том, чтобы блеснуть витиеватостью» [13, с. 1]. Г. Гретц замечал: «У компилятора поэтому никогда не будет ни той оригинальности научного творчества, ни той осторожности в выборе фактов и выводах из них, какая так выгодно отличает истинного ученого, самостоятельно изучившего первоисточники» [7, с. 5–6]. Таким образом, можно констатировать, что в какой-то мере частный вопрос об источнике заимствования идеи и модели фиска не является окончательно решенным в историко-правовой науке, может представлять интерес для дальнейшего изучения в рамках сравнительного правоведения, представляет теоретический интерес, выражающийся в анализе трендов развития фиска как самостоятельного правового института и как элемента деятельности в рамках прокурорского надзора в «стране-источнике» петровских преобразований и в России.

Список литературы

1. **Автократова М. И., Буганов В. И.** Сокровищница документов прошлого. М.: Сов. Россия, 1986. 336 с.
2. **Бессарабов В. Г.** Прокурорский надзор: учеб. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 536 с.
3. **Воскресенский Н. А.** Законодательные акты Петра I. М.; Л.: Изд-во Академии наук Союза ССР, 1945. 602 с.

4. **Горячкова Ю. М.** Прокуратура и прокурорский надзор России в XVIII – начале XX вв. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2001. 195 с.
5. **Государственный архив Тамбовской области: Путеводитель /** Управ. культуры и архив. дела Тамб. обл.; ГУ «Государственный архив Тамб. обл.». Тамбов, 2007. 544 с.
6. **ГАТО** (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 212. Оп. 1. Д. 222. Л. 1.
7. **Гретц Г.** История евреев от древнейших времен до настоящего. Т. 1. Одесса: Тип. «Издатель» Я. Х. Шермана, Еврейская 19, 1906. 376 с.
8. **Дмитриев Ф.** История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебного до учреждения о губерниях. М.: В Университетской типографии, 1859. 586 с.
9. **Исаев А. И.** История государства и права России: учебник. М.: Юрист, 2005. 797 с.
10. **История России: учеб. пособие /** под ред. Л. Н. Булдыгеровой, Н. Т. Кудиновой. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2013. 167 с.
11. **Казанцев С. М.** История царской прокуратуры. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1993. 216 с.
12. **Казанцев С. М.** Прокуратура Российской империи: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2003. 455 с.
13. **Класен Е.** Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюриковского времени в особенности, с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып. I-3. М.: В Университетской типографии, 1854. 302 с.
14. **Костомаров Н. И.** История России в жизнеописании ее главнейших деятелей. М.: ЭСКО, 2004. 1024 с.
15. **Кудинов О. А.** История отечественного государства и права: учеб. пособие. М.: Изд-во МЭСИ, 2004. 273 с.
16. **Овсянников Ю. М.** Петр Великий. Первый русский император. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 240 с.
17. **Паутов А. Д.** Институт фискалов в России в первой трети XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007. 198 с.
18. **Письма и бумаги Императора Петра Великого.** Т. XI, вып. 1 (январь – 12 июля 1712 года). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 606 с.
19. **Платонов С. Ф.** Полный курс лекций по русской истории. СПб.: ИД Литера, 2001. 800 с.
20. **Платонова Н. В.** Государственный контроль (фискалитет) в России и русское общество в первой четверти XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 220 с.
21. **Плевако Л. В.** Органы прокуратуры в государственном механизме Российской Федерации (историко-теоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 212 с.
22. **Полное собрание законов Российской Империи. Повелением Императора Николая Павловича составленное.** Т. IV. 1700 – 1712. СПб.: Печатано в типографии II отделения собственной его Императорского Величества канцелярии, 1830. 881 с.
23. **Полное собрание законов Российской Империи. Повелением Императора Николая Павловича составленное.** Т. I. 1649 – 1675. СПб.: Печатано в типографии II отделения собственной его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1029 с.
24. **Прокурорский надзор в Российской Федерации: учебник /** Под ред. А. А. Чувилева. М.: Юрист, 2000. 400 с.

25. **Прокурорский** надзор. Российская прокуратура в правовом демократическом государстве: учебник / под ред. А. Я. Сухарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 464 с.
26. **Прокурорский** надзор: учебник / Под общ. ред. д.ю.н. А. Н. Савенкова. М.: Дашков и К, 2006. 420 с.
27. **Серафимович А. Е.** Прокуратура в Западной Сибири в XIX – нач. XX в. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 210 с.
28. **Указы** блаженные и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого Самодержца Всероссийского. Состоявшиеся с 1714, по кончину Его Императорского Величества, Генваря по 28 число, 1725 году. Напечатаны по указу Всепресвятлейшей Державнейшей Великой Государыни Императрицы Анны Иоанновны Самодержцы Всероссийской. СПб.: При Императорской Академии наук в Санктпетербурге, 1739. 1037 с.
29. **Чекурда Е. А.** К вопросу о происхождении института фискалата в России // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 40 – 45.

References

1. **Avtokratova M.I., Buganov V.I.** *Sokrovishchnica dokumentov proshlogo* [Treasury of documents of the past], Moscow: Sov. Rossiya, 1986, 336 p. (In Russ.)
2. **Bessarabov V.G.** *Prokurorskiy nadzor* [Prosecutor supervision], Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2006, 536 p. (In Russ.)
3. **Voskresenskiy N.A.** *Zakonodatel'nye akty Petra I* [Legislative acts of Peter I], Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk Soyuz SSR, 1945, 602 p. (In Russ.)
4. **Goryachkovskaya Yu.M.** *Extended abstract of candidate's of legal thesis*, Belgorod, 2001, 195 p. (In Russ.)
5. **Gosudarstvennyy arhiv Tambovskoy oblasti: Putevoditel'** [State Archive of the Tambov Region: A Guide], Tambov, 2007, 544 p. (In Russ.)
6. **Gosudarstvennyy arhiv Tambovskoy oblasti (GATO)** [The State Archives of the Tambov Region (GATO)], fund 212, inventory 1, case 222, sheet 1. (In Russ.)
7. **Grete G.** *Istoriya evreev ot drevnejshih vremen do nastoyashchego* [History of Jews from ancient times to the present], vol. 1. Odessa: Tipografiya «Izdatel'stvo Ya.H. Shermana, Evrejskaya 19, 1906. 376 p. (In Russ.)
8. **Dmitriev F.** *Istoriya sudebnyh instancij i grazhdanskogo apellyacionnogo sudoproizvodstva ot sudebnika do uchrezhdeniya o guberniyah* [The history of courts and civil appellate court proceedings from the judiciary to the establishment of provinces], Moscow: V Uni-versitetskoy tipografii, 1859, 586 p. (In Russ.)
9. **Isaev A.I.** *Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnik* [History of the State and Law of Russia], Moscow: Yurist, 2005, 797 p. (In Russ.)
10. **Istoriya Rossii** [History of Russia], L.N. Buldygerovoj, N.T. Kudinovej (Eds.), Habarovsk: Izd-vo Tihookean. gos. un-ta, 2013, 167 p. (In Russ.)
11. **Kazancev S.M.** *Istoriya carskoj prokuratury* [History of the Tsarist Prosecutor's Office], St. Petersburg: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 1993, 216 p. (In Russ.)
12. **Kazancev S.M.** *PhD Dissertation (Law) Doctor's thesis*, St. Petersburg, 2003. 455 p. (In Russ.)
13. **Klassen E.** *Novye materialy dlya drevnejšej istorii slavyan voobshche i slavyano-russov do ryurikovskogo vremeni v osobennosti, s legkim ocherkom istorii russov do Rozhdestva Hristova* [New materials for the ancient history of the Slavs in general and the Slavonic-Rousses up to the Rurik era in particular, with an easy outline of the history of the Russs before Christ], Vypusk I-3, Moscow: V Universitetskoy tipografii, 1854, 302 p. (In Russ.)

14. **Kostomarov N.I.** *Istoriya Rossii v zhizneopisanii ee glavnejshih deyatelej* [The history of Russia in the biography of its main figures], Moscow: Izd-vo Eskimo, 2004, 1024 p. (In Russ.)
15. **Kudinov O.A.** *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of domestic state and law], Moscow: Izd-vo MESI, 2004, 273 p. (In Russ.)
16. **Ovsyannikov Yu.M.** *Petr Velikij. Pervyj russkij imperator* [Peter the Great. The First Russian Emperor], Moscow: AST-PRESS, 2001, 240 p. (In Russ.)
17. **Pautov A.D.** *Extended abstract of Candidate's of historical thesis*, Omsk, 2007, 198 p. (In Russ.)
18. **Pis'ma i bumagi Imperatora Petra Velikogo** [Letters and papers of Emperor Peter the Great], vol. XI, issue 1 (January - 12 July 1712), Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962, 606 p. (In Russ.)
19. **Platonov S.F.** *Polnyj kurs lekcij po russkoj istorii* [Full course of lectures on Russian history], St. Petersburg: Litera, 2001, 800 p. (In Russ.)
20. **Platonova N.V.** *Extended abstract of Candidate's of historical thesis*, Moscow, 2000, 220 p. (In Russ.)
21. **Plevako L.V.** *Extended abstract of Candidate's of Law thesis*, St. Petersburg, 2002, 212 p. (In Russ.)
22. **Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Povelaniem Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe** [Complete collection of laws of the Russian Empire. By the decree of the Emperor Nicholas Pavlovich], vol. IV. 1700-1712. St. Petersburg: Pechatano v tipografii II otdeleniya sobstvennoj ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1830, 881 p. (In Russ.)
23. **Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Povelaniem Imperatora Nikolaya Pavlovicha sostavlennoe** [Complete collection of laws of the Russian Empire. By the decree of the Emperor Nicholas Pavlovich], vol. I. 1649-1675. St. Petersburg: Pechatano v tipografii II otdeleniya sobstvennoj ego Imperatorskogo Velichestva kancelarii, 1830, 1029 p. (In Russ.)
24. **Prokurorskij nadzor v Rossijskoj Federacii** [Prosecutor's supervision in the Russian Federation], A.A. Chuvileva (Ed.), Moscow, 1999, 400 p. (In Russ.)
25. **Prokurorskij nadzor. Rossijskaya prokuratura v pravovom demokraticeskom gosudarstve** [Procurator's supervision. The Russian Prosecutor's Office in a Legal Democratic State], A.Ya. Suhareva (Ed.), Moscow: Norma, 2008, 464 p. (In Russ.)
26. **Prokurorskij nadzor** [Procurator's supervision], A.N. Savenkov (Ed.), Moscow: Dashkov i K, 2006, 420 p. (In Russ.)
27. **Serafimovich A.E.** *PhD Dissertation (Law) Doctor's thesis*, Moscow, 2016, 210 p. (In Russ.)
28. **Ukazy blazhennyya i vechnodostojnyya pamyati Gosudarya Imperatora Petra Velikogo Samoderzhca Vserossijskogo. Sostoyavshiesya s 1714, po konchinu Ego Imperatorskogo Velichestva, Genvary po 28 chislo, 1725 godu. Napechatany po ukazu Vsesvyatlejshej Derzhavnejshej Velikoj Gosudaryni Imperatricy An-ny Ioannovny Samoderzhcy Vserossijskoj** [Orders of blessed and everlasting memory of the Sovereign Emperor Peter the Great of the Autocrat of the All-Russian. Held since 1714, according to the death of His Imperial Majesty, Genvary on the 28th, 1725. Printed in accordance with the decree of the All-Repressed Most Powerful Grand Duchess of the Empress Anna Ioannovna Autocrats of the All-Russian], St. Petersburg: Pri Imperatorskoj Akademii nauk v Sanktpeterburge, 1739, 1037 p. (In Russ.)
29. **Chekurda E.A.** [On the Origin of the Institute of the Fiscalate in Russia], *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya „Pravo“* [Bulletin of Omsk University. The series "Right"], 2014, no. 3 (40), pp. 40-45. (In Russ.)

THE ORIGIN OF THE FISCAL INSTITUTE IN RUSSIA: DETAILIZATION OF HISTORIOGRAPHIC POSITIONS

I. N. Tetyukhin, *Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Security, Law and Order,
Tambov State Technical University;
TetuhinIN@mail.ru*

The article analyzes historiographical approaches to the formation of concepts related to the historical and legal fiscal institute. The views of historians and jurists based on the content of historical normative acts regulating fiscal and fiscal relations in the Russian Empire are examined. The historical phenomenon under consideration is connected with the birth and formation of the prosecutor's supervision. Conclusions are made about the discussion of certain positions of the historiography of the issue under consideration.

Keywords: fiscal administration; prosecutor's supervision; Peter I; Russian empire.

© И. Н. Тетюхин, 2018

Статья поступила в редакцию 28.04.2018

На основании норм уголовного закона проанализированы основные проблемы, возникающие при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и на первоначальном этапе расследования мелкого хищения, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию. Даны описания необходимых для квалификации смежных, взаимно обуславливающих административных и уголовных правонарушений, протекающих из норм ст. 158.1 УК РФ.

Ключевые слова: мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию; возбуждение уголовного дела; расследование преступления, предусмотренного ст. 158.1 УК РФ.

Наталья Владимировна Макеева,
канд. юрид. наук, доцент кафедры предварительного расследования,
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя»;
mnv-sam03@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 158.1 УК РФ «МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ»

Федеральными законами от 03.07.2016 № 323-ФЗ и №326-ФЗ были внесены дополнения и изменения в Уголовный кодекс РФ и Кодекс об административных правонарушениях РФ, согласно которым установлена уголовная ответственность по ст. 158.1 УК РФ за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

Понятие мелкого хищения закреплено в ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ. Мелким хищением является хищение чужого имущества, стоимость которого не превышает одну тысячу рублей, путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч.ч. 2 – 4 ст. 158, ст. 158.1, ч.ч. 2 – 4 ст. 159, ч.ч. 2 – 4 ст. 159.1, ч.ч. 2 – 4 ст. 159.2, ч.ч. 2 – 4 ст. 159.3, ч.ч. 2 – 4 ст. 159.5, ч.ч. 2 – 4 ст. 159.6, ч.ч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ. При этом размер вреда, причиненного при совершении мелкого хищения, не должен превышать двух тысяч пятисот рублей.

Привлечению к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ за мелкое хищение подлежит лицо, ранее подвергнутое административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, то есть в случае, если им был причинен имущественный вред на сумму более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей. При этом противоправные действия образуют объективную сторону ст. 158.1 УК РФ, если деяния совершены лицом, когда оно считалось ранее подвергнутым за мелкое хищение, преду-

смотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ и совершило мелкое хищение, признаки которого описаны либо в ч. 1, либо в ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Размер причиненного имущественного вреда составил от одного рубля до двух тысяч пятисот рублей.

Лицо считается подвергнутым административному наказанию на основании постановления суда за мелкое хищение по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ со дня вступления в силу постановления о назначении наказания и до истечения одного года со дня окончания исполнения постановления (что исключает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ лицо, которое совершило два мелких хищения с небольшим временным промежутком и при этом за первое совершенное мелкое хищение судебное решение о назначении административного наказания не вступило в силу; количество вновь совершенных мелких хищений и их размер не влияют на квалификацию; грабеж и разбой не могут образовывать мелкого хищения и независимо от суммы похищенного всегда квалифицируются как преступление).

Постановление об административном правонарушении вступает в законную силу (согласно ст. 31.1 КоАП РФ):

1) после истечения срока, установленного для обжалования постановления по делу об административном правонарушении, если указанное постановление не было обжаловано или опротестовано;

2) после истечения срока, установленного для обжалования решения по жалобе, протесту, если указанное решение не было обжаловано или опротестовано, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление;

3) немедленно после вынесения не подлежащего обжалованию решения по жалобе, протесту, за исключением случаев, если решением отменяется вынесенное постановление.

Окончанием производства по исполнению постановления о назначении административного наказания считается прекращение всех исполнительных действий по приведению его в исполнение. При неисполнении назначенного по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ наказания границы этого срока устанавливаются ст. 31.9 КоАП РФ.

Таким образом, условиями и основанием образования данного состава является следующее:

1) лицо осуждено за мелкое хищение судом, ответственность за которое предусмотрено ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ;

2) не истекло одного года со дня окончания исполнения постановления об административном правонарушении;

3) лицо совершило мелкое хищение, признаки которого описаны в ч.ч. 1, 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

Совершение в состоянии подвергнутости административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ действий, подпадающих под признаки «мелкого хищения» ч.ч. 1, 2 ст. 7.27 КоАП РФ, то есть когда имущественный вред не превышает двух тысяч пятисот рублей, но при этом содеянное будет содержать квалифицирующие признаки (например, совершение кражи группой лиц по предварительному сговору), уголовная ответственность

будет наступать не по ст. 158.1 УК РФ, а по ч. 2 ст. 158 УК РФ. Следует обратить внимание, что в случае, если преступление совершается несколькими лицами, при этом одно из этих лиц ранее уже привлекалось к административной ответственности за мелкое хищение, при этом другое лицо, впервые совершившее мелкое хищение, не подлежит ответственности по ч. 5 ст. 33 (за пособничество) и ст. 158.1 УК РФ, в таком случае оба лица привлекаются за совершение кражи группой лиц по ч. 2 ст. 158 УК РФ. Так как в соответствии со ст. 7.27 КоАП РФ ответственность за мелкое хищение, например, путем кражи, наступает при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных ч.ч. 2 – 4 ст. 158, ст. 158.1 и т.д. Тем самым здесь не будет повторного мелкого хищения у первого лица и впервые совершенного мелкого хищения у второго лица, а наступит уголовная ответственность за совершение кражи группой лиц.

Орган дознания, осуществляя сбор и проверку материалов по административному производству по ч. 1, 2 ст. 7.27 КоАП РФ при установлении факта ранее совершенного административного правонарушения ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, постановление о назначении наказания по которому вступило в силу и не истек один год со дня окончания исполнения постановления, передает материалы в подразделения дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 158.1 УК РФ.

Дознаватель, приняв дело к своему производству, обязан принять меры по сбору сведений о причиненном имущественном вреде. Имущественный вред не должен превышать две тысячи пятьсот рублей. В материалах проверки обязательно должны быть:

- копия постановления по делу об административном правонарушении по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ;
- копия определения суда;
- документ, подтверждающий исполнение решения об административном наказании (например, копия квитанции оплаченного штрафа);
- объяснения заявителя;
- объяснения лица, совершившего мелкое хищение по ч. 1, 2 ст. 7.27 КоАП РФ (в объяснении в обязательном порядке должны содержаться сведения: об обстоятельствах повторного совершения мелкого хищения; об обстоятельствах совершения мелкого хищения по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, решение по которому вступило в силу и не истек один год со дня окончания исполнения постановления, при этом следует подробно выяснить, знал ли он о принятом в отношении него решении об административном наказании, присутствовал ли он на суде при рассмотрении в отношении него административного дела в суде и т.д.);
- справка о стоимости.

Прежде чем выносить постановление о возбуждении уголовного дела по ст. 158.1 УК РФ дознаватель должен выяснить: вступило ли решение об административном наказании в силу. Следует заметить, что для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 158.1 УК РФ в отношении лица, подвергнутого административному наказанию по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, не требуется наличия повторного привлечения лица к административной ответственности по ч. 1, 2 ст. 7.27 КоАП РФ, поскольку это нарушит

принцип недопустимости двойной ответственности. Однако, если устанавливается, что в отношении лица судебное решение об административном наказании не вступило в силу, то в данном случае необходимо участковому уполномоченному возбудить административное производство по повторному мелкому хищению. При вступлении постановления об административном правонарушении по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ в законную силу, административное производство прекращается и материалы передаются в дознание для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ст. 158.1 УК РФ.

После возбуждения уголовного дела дознаватель осуществляет весь комплекс процессуальных действий, направленных на сбор доказательств по делу. По данному составу преступления уголовное дело возбуждается в отношении конкретного лица, в связи с чем, в соответствии с ч. 1 ст. 46 УПК РФ, с этого момента оно является подозреваемым. Допрос подозреваемого осуществляется в соответствии с требованиями ст. 46, 189, 190 УПК РФ, с учетом обеспечения его права на защиту. При производстве допроса подозреваемого дознаватель должен выяснить следующее:

- анкетные данные;
- время, место, способ совершения хищения;
- размер имущественного вреда, причиненного преступлением;
- информацию о привлечении к административной ответственности по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ (когда, где, за какие противоправные действия, какому административному наказанию было подвергнуто и было ли исполнено решение об административном наказании).

Список литературы

1. **Музафаров И. А.** О некоторых подходах к введению института административной преюдиции в современном уголовном праве российской федерации на примере ст. 158.1 УК РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 7, № 2 (28). С. 89 – 91.

2. **О внесении** изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II) ст. 4259.

3. **О внесении** изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II) ст. 4256.

References

1. **Muzafarov I.A.** [On some approaches to the introduction of the institution of administrative prejudice in the modern criminal law of the Russian Federation, as exemplified by Art. 158.1 of the Criminal Code], *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, vol. 7, no. 2(28), pp. 89-91. (In Russ.)

2. **[On the introduction** of amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law "On Amendments in the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the improvement of the grounds and order of release from criminal liability": Federal Law of July 3, 2016 No. 326-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 2016, no. 27 (part II), article 4259. (In Russ.)

3. **[On Amending** the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the improvement of the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Feder. Law of July 3, 2016 No. 323-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the legislation of the Russian Federation], 2016, no. 27 (part II), article 4256. (In Russ.)

PROBLEMS OF INVESTIGATION OF CRIME UNDER ARTICLE 158.1 OF THE CRIMINAL CODE "PETTY THEFT COMMITTED BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT"

N. V. Makeeva, *Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Preliminary Investigation,
Moscow University of the MIA of Russia,
mnv-sam03@mail.ru*

On the basis of the provisions of the law, the main problems arising when deciding on the initiation of a criminal case and at the initial stage of investigation of petty theft committed by a person subject to administrative punishment are analyzed.

Keywords: initiation of a criminal case; investigation of crime under Art. 158.1 of Criminal Code; petty theft committed by a person subject to administrative punishment.

© Н. В. Макеева, 2018

Статья поступила в редакцию 08.04.2018

Анализ уголовно-процессуального законодательства, регулирующего стадию возбуждения уголовного дела, позволил авторам рассмотреть проблемы определения достаточности сведений, необходимых в качестве основания для возбуждений уголовного дела как по факту совершенного преступления, так и в отношении конкретного лица. Проанализированы теоретико-методологические подходы к проблеме эффективности доследственной проверки.

Ключевые слова: основание для возбуждения уголовного дела; достаточность данных; доследственная проверка.

Вероника Георгиевна Степанова, канд. юрид. наук,
кафедра уголовного процесса,
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»;
step_veronika@mail.ru

Артем Викторович Коршунов, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра уголовного процесса,
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»;
korshounov@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОСТАТОЧНОСТИ ДАННЫХ КАК ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В соответствии с ч. 2 ст. 140 УПК, основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Таким образом, понятие «основание для возбуждения уголовного дела» в уголовно-процессуальном законе подробно не раскрывается. Однако уяснение данного понятия представляет не только теоретический интерес, но имеет большое практическое значение, поскольку юридические понятия обеспечивают единообразное понимание права, придают ему цельность, последовательность. Содержание деятельности по рассмотрению сообщений о преступлении находится в прямой зависимости от толкования понятия «достаточные данные, указывающие на признаки преступления» [3, с. 175].

Понятие «достаточные данные» является, безусловно, оценочным понятием, содержание которого выявляется только с учетом конкретных ситуаций. При определении основания для возбуждения уголовного дела необходимо учитывать:

- круг обстоятельств, сведениями о которых надо располагать;
- уровень знаний об этих обстоятельствах (вероятность совершения преступления).

Решение о возбуждении уголовного дела является промежуточным решением, предворяющим дальнейшее расследование по уголовному делу и подробное исследование обстоятельств совершенного деяния. С учетом ограниченного объема процессуальных возможностей, сроков проверки поступившего сообщения о преступлении, в содержание понятия «основание возбуждения уголовного дела» закладывается лишь предположение

о возможном наличии состава преступления в изучаемом факте. Основание для возбуждения уголовного дела имеет предопределяющее значение для осуществления дальнейшего уголовного судопроизводства по делу и выступает в качестве «фактических предпосылок» такового.

В ходе предварительного расследования могут быть установлены факты, имеющие различное правовое значение, например, исключающие преступность и наказуемость деяния. В стадии возбуждения уголовного дела эти обстоятельства зачастую не могут быть установлены, в связи с чем законодательно в положении ч. 2 ст. 140 УПК РФ в качестве основания для возбуждения уголовного дела закреплена формулировка о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления [5, с. 188].

Таким образом, к моменту принятия решения о возбуждении уголовного дела необязательно установление всех элементов состава преступления, более того в большинстве случаев это и невозможно. На данном этапе процессуальной деятельности достаточно установления лишь данных, предположительно указывающих на признаки преступления. С учетом особенностей познавательной деятельности правоохранительных органов, имеющей ретроспективный характер, когда в большинстве случаев на момент принятия решения о возбуждении (отказе в возбуждении) уголовного дела отсутствуют данные о таких элементах состава преступления, как субъект, субъективная сторона, достаточным является установление лишь объективных критериев состава преступления. Как отмечают Т. Н. Мухтасипова и А. С. Кузьмин, «с позиции уголовно-правового учения о составе преступления это означает, что основания для возбуждения уголовного дела образуют фактические данные, относящиеся к объекту и объективной стороне состава» [2, с. 252].

В соответствии со сложившейся правоприменительной практикой установленные в ходе предварительной проверки данные должны как минимум указывать на наличие деяния, содержащего отдельные признаки преступления, при этом не является обязательным установление всех признаков объекта преступления и его объективной стороны. Остальные признаки должны лишь усматриваться, предполагаться как наличествующие. Например, при установлении факта исчезновения материальных ценностей из охраняемого помещения достаточно получения сведений о способе хищения (тайное) ранее находящемся в помещении имуществе, его предположительной стоимости и подтверждения факта проникновения в такое помещение [4, с. 26]. При этом не требуется достоверное установление данных о способе проникновения (например, путем подбора ключей или с применением отмычек), точной стоимости похищенного имущества.

Установление достоверных данных, характеризующих объект и объективную сторону состава преступления, является задачей стадии предварительного расследования. Достоверность знания, полученного субъектом проверочной деятельности, как категория доказательственной деятельности не может быть применима к характеристике основания для возбуждения уголовного дела. Утверждение лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, о том, что в деянии имеются признаки преступления, может иметь большую или меньшую степень вероятности, с учетом фрагментарности полученных знаний об изучаемом событии.

В соответствии с закрепленной в УПК РФ формулировкой основания для возбуждения уголовного дела необходимо установление достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Достаточность данных применительно к содержанию понятия «основание для возбуждения уголовного дела» означает наличие определенного минимума признаков деяния, позволяющих дать его юридическую оценку в соответствии с положениями особенной части УК РФ. Определение достаточности данных устанавливается непосредственно лицом, осуществляющим проверку по поступившему заявлению (сообщению), по внутреннему убеждению. При этом при производстве расследования по уголовному делу в дальнейшем необходимо исходить из того, что выводы о наличии в деянии состава преступления на момент возбуждения уголовного дела все-таки носят вероятностный, предположительный характер. Особое внимание при установлении достаточности данных следует также уделить вопросу о пределах доказательственной деятельности при производстве проверочных мероприятий. Последствия необоснованного расширения пределов познания в стадии возбуждения уголовного дела заключаются в угрозе уничтожения идеальных и материальных следов преступления.

Как упоминалось ранее, при принятии решения о возбуждении уголовного дела необязательно установление сведений о лице, совершившем преступление. Однако из общего числа преступных деяний может быть выделена отдельная категория преступлений, предполагающих обязательное установление сведений о личности совершившего преступление лица. К числу таких преступлений, например, может быть отнесено убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ). В данном случае основанием для возбуждения уголовного дела должны быть признаны достаточные данные, указывающие на совершение преступления именно этим лицом. К аналогичным случаям следует отнести также возбуждение уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 199.1 УК РФ (неисполнение обязанностей налогового агента), ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата), ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности) и др.

Однако уголовное дело может быть возбуждено в отношении конкретного лица и в не столь очевидных случаях. Так, например, при совершении общеуголовного преступления, когда в рамках доследственной проверки получены объяснения от очевидцев, пострадавшего и признание самого «заподозренного» (подозреваемым в соответствии со ст. 46 УПК РФ его пока назвать нельзя) в совершении преступления лица, также возможно возбуждение уголовного дела в отношении него. Однако в этом случае, несмотря на, казалось бы, безусловно установленную причастность указанного лица к совершению преступления, персонифицированное возбуждение уголовного дела чревато возможностью установления иных причастных к совершению преступления лиц, в отношении которых также необходимо будет разрешать вопрос о возбуждении уголовного дела, а впоследствии – о соединении уголовных дел в одном производстве.

Кроме того, в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица является основанием для наделения лица статусом подозреваемого, что, безусловно, влечет ограни-

чение его прав и законных интересов. Соответственно, решение о возбуждении уголовного дела должно быть взвешенным и обоснованным. Вышеуказанное позволяет сделать вывод о необходимости принимать решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица только в тех случаях, когда подозрение подтверждается совокупностью собранных в рамках доследственной проверки данных о причастности указанного лица к исследуемому событию.

Так, при проверке сообщения о преступлении, предусмотренном ст. 199.1 УК РФ (неисполнение обязанностей налогового агента) органы предварительного расследования, осуществляющие доследственную проверку, столкнулись с затруднениями, связанными с распределением обязанностей между главным бухгалтером и директором предприятия. В ходе изучения должностных инструкций было достоверно установлено, что обязанность по распределению финансовых потоков лежит на директоре. Дело по итогам проверки было возбуждено по факту, однако в данном случае целесообразно было возбудить его в отношении конкретного лица.

В представленном случае объем собранных материалов в ходе проверки сообщения о преступлении (объяснения директора предприятия, главного бухгалтера, сотрудников бухгалтерии; истребованная на предприятии бухгалтерская документация; акт выездной проверки налогового органа; акт аудиторской проверки; заключение бухгалтерской экспертизы; материалы должностных инструкций материально ответственных лиц) уже позволял сделать обоснованный вывод о причастности к совершению преступления именно директора предприятия. Таким образом, в данном случае обоснованным было бы принятие следователем решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, поскольку промедление с наделением такого лица процессуальным статусом подозреваемого безусловно влечет нарушение права знать, в чем он подозревается (п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

Другой пример: по факту совершения грабежа был задержан подозреваемый, который подбежал к потерпевшей и выхватил у нее сумочку. В ходе проверки было установлено, что он по предварительному сговору с двумя другими лицами по жребию выступил в качестве исполнителя и был задержан очевидцами преступления. О других соучастниках ни потерпевшая, ни очевидцы преступления не знали. Следователем было принято обоснованное решение о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления, поскольку в стадии возбуждения уголовного дела в аналогичных случаях невозможно исключить возможную причастность к совершению преступления иных лиц.

Таким образом, возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица возможно лишь в относительно редких случаях, когда собранные материалы доследственной проверки позволяют сделать обоснованный вывод о причастности к совершению преступления единственно возможного в конкретном случае лица и установленном отсутствии возможной причастности к совершению преступления иных лиц.

Достаточность данных, указывающих на признаки преступления, необходимо рассматривать применительно к их объему и характеру. По своему характеру имеющиеся данные могут быть признаны достаточными

для принятия решения о возбуждении уголовного дела, если они свидетельствуют об определенном уголовно наказуемом действии или бездействии. Полученные данные должны быть достаточны для вывода о вероятности совершения преступления, квалифицируемого по той или иной статье УК РФ. Вывод о совершении преступления, как и квалификация преступления в постановлении о возбуждении уголовного дела, носят предположительный характер и могут быть изменены в дальнейшем производстве по делу. Фактически вывод о наличии преступления и его квалификации в постановлении о возбуждении уголовного дела является выражением одной из возможных версий происшедшего события и подлежит проверке путем выдвижения и проверки иных версий.

Вместе с тем на практике в случаях крупных происшествий (массовое отравление, повлекшее тяжкие последствия, катастрофа на железной дороге, водном или воздушном транспорте, взрыв бытового газа в жилом доме, повлекший смерть людей и т.д.) немедленно возбуждаются уголовные дела без предварительной проверки данных о наличии признаков преступления.

Таким образом, правоохранительные органы в указанных случаях исходят из серьезности происшедшего, а также высокой степени вероятности перспективы дальнейшего уголовного преследования. Кроме того, наличие возбужденного уголовного дела позволяет немедленно использовать весь спектр процессуальных действий в отличие от тех полномочий, которыми располагают должностные лица в рамках доследственной проверки. Несмотря на то что имеются противники данного подхода [1, с. 117], нам в целом он представляется верным.

Список литературы

1. **Безлепкин Б. Т.** Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 11-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2012. 752 с.
2. **Кузьмин А. С., Мухтасипова Т. Н.** Основание для возбуждения уголовного дела // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2014. № 4(48). С. 252 – 254.
3. **Уголовно-процессуальное** право Российской Федерации: учебник / Отв. ред. П. А. Лупинская. 3-е изд., пер. и доп. М.: Юрист, 2006. 815 с.
4. **Шашин Д. Г., Коршунов А. В.** Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: некоторые проблемы правового регулирования и проведения // Оперативник (сыщик). 2016. № 2. С. 25 – 29.
5. **Шашин Д. Г., Коршунов А. В.** Уголовно-процессуальное законодательство России и Монголии: некоторые проблемные аспекты производства проверки сообщений о преступлениях // Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – V: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. 2013. С. 188 – 192.

References

1. **Bezlepkin B.T.** *Kommentarij k Uголовno-protsessual'nomu kodeksu Rossijskoj Federatsii (postatejnyj)* [Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (article-by-article)], Moscow: Prospekt, 2002, 752 p. (In Russ.)

2. **Kuz'min A.S., Muhtasipova T.N.** [The basis for instituting criminal proceedings], *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Proceedings of the Orenburg State Agrarian University], 2014, no. 4(48), pp. 252-254. (In Russ.)

3. **Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossijskoj Federatsii** [Criminal Procedural Law of the Russian Federation], P.A. Lupinskaya (Ed.). Moscow: Yurist, 2006. 815 p. (In Russ.)

4. **Shashin D.G., Korshunov A.V.** [A public survey of premises, buildings, structures, terrain and vehicles: some problems of legal regulation and conduct], *Operativnik (syshchik)* [Operative (detective)], 2016, no. 2, pp. 25-29. (In Russ.)

5. **Shashin D.G., Korshunov A.V.** [Criminal Procedural Legislation of Russia and Mongolia: Some Problematic Aspects of the Production of Verification of Crime Reports], *Sravnitel'noe pravovedenie v stranah Aziatsko-Tihookeanskogo regiona – V*: [Comparative Law in the Countries of the Asia-Pacific Region - V: Materials of the Intern. scientific and practical work. conference], 2013. pp. 188-192. (In Russ.)

PROBLEMS OF DETERMINING THE ADEQUACY OF DATA AS A BASIS FOR COMMENCEMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

V. G. Stepanova, *Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Criminal Proceedings,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs;
step_veronika@mail.ru*

A. V. Korshunov, *Candidate of Law,
Deputy Head of Department of Criminal Proceedings,
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs;
korshounov@mail.ru*

The analysis of the criminal procedural legislation regulating the stage of initiating a criminal case allowed the authors to consider the problems of determining the sufficiency of the information required as grounds for initiating a criminal case both on the fact of the committed crime and against a particular person.

Keywords: grounds for initiating criminal proceedings; sufficiency of data; pre-investigation check.

© В. Г. Степанова, 2018

© А. В. Коршунов, 2018

Статья поступила в редакцию 08.04.2018

Рассмотрены проблемные вопросы реализации полномочий начальника подразделения дознания, предложены возможные способы их решения. В частности, проанализировано содержание ст. 40.1 УПК РФ, а именно положение п. 3 ч. 1 указанной статьи. Приведены аргументы в пользу расширения полномочия начальника подразделения дознания в случае отмены необоснованного постановления дознавателя о приостановлении дознания. Рассмотрены вопросы о полномочиях начальника подразделения дознания на стадии возбуждения уголовного дела, предложено внести некоторые дополнения в ст.ст. 144, 146 УПК РФ. В целом, проведенный анализ полномочий начальника подразделения дознания позволил автору сделать вывод о том, что некоторые нормы УПК РФ, касающиеся процессуальной деятельности начальника подразделения дознания, требуют определенных дополнений.

Ключевые слова: начальник подразделения дознания; полномочия; уголовное судопроизводство.

Ирина Игоревна Федулова, преподаватель,
кафедра предварительного расследования,
ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. В. Я. Кукотя»;
VVavia@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПОЛНОМОЧИЯХ НАЧАЛЬНИКА ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ДОЗНАНИЯ

Уголовно-процессуальным кодексом РФ 6 июня 2007 года был дополнен статьей 40.1 «Начальник подразделения дознания». Следует отметить, что введение отдельной статьи в УПК РФ, регламентирующей полномочия начальника подразделения дознания как самостоятельного субъекта уголовного судопроизводства, было положительно воспринято как учеными, так и правоприменителями, так как вопрос о внесении указанного дополнения активно обсуждался среди ученых-процессуалистов и практических работников.

Однако проведенный анализ содержания ст. 40.1 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что некоторые положения рассматриваемой нами нормы требуют определенных разъяснений. Так, на наш взгляд, детального рассмотрения заслуживает положение п. 3 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ, где указано, что начальник подразделения дознания уполномочен отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу. Дело в том, что использование данного полномочия начальником подразделения дознания вызывает некоторые трудности в практической деятельности. Вполне логично, что при возобновлении приостановленного производства по уголовному делу возникает вопрос установления срока для проведения дополнительного дознания. В данном случае действующее уголовно-процессуальное законодательство решает проблему установления срока дознания не в пользу начальника подразделения дознания. Поэтому в практической деятельности полномо-

чие, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 40.1 УПК РФ, реализуется начальником подразделения дознания крайне редко.

Так, в ходе проведенного нами анкетирования начальников подразделений дознания, более 80 % из них пояснили, что их право самостоятельно отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении дознания ничего не стоит без права самостоятельно определять в регламентированных законом пределах срок дополнительного дознания. Таким образом, отсутствие у начальника подразделения дознания права на установление срока дознания по возобновленному делу затрудняет реализацию права на отмену необоснованного постановления дознавателя о приостановлении уголовного дела. Полагаем, что в данном случае целесообразно, как и в случае с руководителем следственного органа по отношению к следствию, предоставить начальнику подразделения дознания устанавливать срок дополнительного дознания при возобновлении приостановленного уголовного дела, который, на наш взгляд, не должен превышать одного месяца со дня поступления уголовного дела к дознавателю. Полагаем, только тогда можно говорить о праве отмены начальником подразделения дознания необоснованного постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу как об альтернативе аналогичного права прокурора.

Федеральным законом № 520-ФЗ от 31 декабря 2014 года ч. 3 ст. 223 УПК РФ дополнена п. 3.3, где указано, что при необходимости срок дополнительного дознания устанавливается прокурором до 10 суток на основании ходатайства начальника подразделения дознания. Полагаем, что проявленная в этом вопросе осторожность в отношении начальника подразделения дознания не согласуется с его правом, предусмотренным законодателем, отменять необоснованные постановления дознавателя о приостановлении производства дознания по уголовному делу. Мы разделяем точку зрения А. С. Есиной и О. Е. Жамковой о том, что на должность начальника подразделения дознания назначают лиц, имеющих достаточный опыт процессуальной деятельности [1]. Как более подготовленный и свободный от иных функциональных обязанностей, начальник подразделения дознания осуществляет полноценный и ежедневный процессуальный контроль за дознавателями, проверяя материалы уголовных дел и процессуальные документы. Поэтому, отменяя постановление дознавателя о приостановлении производства дознания, руководитель подразделения дознания, как никто лучше, знает допущенные по уголовному делу ошибки или какие-либо нарушения, а, следовательно, ему, детально изучившему уголовное дело, легче установить сроки их устранения. На основании изложенного, считаем вполне обоснованным предоставить начальнику подразделения дознания право установления дополнительного срока дознания при возобновлении расследования по уголовному делу. В связи с чем полагаем целесообразным внести по этому поводу соответствующие коррективы в УПК РФ.

Отдельного рассмотрения заслуживает и положение ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ, согласно которому начальник подразделения дознания вправе возбудить уголовное дело, принять уголовное дело к своему производству и произвести дознание в полном объеме, обладая при этом полномочиями

дознателя. Исходя из трактовки указанного положения, можно сделать вывод, что правовые средства начальника подразделения дознания, необходимые для выполнения указанных полномочий, должны быть такими же как и у дознателя. Однако анализ уголовно-процессуального законодательства говорит об обратном. Начальник подразделения дознания отсутствует в перечне субъектов, принимающих решение о возбуждении уголовного дела, предусмотренном ч. 1 ст. 146 УПК РФ, в который входят дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа. Также начальник подразделения дознания отсутствует в перечне лиц, указанных в п. 4 ст. 146 УПК РФ, которые обязаны направить копию постановления о возбуждении уголовного дела прокурору. В данной связи полагаем необходимым устранить указанные пробелы путем внесения соответствующих дополнений в ст. 146 УПК РФ.

В практической деятельности начальники подразделений дознания, занимая руководящую должность в структуре ОМВД, довольно часто сами осуществляют проверку сообщений о преступлениях. Чаще всего это происходит, когда они являются ответственными от руководства по ОМВД, в котором проходят службу. Данный факт нашел подтверждение в ходе проведенного нами опроса среди начальников подразделения дознания, из которых 100 % подтвердили, что каждый из них самостоятельно в связи со служебной необходимостью неоднократно проводил проверку сообщения о преступлении, являясь ответственным от руководства по ОМВД. Сам автор, в 2008 году занимая должность начальника подразделения дознания в одном из ОМВД ГУ МВД России по г. Москве, в связи со сложившейся необходимостью осуществляла проверку по заявлению о совершении кражи из магазина, являясь ответственным от руководства по ОМВД. В ходе данной проверки осуществлен ряд проверочных мероприятий, направленных на раскрытие преступления. На основании изложенного полагаем, что целесообразно включить начальника подразделения дознания в перечень субъектов, обязанных проверять сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, в связи с чем внести в ч. 1 ст. 144 УПК РФ соответствующее дополнение.

Рассуждая о полномочиях начальника подразделения дознания, отметим, что имеет место быть противоречие и в части вопроса его участия при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела. В части 1 ст. 148 УПК РФ начальника подразделения дознания нет в перечне субъектов, принимающих решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Данный пробел в законодательстве следует исключить путем внесения дополнения в указанную норму УПК РФ.

Продолжая разговор о процессуальной деятельности начальника подразделения дознания, следует согласиться с мнением В. Н. Исаченко о том, что необходимо включить указанного руководителя в содержащийся в ч. 3 ст. 88 УПК РФ перечень субъектов, наделенных правом признавать доказательство недопустимым, а также дополнения процессуального статуса данного участника процесса, предусмотренного ст. 40.1 УПК РФ соответствующим полномочием [2]. Предложение указанного автора является, на наш взгляд, актуальным. Начальник подразделения дознания наделен такими полномочиями, как возбудить уголовное дело, принять уго-

ловное дело к своему производству и произвести дознание в полном объеме. Поэтому начальник подразделения дознания, как и дознаватель, должен обладать правом признавать доказательство недопустимым, поскольку наделен полномочием лично осуществлять уголовное преследование по уголовному делу.

Анализируя процессуальные полномочия начальника подразделения дознания, следует также согласиться с точкой зрения А. В. Бродуленко. Данный автор справедливо отмечает, что следует распространить требования гл. 52 УПК РФ, где говорится об особенностях производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, на дознавателей и начальников подразделения дознания по аналогии со следователем и руководителем следственного органа, указав это в ст. 447 УПК РФ, что будет являться существенной гарантией реализации указанных субъектов своих полномочий [3]. Также следует указать в законе субъекта, принимающего решение, о возбуждении уголовного дела в отношении этих лиц. Поэтому необходимо в п. 10 ч.1 ст. 448 УПК РФ в перечень лиц, в отношении которых решение о возбуждении уголовного дела принимает руководитель следственного органа Следственного комитета Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, наряду с прокурором района, города, приравненным к ним прокурорами, руководителями и следователями следственного органа по району, городу, адвокатами, включить начальника подразделения дознания и дознавателя. Считаем данное предложение обоснованным, поскольку дознаватель и начальник подразделения дознания в ходе осуществления своей процессуальной деятельности защищают публичные интересы в уголовном судопроизводстве и нуждаются в обеспечении охраны своей личности, исключающей возможность их необоснованного преследования. Наряду с процессуальной деятельностью следователя и руководителя следственного органа процессуальная деятельность дознавателя и начальника подразделения дознания является закономерной реакцией на вред, причиняемый охраняемым им общественным отношениям. Поэтому наделение указанных участников уголовного судопроизводства служебным иммунитетом является одной из надежных гарантий эффективности выполнения ими важнейших задач и функций.

Рассматривая аспекты процессуальной деятельности начальника подразделения дознания, следует уделить внимание еще одному важному вопросу. В соответствии с п. 10 ч. 1 ст. 40.2 УПК РФ полномочие утверждать обвинительный акт закреплено за начальником органа дознания. Следует отметить, что в практической деятельности данное полномочие начальником органа дознания реализуется формально. Данный факт нашел подтверждение в ходе проведенного нами анкетирования сотрудников подразделений дознания по г. Москве и Московской области. Из них 100 % пояснили, что реально проверку обвинительного акта и материалов уголовного дела всегда осуществляет начальник подразделения дознания, а не начальник органа дознания. На момент утверждения обвинительного акта начальником органа дознания указанный документ уже полностью подвергнут проверке со стороны начальника подразделения дознания. Бо-

лее того, почти во всех случаях на титульном листе обвинительного акта либо обвинительного постановления присутствует подпись начальника подразделения дознания, хотя наличие его подписи на итоговом процессуальном документе не предусмотрено уголовно-процессуальным законом и потому носит условный характер. Однако для начальника органа дознания (начальника полиции или начальника ОВД) виза начальника подразделения дознания на обвинительном акте (обвинительном постановлении) является, прежде всего, гарантией проверки утверждаемого процессуального документа и свидетельствует о процессуальном контроле за ходом дознания по конкретному уголовному делу. В виду своей загруженности начальники ОМВД физически не успевают изучить обвинительный акт и материалы уголовного дела, предоставленные ему на проверку. Учитывая изложенное, полагаем целесообразным полномочие утверждать обвинительный акт и обвинительное постановление делегировать начальнику подразделения дознания. В связи с этим полагаем внести в ст.ст. 40.1 и 225 УПК РФ соответствующие дополнения.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что начальники подразделений дознания играют огромную роль, выполняя уголовно-процессуальные функции, которыми они наделены с 2007 года. Поэтому, на взгляд автора, расширение процессуальных полномочий начальника специализированного подразделения дознания представляется решением перспективным и заслуживающим внимания.

В данной статье отражены не все проблемные вопросы, связанные с полномочиями начальника подразделения дознания. Проведенный нами анализ, позволяет сделать вывод о том, что некоторые нормы УПК РФ, касающиеся процессуальной деятельности начальника подразделения дознания, требуют определенных дополнений.

Список литературы

1. **Есина А. С., Жамкова О. Е.** К вопросу о процессуальном положении начальника подразделения дознания // Актуальные проблемы предварительного следствия и дознания в Российской Федерации: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. 19 апреля 2017 г.: научное электронное издание / Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя. М., 2017. С. 174 – 177.
2. **Исаенко В. Н.** Прокурорский надзор за исполнением законов при производстве следственных действий // Законность. 2010. № 4. С. 10 –14.
3. **Бродуленко А. В.** Дознание в России и иных странах СНГ: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 24 с.

References

1. **Esina A.S., Zhamkova O.E.** [On the issue of the procedural position of the head of the inquiry department], *Aktual'nye problemy predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya v Rossijskoj Federatsii* [Actual problems of preliminary investigation and inquiry in the Russian Federation: a collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Conf. April 19, 2017: Scientific electronic publication], Moscow, 2017, pp. 174-177. (In Russ.)

2. **Isaenko V.N.** [Prosecutor's supervision over the execution of laws in the conduct of investigative actions], *Zakonnost'* [Legality], 2010, no. 4. pp. 10-14 (In Russ.)

3. **Brodulenko A.V.** *Extended abstract of candidate's of legal thesis*, Krasnodar, 2011, 24 p. (In Russ.)

TO THE PROBLEM OF POWERS OF HEAD OF INQUIRY DEPARTMENT

I. I. Fedulova, Lecturer,
Department of Preliminary Investigation,
Moscow University of the MIA of Russia;
VVavia@yandex.ru

The paper deals with the problematic issues of exercising the powers of the head of the inquiry department, and possible ways of solving them are suggested. In particular, Article 40.1 of the Code of Criminal Procedure, namely, the provision of clause 3 of Part 1 of this article is analyzed. Arguments are given in favor of extending the authority of the head of the inquiry department in the case of the cancellation of the groundless appearance of the investigator about the suspension of the inquiry. Questions on the powers of the head of the inquiry department at the stage of initiating a criminal case are also considered, it is proposed to make some additions to Article 144 and Article 146 of the Code of Criminal Procedure. In general, the analysis of the powers of the head of the inquiry department allowed the author to conclude that certain provisions of the Code of Criminal Procedure relating to the procedural activities of the head of the inquiry department require certain additions.

Keywords: head of inquiry department; powers; criminal trial.

© И. И. Федулова, 2018

Статья поступила в редакцию 08.04.2018

Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, в части задержания лица, подозреваемого в совершении преступлений и полномочий органов, ведущих расследование уголовного дела и принятия решения о задержании, привели нас к обоснованному выводу о необходимости исчисления срока задержания с момента ознакомления лица, подозреваемого в совершении преступления с постановлением о задержании лица. Данное решение является законным основанием для фактического ограничения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления.

Ключевые слова: задержание лица; постановление о задержании; срок задержания; исчисление срока; момент фактического задержания.

Яна Анатольевна Шараева, канд. юрид. наук,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт МВД России»;
yana-sharaeva@mail.ru

ИСЧИСЛЕНИЕ СРОКА ЗАДЕРЖАНИЯ ЛИЦА, ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Одним из важных элементов установленного законом порядка производства по уголовным делам являются процессуальные сроки. В уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрено большое количество норм, предусматривающих такие сроки. Одной из них является норма, касающаяся порядка исчисления срока задержания.

В учебной и научной литературе подлежат бурному обсуждению вопросы о порядке исчисления процессуальных сроков при задержании лица, подозреваемого в совершении преступления.

Согласно норме основного закона нашей страны личность неприкосновенна. В этой связи вопрос об исчисления срока при задержании требует тщательного анализа и глубокого осмысления. Согласно нормам действующего уголовно-процессуального законодательства установлен 48-часовой срок задержания лица, который следует исчислять с момента фактического задержания лица.

Момент фактического задержания определен как момент фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления [1]. Что же является моментом фактического лишения свободы передвижения лица?! Для ответа на данный вопрос необходимо вспомнить, что такое задержание и каковы его основания.

Задержание – многозначный термин, которым в зависимости от контекста принято обозначать различные правовые и не урегулированные нормами права явления. Задержание подозреваемого в совершении преступления в российском уголовном процессе – одновременно и мера процессуального принуждения, сущность которой состоит в кратковременном лишении подозреваемого свободы, и действие, направленное на собирание, проверку и оценку доказательств по делу. Ряд исследователей относят задержание к перечню следственных действий.

Согласно п. 11 ст. 5 УПК задержание подозреваемого – мера уголовно-процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Сущность задержания состоит в кратковременном лишении свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, и помещении его в изолятор временного содержания.

Следует разграничивать задержание как меру уголовно-процессуального принуждения, предусмотренную главой 12 УПК, и захват лица с доставлением его в ОВД или другой правоохранительный орган. Такие действия в целях отграничения от уголовно-процессуального задержания называют фактическим задержанием.

Произвести фактическое задержание, то есть захват и доставление лица, совершившего преступление, имеет право любой гражданин, сотрудник правоохранительного органа. Данное задержание не является уголовно-процессуальным, так как соответствующие лица не наделены правом осуществлять уголовное преследование. Задержание лица в связи с подозрением в совершении преступления в соответствии со ст.ст. 91 и 92 УПК могут осуществлять только орган дознания, дознаватель, следователь. Цели задержания подозреваемого логически вытекают из оснований его освобождения (ст. 94 УПК). Задержание предназначено:

- 1) для проверки подозрения – установления причастности или непричастности лица к совершению преступления;
- 2) определения оснований для применения меры пресечения в виде заключения под стражу.

В этой связи недопустимо применение задержания для получения признательных показаний подозреваемого. Такое неправомерное воздействие всегда является существенным процессуальным нарушением (ч. 3 ст. 7 УПК) и влечет утрату допустимости полученных показаний, отмену процессуальных решений, а в некоторых случаях – уголовную ответственность следователя, дознавателя (ст. 301 УК).

Задержание подозреваемого в соответствии с законом (ст. 91 УПК) применяется при наличии следующих условий:

- 1) *наличия обоснованного подозрения в совершении преступления именно данным лицом;*
- 2) *лицо должно подозреваться в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы.*

Фактические данные (сведения), позволяющие заподозрить лицо в совершении преступления, являются основаниями задержания. К ним относятся следующие:

- когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- потерпевший или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

Дополнительными основаниями для задержания являются данные о том, что лицо пыталось скрыться, его личность не установлена либо

в суд направлено ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

В зависимости от процессуальной формы оформления задержания подозреваемого, выделяет два его вида:

1) задержание на основании постановления о задержании, с последующим оформлением протокола задержания;

2) задержание без вынесения постановления о применении указанной меры принуждения, оформленное только путем составления протокола задержания.

Первый порядок оформления задержания подозреваемого имеет место уже по возбужденному уголовному делу. Если у следователя имеются основания для задержания конкретного гражданина в качестве подозреваемого, то он выносит об этом постановление, а затем дает органу дознания письменное поручение об исполнении данного постановления (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК).

Действующий уголовно-процессуальный закон не предусматривает форму и содержание данного постановления. На наш взгляд, данное постановление должно быть вынесено по уголовным делам, возбужденным как по факту совершения преступления, так и в отношении конкретного лица при наличии оснований и условий для задержания лица, подозреваемого в совершении преступления. Как и любое процессуальное решение, постановление о задержании должно состоять из трех частей.

В вводной части должны быть указаны следующие сведения: дата и место его составления, кем составлено постановление, номер уголовного дела и данные о лице, в отношении которого принято решение.

В описательно-мотивировочной части постановления должно быть указано: описание преступления с указанием оснований для задержания лица, предусмотренных ст.ст. 91, 92 УПК РФ.

Резолютивная часть постановления должна содержать решение о задержании лица, поручение об исполнении данного постановления, а также сведения об ознакомлении подозреваемого лица с данным постановлением об его обжаловании.

Оформление задержания подозреваемого путем составления только протокола задержания осуществляется обычно тогда, когда фактический захват (задержание) лица производится до возбуждения уголовного дела, в силу внезапности возникновения оснований. Такая ситуация почти всегда возникает, например, когда лицо застигнуто при совершении преступления. После захвата лицо доставляется в компетентный орган, например, дежурную часть полиции. После доставления лица в дежурную часть решаются вопросы о возбуждении уголовного дела и процессуальном оформлении задержания подозреваемого.

По общепринятому правилу, исходя из опроса следователей (дознателей) органов предварительного расследования г. Ростова-на-Дону и Ростовской области, моментом фактического лишения свободы передвижения лица является момент доставления лица в органы внутренних дел и составление протокола задержания. То есть работники практических органов связывают возникновение момента фактического лишения передвижения лица с моментом доставления лица для составления протокола задержания.

Исходя из вышеизложенного, возникает закономерный вопрос: следует ли считать постановление о задержании или протокол задержания отправной точкой в исчислении 48-часового срока задержания? На наш взгляд, постановление о задержании наиболее полно отражает законные основания для свободы ограничения конституционного права гражданина на неприкосновенность личности.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение: постановление о задержании – это процессуальное решение следователя (дознателя) в рамках возбужденного уголовного дела о наличии оснований для свободы ограничения лица, подозреваемого в совершении преступления на срок не более 48 часов.

Процедуру задержания лица при наличии данного постановления мы видим следующую:

- 1) вынесение постановления о задержании;
- 2) направление данного постановления сотрудниками уголовного розыска для исполнения;
- 3) ознакомление подозреваемого с данным постановлением, в котором указывается дата ознакомления, время и подпись лица;
- 4) разъяснение прав подозреваемому, предусмотренных ст. 46 УПК РФ (если дело было возбуждено по факту совершения преступления);
- 5) отражение в постановлении о задержании времени фактического ограничения свободы передвижения лица (фактически отражение самого процесса задержания).

Каким образом следует исчислять срок задержания при вынесении данного постановления?! Ответить на данный вопрос можно двояко:

1) исчислять срок задержания с момента вынесения постановления о задержании следователем (дознателем). Данный вариант нам кажется применять нецелесообразно, поскольку исполнение данного постановления может занять большое количество времени, что нарушит не только сроки задержания лица, но и общие сроки производства по уголовному делу.

2) исчислять срок задержания следует с момента вручения лицу постановления. С данного момента у правоохранительных органов возникает законное право на ограничение свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления. Данный вариант нам видится более приемлемым. В связи с чем возможно применить предусмотренную выше процедуру задержания лица, а сам факт задержания на законных на то основаниях отразить в протоколе задержания.

В результате проведенного исследования, мы пришли к обоснованному выводу о том, что 48-часовой срок задержания следует исчислять с момента вручения копии постановления о задержании, поскольку с данного момента возникает законное и обоснованное право органа, ведущего предварительное расследование ограничить свободу передвижения лица подозреваемого в совершении преступления.

Вместе с тем следует различать фактическое и уголовно-процессуальное (юридическое) задержание. Фактическое – означает физическое, принудительное ограничение личной свободы того или иного лица, ограничение свободы его передвижения и принудительное доставление в правоохранительный орган (п. 15 ст. 5 УПК). Подобное задержание может иметь

место, в том числе и за совершение дисциплинарного проступка, в целях составления протокола об административном правонарушении, выяснения личности и т. п. Предусмотренный 48-часовой срок задержания начинается истекать с момента фактического задержания.

Уголовно-процессуальное задержание означает факт уголовного преследования в отношении конкретно определенного лица, удостоверенное процессуальным решением в виде постановления о задержании. Именно с этого момента лицо может стать подозреваемым.

В целях устранения ошибок, возникающих в практических органах при решении вопроса об исчислении срока задержания, необходимо на законодательном уровне, в нормах действующего уголовно-процессуального законодательства закрепить положения о том, что решение о задержании следует оформлять в виде постановления о задержании, а также следует указать, что момент фактического ограничения свободы передвижения лица возникает у органа, производящего задержание только после вынесения и ознакомления задержанного лица с постановлением о задержании.

Следует отметить, что более глубокого изучения и анализа требует вопросы об участниках процесса задержания лица, а также необходимости и целесообразности составления протокола задержания.

Список литературы

1. **Уголовно-процессуальный кодекс** Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. [The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on February 19, 2013)], SPS "ConsultantPlus".

CALCULATION OF THE DETENTION PERIOD OF THE SUSPECT

Ya. A. Saraeva, *Candidate of Law,
Senior Lecturer, Department of Criminal Procedure,
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
yana-sharaeva@mail.ru*

The analysis of the current criminal procedural legislation regarding the detention of a person suspected of committing crimes and the powers of the bodies conducting the investigation of criminal case and the adoption of a decision on detention has resulted in a reasonable conclusion about the need to calculate the period of detention from the moment of acquaintance of a person suspected of committing a crime with a decision on detention of a person. This decision is the legal basis for the actual restriction of the freedom of movement of a person suspected of committing a crime.

Keywords: detention of a person; detention order; period of detention; calculation of period; moment of actual detention.

© Я. А. Шараева, 2018

Статья поступила в редакцию 15.04.2018

Приведена попытка обобщения сведений об основных направлениях поиска свидетелей при расследовании уголовных дел об изнасилованиях. Рассмотрена некоторая специфика производства поисковых действий, взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Указаны предмет допроса названных лиц, наиболее эффективные тактические приемы производства этого следственного действия. Представлены типовые следственные ситуации, формирующиеся к моменту участия свидетелей такого рода в следственном действии. С учетом конкретных следственных ситуаций приведены возможные варианты преодоления наиболее сложных из них.

Ключевые слова: расследование изнасилований; поиск и допрос свидетелей; тактический прием; преодоление противодействия; предъявление доказательств.

Алексей Константинович Шеметов, доцент,
кафедра криминалистики второго факультета повышения
квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург),
Институт повышения квалификации ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации»;
shemetov_alexey@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОИСКА И ДОПРОСА СВИДЕТЕЛЕЙ ПО ДЕЛАМ ОБ ИЗНАСИЛОВАНИИ

Несмотря на постоянный рост числа раскрытых насильственных посягательств на половую свободу и неприкосновенность, расследование подобных преступлений не перестало нести в себе сложности. Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин в интервью «Российской газете» озвучил впечатляющие цифры – в 2017 г. 98 % изнасилований были раскрыты [3, с. 1]. За этими показателями, несомненно, стоит плодотворная тщательная работа следователя, специалистов и экспертов по каждому факту.

Методика расследования отдельных видов посягательств всегда предусматривает в своем составе особенности тактики производства отдельных следственных действий. Несомненно, специфика свойственна поиску и допросу свидетелей изнасилований.

Обычно организацией поиска свидетелей занимаются одновременно с производством осмотра места нападения на жертву, совершения с ней насильственного полового акта. В этой связи организуется производство оперативно-розыскных мероприятий на территории, прилегающей к месту совершения изнасилования.

Среди названных действий могут быть указаны подворно-поквартирные обходы и опросы граждан, которые находились или могли находиться вблизи места происшествия, проверки на причастность к проведенному событию лиц, склонных к совершению насильственных преступлений.

К сожалению, на практике к производству названных операций относятся без должного внимания, что влечет за собой малоэффективность полученных при этом результатов.

Так, рапорты о производстве подворно-поквартирных обходов зачастую содержат лишь скудные сведения об отсутствии положительных ответов на вопрос о том, известно ли участвующим в опросах лицам что-либо о произошедшем. К негативным характеристикам названных документов следует отнести и отсутствие в них конкретного перечня лиц, подвергшихся при этом опросу, недостаток сведений о том, по каким причинам те или иные лица не участвовали в беседе.

Сотрудникам, которые будут участвовать в опросе проживающих вблизи места происшествия лиц, разъясняется объем данных, подлежащих внесению в отчетные документы, дается указание на то, что в случае отсутствия по тем или иным причинам отдельных лиц в местах их проживания, об этом должны быть сделаны отметки. Положительный результат приносит и составление перечня вопросов, которые должны ставиться перед названными свидетелями.

Субъектам, которым поручается производство обходов, сообщаются сведения об известных чертах внешности разыскиваемого лица, а также отдельных поведенческих особенностях. Не будут лишними и рекомендации о сравнении названных характеристик с признаками подобного рода, которыми обладают сами опрашиваемые.

Так, по одному из уголовных дел еще при проверке заявления об изнасиловании, совершенном в подъезде многоквартирного дома в ходе опроса жильцов соседних подъездов было установлено лицо, схожее по приметам с разыскиваемым субъектом посягательства. При этом опрашиваемый, находящийся в состоянии сильного алкогольного опьянения, охотно давал объяснения сотрудникам полиции. Как позже удалось установить, в качестве места преступления, куда он переместил жертву, им был избран соседний подъезд дома, от входной двери которого он знал цифровой код.

Помимо общих вопросов об осведомленности о событии произошедшего преступления у опрашиваемых лиц выясняется, не наблюдали ли они подозрительные транспортные средства, которые могли быть использованы для перемещения субъекта, лиц, оказавшихся вблизи места происшествия или на нем в интересующий нас интервал времени и предшествовавший ему период.

В случае получения положительного ответа данные о скрывшемся лице конкретизируются и служат основанием для корректировки изготовленного ранее портрета разыскиваемого.

У свидетелей подобного рода также могут выясняться данные об отдельных категориях лиц, группах субъектов, часто посещающих названные участки в силу профессиональных обязанностей либо в свободное время.

К числу свидетелей, подлежащих обязательному опросу, а позже допросу, могут быть отнесены свидетели, наблюдавшие субъекта посягательства вместе с жертвой нападения, при приближении его к месту посягательства или сразу после полового акта; лица, которые наблюдали субъекта со следами повреждений на теле и одежде, следами загрязнений, об-

разовавшихся в процессе нападения; слышали от самого субъекта или третьих лиц об обстоятельствах полового контакта с жертвой и др.

Допрос свидетелей так же, как и потерпевших, рекомендуется начинать со свободного рассказа либо о наблюдавшихся им событиях, либо о ставших ему известными опосредовано из сторонних источников. Далее уточнения производятся при помощи тактического приема детализации показаний. Следователь не должен выражать недоверия показаниям свидетеля, проявлять свое недовольство неполнотой сообщаемых сведений. Более того, целесообразно стимулировать стремление свидетеля к сотрудничеству путем высказывания комплиментов по поводу наблюдательности, хорошей памяти допрашиваемого. Постановку уточняющих вопросов рекомендуется предварять словами о том, что следователь не совсем понял, по каким причинам и где находился свидетель перед тем, как увидел предполагаемого субъекта посягательства и (или) потерпевшего, с какого момента наблюдал происходящее, на каком расстоянии от места находился [2, с. 154–155], были ли какие-либо деревья, машины или иные препятствия, осложняющие его восприятие, какое было освещение. Также выясняется и физическое состояние очевидца преступления.

Кроме того, у очевидцев выясняется, видели ли они кого-либо еще кроме преступника и жертвы на месте происшествия или в непосредственной близости от него, чем эти лица были заняты.

У свидетелей, не являющихся очевидцами преступных событий, уточняется: от кого, когда и при каких обстоятельствах он узнал о расследуемом событии; с кем и как часто обсуждал полученную информацию. Последний вопрос позволит спрогнозировать возможное искажение информации в сознании допрашиваемого из-за внесенных дополнительных элементов иными лицами и личной интерпретации услышанного.

В качестве свидетелей допрашиваются лица, видевшие потерпевшего и подозреваемого до и после совершения преступления. У них выясняется при каких обстоятельствах они наблюдали участников преступных событий, каково было их эмоциональное и физическое состояние, просили ли о чем-либо, в каком состоянии была их одежда, заметили ли допрашиваемые на ней загрязнения, повреждения, а также как им были объяснены изменения внешнего вида и поведения [4, с. 116].

Отдельно следует выделить родственников, друзей потерпевших или субъектов преступлений. Они в равной степени могут быть осведомлены о произошедшем и о свойствах личности потерпевшего и подозреваемого, их взаимоотношениях. Планируя их допрос, необходимо прогнозировать вероятное искажение ими информации как о личности участников событий, так и об известных им обстоятельствах расследуемого противоправного деяния, обусловленное желанием любыми способами защитить близких им людей.

Противодействие свидетелей может преодолеваться с помощью приемов, используемых для пресечения лжи подозреваемых.

Выбор приемов допроса при этом будет зависеть, прежде всего, от условий следственной ситуации, характеризующейся в первую очередь объемом и качеством информации о причастности подозреваемого к расследуемому изнасилованию, а также от свойств личности самого допрашиваемого [1, с. 460].

Свидетелям, занимающим активную позицию, спешно дающим показания о различных обстоятельствах, сначала предлагается в форме свободного рассказа изложить полностью обстоятельства преступления. После чего их показания детализируются. Выясняется характер насилия, которое применялось, сопротивления, оказываемого потерпевшей, и способы его подавления. Свидетелям предлагается описать следы, которые были ими обнаружены на потерпевшей, самом подозреваемом, их одежде, а также на месте происшествия. Обязательно уточняется действия по уничтожению и сокрытию следов преступления. При необходимости конкретизируется взаимное расположение подозреваемого, жертвы и предметов окружающей обстановки на всех этапах совершения преступления.

Существенную роль при допросе свидетелей различных групп играет адекватная интерпретация динамики их текущих эмоционально-волевых состояний.

Известно, что внешние проявления эмоционального состояния человека не имеют никакого доказательственного значения. Однако это может дать ориентирующую информацию. Так, волнение при определенных вопросах, «уход» от тех или иных тем, «застывание» на определенных обстоятельствах должны побудить следователя к более тщательному анализу причин подобного поведения.

О свойствах личности субъекта посягательства можно сделать вывод из характеризующего материала, собранного к этому периоду расследования. К сожалению, зачастую содержание его не отличается полнотой. Большинство характеристик такого рода лишь перечисляют общие, весьма пространственные характеристики субъекта, не позволяющие сделать выводы об отношении субъекта к основным правам и свободам человека, способностях его к коммуникации с окружающими, конфликтности поведения в обществе. Указанный недостаток может быть восполнен посредством допросов в качестве свидетелей лиц, которые составляли названные характеристики или знакомы с субъектом посягательства в ходе длительного совместного времяпрепровождения.

К свидетелям подобного рода должны быть отнесены соседи, коллеги привлекаемого к ответственности лица, его руководители, педагоги, лица со схожим с ним хобби. У свидетелей подобного рода, помимо типовых вопросов о факте, продолжительности и частоте коммуникаций с обвиняемым, выясняются его взаимоотношения с противоположным полом, характере отношений с потерпевшей, если они были знакомы, продолжительности, характере подобной коммуникации, наличии в ее качествах агрессивности, тяги к разрешению конфликтных ситуаций с помощью силы и др.

В число свидетелей, способных дать показания об интересующих нас качествах субъекта изнасилования, должны включаться как доброжелатели злоумышленника, так и лица, находящиеся с ним в негативных отношениях.

Следует помнить о том, что поиск и получение вербальной информации о различных обстоятельствах совершенного изнасилования наряду с изучением материальных доказательств – одно из равноправных направлений получения полных сведений о содеянном.

Список литературы

1. Драпкин Л. Я., Карагодин В. Н. Криминалистика: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2011. 768 с.
2. Методика расследования отдельных видов преступлений против личности: учебник / ред.: В. Н. Карагодин, Академия Следств. ком. Рос. Федерации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 504 с.
3. Российская газета. 15 января 2018 года. № 6(7469). URL: <https://rg.ru/gazeta/2018/01/15.html> (дата обращения 12.05.2018).
4. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты расследования насильственных преступлений сексуального характера: учеб. пособие / Н. Б. Вахмянина и др. Екатеринбург: Раритет, 2017. 144 с.

References

1. Drapkin L.Ya., Karagodin V.N. *Kriminalistika* [Forensics], Moscow: Prospekt, 2011, 768 p. (In Russ.)
2. *Metodika rassledovaniya otdel'nykh vidov prestuplenij protiv lichnosti* [The methodology for investigating certain types of crimes against persons], V.N. Karagodin; Academy of Investigations. com. Ros. Federation (Eds.), Moscow: YUNITI-DANA, 2015, 503 p. (In Russ.)
3. *Rossiyskaya gazeta*, 2018, January 15. available at: <https://rg.ru/gazeta/2018/01/15.html> (In Russ.)
4. Vahmyanina N.B., Nadonenko O.N., Shemetov A.K., Yashkov S.A. *Ugolovno-pravovye i kriminalisticheskie aspekty rassledovaniya nasil'stvennykh prestuplenij seksual'nogo haraktera* [Criminally-legal and criminalistic aspects of investigation of violent crimes of a sexual nature], Ekaterinburg: Raritet, 2017, 144 p. (In Russ.)

THE MAIN DIRECTIONS FOR SEARCH AND INTERROGATION OF WITNESSES ON RAPE

A. K. Shemetov, Associate Professor,
Department of Criminalistics of the Second Faculty For Advanced Training,
(Yekaterinburg) Advanced Training Institute of Moscow Academy of Investigative
Committee of the Russian Federation;
shemetov_alexey@mail.ru

The author attempts to summarize information on the main directions of the search for witnesses in the investigation of criminal cases of rape. A certain specificity of the production of search activities, interaction with the bodies that carry out operational-search activity is given. In addition, the subject of interrogation of the named persons, the most effective tactical methods of the production of this investigative action are indicated. Typical investigative situations formed by the moment of participation of witnesses of this kind in the investigative action are presented. With regard to specific investigative situations, possible options for overcoming the most difficult of them are given.

Keywords: investigation of rape; search and examination of witnesses; tactical reception; overcoming of counteraction; presentation of evidence.

© А. К. Шеметов, 2018

Статья поступила в редакцию 08.04.2018

Обращения граждан и их объединений, будучи формой участия в управлении делами государства, способом защиты нарушенного права, источником информации об их отношении к функционированию государственных органов и степени доверия к ним, отражаются на характере взаимодействия государственных органов и общественности. Актуальность данного вопроса также заключается в необходимости расширения возможностей контроля над деятельностью исполнительной власти со стороны общества, в том числе путем совершенствования законодательства и упорядочения правоприменительной практики в данной сфере.

Ключевые слова: контроль над деятельностью исполнительной власти; обращения граждан; органы общественного контроля; ответственность Правительства РФ и его членов.

Марина Юрьевна Вискребенцева,
юрист, ООО «ГАРАНТ»;
m.lee@mail.ru

ИНСТРУМЕНТЫ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ И ЕГО МИНИСТРОВ

Эффективный контроль со стороны общества над деятельностью органов исполнительной власти (в частности, речь пойдет о Правительстве РФ и его министрах) выступает важнейшим инструментом, способным определять реакцию граждан на реализацию проводимой в государстве политики. Однако следует констатировать, что обратная связь от общественности по поводу тех или иных управленческих решений, как правило, слаба либо не имеет каких-то значимых рычагов воздействия на принимаемые властью решения. Созданные для решения данной проблемы органы общественного контроля призваны обеспечить устойчивую связь между властью и народом, а также обеспечить сигналы о тех или иных вопросах, волнующих широкие массы граждан.

Рассмотрение вопроса деятельности институтов общественного контроля в современной России ретроспективно следует начать с введения в России должности Уполномоченного по правам человека. Первоначально она была введена Конституцией РФ, затем ее полномочия конкретизировались указом Президента РФ, принятым в 1994 году. После чего несколько лет на политической арене омбудсмен отсутствовал. И лишь в 1997 году был принят ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в РФ» [12]. В соответствии с законом, Уполномоченный назначается на должность и освобождается от должности Государственной Думой РФ и при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-

либо государственным органам и должностным лицам. Данный правовой статус позволяет говорить об омбудсмене как о достаточно свободной политической фигуре, способной эффективно реагировать на вопросы, регулярно поступающие от общественности. Уполномоченный рассматривает жалобы на решения или действия (бездействие) государственных органов. Омбудсмен может влиять на эффективность деятельности органов государственного управления, в том числе Правительства РФ. Он вправе направлять государственным органам и должностным лицам свои замечания и предложения общего характера, относящиеся к обеспечению прав и свобод граждан, совершенствованию административных процедур; обращаться к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении и дополнении федерального законодательства либо о восполнении пробелов в федеральном законодательстве.

К тому же омбудсмен как защитник прав граждан заинтересован в поддержке наиболее активных и инициативных представителей общества, в том числе и в их участии в политической жизни. Однако на данный момент в Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год отмечено [3], что «слабость социальных лифтов, дефицит доверия и отсутствие обратной связи между органами власти разного уровня и населением истощают социальный капитал, порождают гражданскую пассивность и отсутствие веры в возможность полноценной самореализации». Позже в одноименном Докладе за 2016 год снова было заявлено о необходимости укреплять взаимосвязь между органами власти и общественностью. «Услышать “глас народа” – значит точно диагностировать те социальные болезни, которые представляют наибольшую опасность для здоровья гражданского общества» [4].

Что касается реальных полномочий омбудсмента по реагированию на сигналы, поступающие от граждан, Законом установлено следующее. В случае грубого или массового нарушения гарантированных Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина Уполномоченный вправе: выступить с докладом на очередном заседании Государственной Думы и обратиться в Государственную Думу с предложением о создании парламентской комиссии по расследованию фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования. Установлен месячный срок для рассмотрения государственным органом или должностным лицом, получившим заключение с рекомендациями, в течение которого необходимо рассмотреть их и сообщить Уполномоченному о принятых мерах в письменной форме. Деятельность Уполномоченного по правам человека в России основывается на информации, собираемой от граждан всей страны, что позволяет судить об эффективности деятельности органов государственной власти и их должностных лиц, целесообразности и правомерности тех или иных управленческих решений. В этой связи становится возможным говорить о еще одном механизме контроля общества над высшей исполнительной властью, а также о его высоком потенциале в вопросах привлечения нарушителей (в частности, отдельных министров) к ответственности.

Мощным толчком к развитию институтов гражданского общества в России стало учреждение на федеральном уровне общественной палаты

как общественной организации, обеспечивающей взаимодействие граждан и общественных объединений с органами государственной власти. Прототип данного органа действовал в 1993 году под названием «Общественная палата Конституционного совещания», основной задачей деятельности которой являлась выработка предложений по изменениям и дополнениям к проекту Конституции РФ.

Кроме того, значилось, что общественная палата принимает также рекомендации по политическим, социальным и социально-экономическим вопросам. Позднее в 1994 году, когда Конституция РФ уже была принята на всенародном голосовании, Общественная палата при Конституционном Совещании была преобразована в Общественную палату при Президенте России [9]. Среди целей создания последней значились: необходимость учета общественного мнения и создания механизма обратной связи между гражданами, общественными объединениями и органами государственной власти. Был очерчен состав палаты, среди которых значились: представители политических партий, массовых движений, молодежных и иных общественных организаций, предпринимательских объединений, религиозных конфессий, представители организаций местного самоуправления, общероссийских профсоюзов. Причем регистрация соответствующего объединения в Министерстве юстиции РФ являлась необходимым условием вхождения в состав палаты. В связи с предложением ряда политических партий и движений об улучшении взаимодействия федеральных органов государственной власти при создании правовой базы экономических и политических реформ и привлечения к этому процессу широких кругов общественности Президентом РФ в 1996 году она была преобразована в Политический консультативный совет [5].

Совет включал в себя представителей политических партий (в том числе не получивших в результате выборов депутатских мест в Государственной Думе), общероссийских и межрегиональных общественных движений, иных общественных объединений, общероссийских объединений профсоюзов, предпринимательских союзов (ассоциаций) и религиозных организаций. Данный орган занимался выработкой предложений Президенту и Правительству РФ по вопросам осуществления экономических и политических реформ, информированием Президента о происходящих в обществе процессах и принятием соответствующих рекомендаций. В дальнейшем он был упразднен указом Президента РФ в 2000 году.

В современном виде и с действующими на данный момент полномочиями этот орган стал функционировать именно с 2005 года с принятием ФЗ «Об общественной палате РФ». Закон закрепил осуществление общественного контроля над деятельностью Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти. Общественная палата вправе проводить экспертизу проектов нормативных правовых актов Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти. Заключение Общественной палаты по результатам экспертизы подлежат обязательному рассмотрению соответственно на заседаниях Правительства РФ, коллегий соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Правительство РФ обеспечивает присутствие на своих заседаниях членов Общественной палаты, уполномоченных советом Общественной палаты [10]. На про-

тяжении всего времени работы общественной палаты федерального уровня в отношении нее продолжали высказываться критические замечания. Так говорится, что полномочия Общественной Палаты РФ являются ведомо узкими, а сам этот орган недостаточно эффективен и полностью подконтролен органам власти. Необходимо создание независимой Общественно-судебной палаты, неподконтрольной органам власти, которая будет заниматься контролем над деятельностью всех органов власти, включая Правительство [2, с. 202].

Проследим ретроспективы развития законодательства об ответственности правительства и министров через призму их взаимоотношений с гражданским обществом. В 2006 году был принят закон «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ». Данный закон определяет механизм работы с обращениями граждан к власти. В том числе (это опосредованно следует из смысла документа) не исключается возможность обращения к руководителям федеральных органов исполнительной власти. Каких-либо определенных санкций по результатам нерассмотрения либо ненадлежащего рассмотрения таких обращений документ не предусматривает, однако установлено, что лица, виновные в нарушении норм данного закона, несут ответственность, предусмотренную законодательством РФ [6].

Далее, принятый в 2008 году ФЗ «О противодействии коррупции» в качестве субъекта называет институты гражданского общества, а среди мер по профилактике коррупции – развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства РФ о противодействии коррупции. Установлено, что лица, замещающие государственные должности Российской Федерации (соответственно в этот перечень входят члены Правительства РФ), подлежат увольнению (освобождению от должности) в связи с утратой доверия. Среди причин названы: наличие конфликта интересов; непредставление сведений о доходах; участие на платной основе в органах управления коммерческой организации; осуществление предпринимательской деятельности; вхождение в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций. В частности, проверки по поводу достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, имуществе осуществляет Уполномоченное подразделение Администрации Президента РФ. Причем данные проверки могут производиться независимо от проверок, осуществляемых подразделениями, должностными лицами либо комиссиями иных органов и организаций [7].

Принятый в 2009 году закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» стал логичным продолжением политики по борьбе с коррупцией. По Закону антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) проводится: прокуратурой РФ; федеральным органом исполнительной власти в области юстиции; органами, организациями, их должностными лицами. Однако институты гражданского общества и граждане могут со своей стороны и за счет собственных средств проводить независимую антикоррупционную экспертизу. По результатам экспертизы составляется заключение, в котором должны быть

указаны выявленные в акте (проекте) коррупциогенные факторы и предложены способы их устранения. Данное заключение носит рекомендательный характер и подлежит обязательному рассмотрению органом, организацией или должностным лицом, которым оно направлено, в тридцатидневный срок со дня его получения. По результатам рассмотрения гражданину или организации, проводившим независимую экспертизу, направляется мотивированный ответ, за исключением случаев, когда в заключении отсутствует предложение о способе устранения выявленных коррупциогенных факторов [8].

Учитывая назревшую необходимость появления документа, который бы обобщил нормы, касающиеся контроля общества над властью, в 2014 году принят Федеральный Закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Исходя из назначения документ призван регламентировать деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемого в целях наблюдения за деятельностью, в том числе органов государственной власти, а также в целях общественной проверки, оценки анализа издаваемых ими актов и принимаемых решений. Отметим, что в юриспруденции под общественным контролем понимается как самоинициативный контроль населения, так и наделение общественных организаций, а также специально создаваемых комиссий, работающих на общественной основе, контрольными полномочиями в отношении государственных, муниципальных учреждений, предприятий [1].

Согласно указанного выше Закона, в список субъектов общественного контроля вошли: общественная палата РФ, общественные палаты субъектов РФ и муниципальных образований, а также общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ. Предусмотрено, что для осуществления общественного контроля также могут создаваться: общественные наблюдательные комиссии; общественные инспекции; группы общественного контроля и иные организационные структуры общественного контроля. Таким образом, очерчен список субъектов общественного контроля. В статье 18 Закона перечислены формы общественного контроля. Общественный контроль осуществляется в формах общественного мониторинга, общественной проверки, общественной экспертизы, в иных формах, не противоречащих настоящему Федеральному закону, а также в таких формах взаимодействия институтов гражданского общества с государственными органами и органами местного самоуправления, как общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания и другие формы взаимодействия. Анализируя данные формы, можно считать, что, к примеру, общественный мониторинг как постоянное (систематическое) или временное наблюдение за деятельностью органов государственной власти, должен также выполнять функцию обратной связи. По сути, общество, а чаще его наиболее активные представители, интересующиеся процессами, происходящими во внутренней и внешней политике государства, перманентно производят наблюдение и оценку действий власти. Другое дело, что по результатам такого мониторинга им почти невозможно добиться кадровых изменений, к примеру, в деятельности Правительства. Имеющие

крайне низкий рейтинг у народа министры или их явно неодобряемая политика остаются лишь констатацией в результатах социальных опросов. Тем не менее такая ситуация расшатывает политическую стабильность, а нарастающее недовольство общества способно в итоге привести к утрате легитимности власти.

Следующая форма представлена в качестве общественной проверки как совокупности действий субъекта общественного контроля по сбору и анализу информации, проверке фактов и обстоятельств, касающихся общественно значимой деятельности органов государственной власти, а также деятельности, затрагивающей права и свободы человека и гражданина, права и законные интересы общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций. По результатам подготавливается итоговый документ (акт), который содержит, в частности, основания для проведения общественной проверки, перечень изученных документов и других материалов, установленные факты нарушения прав и свобод человека и гражданина, общественных объединений или запись об отсутствии таковых, выводы о результатах общественной проверки, предложения и рекомендации по устранению выявленных нарушений.

Общественная экспертиза – основанные на использовании специальных знаний и (или) опыта специалистов, привлеченных субъектом общественного контроля к проведению общественной экспертизы на общественных началах, анализ и оценка актов, проектов актов, решений, проектов решений, документов и других материалов, действий (бездействия) органов государственной власти. Причем к проведению общественной экспертизы на общественных началах могут привлекаться специалист в соответствующей области знаний (общественный эксперт) либо экспертная комиссия.

Общественное обсуждение – публичное обсуждение общественно значимых вопросов, а также проектов решений органов государственной власти, с обязательным участием в таком обсуждении уполномоченных лиц указанных органов и организаций, представителей граждан и общественных объединений, интересы которых затрагиваются соответствующим решением.

Далее закреплена близкая по содержанию и результатам форма общественного контроля под названием «общественные (публичные) слушания». Это собрание граждан для обсуждения вопросов, касающихся деятельности органов и организаций и имеющих особую общественную значимость либо затрагивающих права и свободы человека и гражданина, права и законные интересы общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций. Среди возможных препятствий к использованию двух последних форм общественного контроля можно выделить два фактора. Во-первых, низкий уровень активности широкого круга граждан в обсуждении и слушаниях, обусловленный недоверием последних тому, что они могут повлиять на принятие, изменение или отмену нормативно-правовых актов либо решения или действия (бездействие) органов государственной власти. Во-вторых, незаинтересованность самих органов власти и их представителей в учете рекомендаций и предложений граждан в угоду своим политическим, а возможно и конъюнк-

турным интересам. Первую причину возможно преодолеть путем вовлечения большого круга инициативных представителей общества с гарантированием им достаточных прав и разъяснения механизма проведения обсуждений и слушаний. Во втором случае необходимо установление четких критериев и мер ответственности представителей власти за воспрепятствование и игнорирование народных предложений и запросов. По всем из перечисленных форм контроля составляется и обнародуется итоговый документ, который размещается, в том числе и в сети «Интернет» [11]. В целом можно констатировать, что рассмотренный Закон имеет полностью положительное значение. Одна из важнейших его задач – четкое определение форм общественного контроля, была достигнута. Опираясь на эту выстроенную законодательную базу, можно надеяться на положительный опыт правоприменительной практики.

В заключение отметим, что общественный контроль над деятельностью исполнительной власти в России, объединив в себе как права отдельных граждан, так и коллективных органов, в частности, общественных палат всех уровней, стремится выйти на новый уровень. В данном случае, большое значение имеет то, что инициатором вышеупомянутого Закона об общественном контроле стал именно Президент России. Безусловно, правоприменительная практика еще скорректирует его положения путем внесения изменений и дополнений, направленных в сторону совершенствования контрольной деятельности общества над властью. Кроме того, начавшаяся кампания по избранию Президента РФ в 2018 году вновь заставила общественность задуматься о поиске новых форм развития государственной политики, экономики и прав граждан. Извечно актуальное римское выражение *Vox populi vox Dei* («Глас народа – глас Божий») в моменты всеобщего внимания общества к власти приобретает особое значение. Добавим также, что низкая эффективность применения ответственности к лицам, занимающим государственные должности, порождает недоверие общества к власти, что явно неприемлемо в правовом государстве. Кроме того, важность установления и закрепления ответственности членов Правительства постоянно отмечается на высших уровнях, в том числе в докладах Президента РФ.

Список литературы

1. **Авакьян С. А.** Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
2. **Гончаров А. А.** Гражданский контроль над органами власти. М.: Весь Мир, 2010. 224 с.
3. **Доклад** о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год от 24 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2015> (дата обращения: 27.02.2018).
4. **Доклад** о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год от 17 мая 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2016> (дата обращения: 27.02.2018).
5. **О Политическом** консультативном совете: указ Президента РФ от 25 июня 1996 г. № 989 // Собрание законодательства РФ от 1 июля 1996 г. № 27. Ст. 3232.

6. **О порядке** рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 8 мая 2006 г. № 19. Ст. 2060.

7. **О противодействии коррупции:** федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 29 декабря 2008 г. № 52. Ст. 6228.

8. **Об антикоррупционной** экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 20 июля 2009 г. № 29. Ст. 3609.

9. **Об Общественной** палате при Президенте Российской Федерации: распоряжение Президента РФ от 16 февраля 1994 г. № 78-рп // Собрание актов Президента и Правительства РФ от 21 февраля 1994 г. № 8. Ст. 592.

10. **Об Общественной** палате Российской Федерации: федер. закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 11 апреля 2005 г. № 15. Ст. 1277.

11. **Об основах** общественного контроля в Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 28 июля 2014 г. № 30. Ст. 4213.

12. **Об Уполномоченном** по правам человека в Российской Федерации: федер. конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ от 3 марта 1997 г. № 9. Ст. 1011.

References

1. **Avak'yan S.A.** *Konstitutsionnyj leksikon: Gosudarstvenno-pravovoj terminologicheskij slovar'* [The constitutional lexicon: the state-legal terminological dictionary], Moscow: Yustitsinform, 2015, 640 p. (In Russ.)

2. **Goncharov A.A.** *Grazhdanskij kontrol' nad organami vlasti* [Civil control over government bodies], Moscow: Ves' Mir, 2010, 224 p. (In Russ.)

3. <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2015> (accessed 27 February 2018).

4. <http://ombudsmanrf.org/content/doclad2016> (accessed 27 February 2018).

5. **[On the Political** Consultative Council: the decree of the President of the Russian Federation from June 25, 1996, No. 989], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 27, article 3232 (In Russ.).

6. **[On the procedure** for considering applications from citizens of the Russian Federation: Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 19, article 2060. (In Russ.).

7. **[On combating** corruption: Federal Law of 25 December 2008 No. 273-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2008, no. 52. article 6228. (In Russ.).

8. **[On anti-corruption** expertise of normative legal acts and proj of normative legal acts: Federal Law of July 17, 2009, No. 172-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2009, no. 29. article 3609. (In Russ.).

9. **[On the Public** Chamber under the President of the Russian Federation: Order of the President of the Russian Federation of February 16, 1994 No. 78-rp], *Sobranie aktov Prezidenta i Pravitel'stva RF* [Meeting of acts of the President and the Government of the Russian Federation], 1994, no. 8. article 592. (In Russ.).

10. **[On the Public** Chamber of the Russian Federation: Federal Law from April 4, 2005 No. 32-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2005, no. 15. article 1277. (In Russ.).

11. **[On the Basics** of Public Control in the Russian Federation: Federal Law of 21 July 2014 No. 212-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 30. article 4213. (In Russ.).

12. [On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of February 26, 1997 No. 1-FKZ], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1997, no. 9. article 1011. (In Russ.).

INSTRUMENTS OF PUBLIC CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS MINISTERS

M. Yu. Vyskrebentseva,
Lawyer, PLC GARANT;
m.lee@mail.ru

Appeals of citizens and their associations, as a form of participation in the management of the affairs of the state, as a means of protecting the violated right, as a source of information on their attitude to the work of state bodies and the degree of their confidence in them are reflected in the nature of interaction between state bodies and the public. The urgency of this issue also lies in the need to expand the possibilities for control over the activities of the executive branch by the society, by improving legislation and streamlining the law enforcement practice in this area.

Keywords: control over the activity of the executive power; citizens' appeals; authorities of public control; responsibility of the Government of the Russian Federation and its members.

© М. Ю. Выскребенцева, 2018

Статья поступила в редакцию 05.03.2018

Свобода вероисповедания ограничена запретом на совершение в отношении членов религиозной организации или других граждан преступных действий. Деструктивные культы в России продолжают действовать, уголовные дела в отношении деяний их организаторов и членов возбуждаются ежегодно. Дано описание виктимных качеств, повышающих риск быть вовлеченными в деструктивную религиозную группу, и отработанной методики вовлечения. Вначале происходит «бомбардировка любовью», затем активируется подсознание и подавляется сознание, подавляется «Я» человека, затем осуществляется «перепрограммирование» сознания по образцу «Учителя».

Ключевые слова: деструктивные культы; религиозное помешательство; свобода совести; управление сознанием.

Елена Вадимовна Ильюк, кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права второго факультета повышения
квалификации (с дислокацией в г. Екатеринбург),
Институт повышения квалификации ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации»;
Elena.ilyuk@mail.ru

ПРАВО НА СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ГРУППЫ

Конституция РФ устанавливает свободу совести и свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» устанавливает, что право человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено федеральным законом, если это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В этом же законе установлено, что не допускается осуществление миссионерской деятельности, цели и действия которой направлены: на нарушение общественной безопасности и общественного порядка; осуществление экстремистской деятельности; принуждение к разрушению семьи; посягательство на личность, права и свободы граждан; нанесение установленного в соответствии с законом ущерба нравственности, здоровью граждан, в том числе использованием в связи с их религиозной деятельностью наркотических и психотропных средств, гипноза, совершением развратных и иных противоправных действий; склонение к самоубийству или отказу по религиозным мотивам от оказания медицинской помощи лицам, находящимся в опасном для жизни и здоровья состоянии; воспрепятствование получению обязательного образования; принуждение членов и последователей религиозного объединения и иных

лиц к отчуждению принадлежащего им имущества в пользу религиозного объединения; воспрепятствование угрозой причинения вреда жизни, здоровью, имуществу, если есть опасность реального ее исполнения, или применения насильственного воздействия, другими противоправными действиями выходу гражданина из религиозного объединения; побуждение граждан к отказу от исполнения установленных законом гражданских обязанностей и совершению иных противоправных действий. Надзор за исполнением законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях осуществляют органы прокуратуры Российской Федерации, контроль – федеральный орган государственной регистрации.

Религиозные сообщества, демонстрирующие такие характеристики, принято квалифицировать как деструктивные культы. Исторически и на бытовом уровне существует термин «секта», который хотя и не может считаться нормативным, однако применяется широко, в связи с чем использован в данной работе.

Деструктивность секты проявляется в совершении ритуальных убийств, причинии вреда либо склонению к причинению вреда здоровью (самопричинению вреда); в склонении к суициду; причинению имущественного вреда, склонению к передаче имущества или денег организации или лидеру организации.

В истории разных обществ и цивилизаций *ритуальные убийства* осуществлялись в процессе жертвоприношения по религиозным, культурным и этническим мотивам. Ритуальное членовредительство применялось в сектах скопцов и хлыстов в России в XVIII в. Объективная сторона состояла в отсечении острым предметом или прижигание грудных желез, половых губ у женщин, половых органов у мужчин (членовредительство), с особой жестокостью, без применения наркоза или обезболивающих средств. Некоторые потерпевшие умирали. При обрядах происходило отсечение сосков груди, которые крошились, и ими «причащались». Мотивом действий скопцов и хлыстов была «бредовая идея» «сделать» с помощью «ножа и топора» бесполого ангела. В некоторых сектах радения исполнялись по-язычески, голышом. Сохранились следы человеческих жертвоприношений, ритуального каннибализма: в незапамятные времена так поступали с избранницей, олицетворявшей богиню, у хлыстов жертва стала уже символической. Ночью, около праздника Троицы, они плясали при свечах вокруг большого чана с водой, бичевали себя до крови, взывали в песнях к «богородице-матери земле сырой». Она выходила снизу, из погреба, выносила блюдо с дарами: изюмом, сладкими ягодами. Угощала собравшихся, помазывала водой. Ее саму торжественно омывали, срезали сосок и, измельчив его на частички, кощунственно «причащались плотью и кровью». Чтобы окончательно заглушить зов плоти, скопцы истязали себя, выжигая на своем теле кресты.

Преступления, совершенные различного рода новыми религиозными организациями деструктивного характера, расследуются каждый год, на территории России эти организации деструктивного характера продолжают действовать.

Для предупреждения вовлечения граждан в деструктивные религиозные организации необходимо знать приемы, которые применяют вербовщики из деструктивных сект. Информированность – защита от вовлечения в деструктивные секты [4, с. 67].

Термин «промывание мозгов» возник в 1950-е годы. К методам, которые были использованы в Китае для «промывания мозгов», относились жестокие условия физического ограничения и социального отчуждения. Позднее разработаны методы, которые позволяли разрушить индивидуальность человека и его способность в отношении обработки информации, сохранения нравственных ценностей. Методы включали: доведение людей до животного состояния путем лишения сна, частичного сенсорного лишения, психологического преследования, внушения вины, группового социального давления, что особенно эффективно в условиях низкой образованности населения.

Термин «промывание мозгов» (или «промывка мозгов») в обычной речи означает описание давления и воздействия на убеждения человека, ценностные ориентации, общение посредством манипулирования, убеждения, подмены фактов, понятий, обмана. Те же механизмы лежат в основе формирования «Стокгольмского синдрома».

Группа риска. Виктимные качества потерпевших, которые привлекают организаторов ритуальных действий или деструктивных сект:

1) низкая самооценка, роль «грешника». В секте активизируется паническое ощущение беспомощности, ощущение «пешки». Но рядом всемогущий Лидер, Учитель, который защитит.

Лидеры сект нередко психически неуравновешенны и сами начинают верить в то, что пропагандируют, они действительно считают себя «Богом», «Мессией», «Гуру» или просветленным Учителем [4, с. 68–69].

Власть лидера абсолютна. Каждый человек в секте запрограммирован останавливать все «негативные» мысли о лидере, доктрине или организации. Процесс остановки мыслей запускается всякий раз, когда член секты считает, что кто-то ставит под сомнение общественную значимость его группы и групповой миссии, критикует группу или подвергает сомнению;

2) активируется чувство вины, для этого применяются систематические исповеди; полученная информация используется для дальнейшей активизации чувства вины;

3) страхи, фобии, которые активируются:

а) самая распространенная – ожидание «конца света». Этот страх систематически поддерживается «мессией», он же и отодвигает им ранее «установленные» даты. Заполняются хранилища на случай конца света, все члены секты считают себя «армией Господа»;

б) прививается фобическая реакция на мысль о выходе из секты. Данные фобии связаны с одной из основных, базовых потребностей человека – потребности в безопасности. Фобии лишают свободы выбора. Принадлежность к секте дает иллюзию защищенности;

4) повышенная внушаемость;

5) аддиктивность (склонность к зависимому поведению);

6) слабый тип нервной системы;

7) несовершеннолетний возраст (когда сознание еще не полностью сформировано) или пожилой возраст (когда нарушаются функции сознания);

8) низкий уровень образования и культуры, который влечет снижение способности к критическому восприятию информации.

Вербовщик получает как можно больше информации о вербуемом с целью узнать, на какие «кнопки» нажать, чтобы затянуть человека в секту. Хороший вербовщик умеет «задеть за больное» и эффективно воздействовать на человека через его слабые места. Слабым местом могут быть проблемы с любимым, родителями, членами семьи, в школе, в университете, на работе, смерть родного или близкого человека, переезд в другой город.

Первый этап воздействия: при первых контактах «насадить на крючок» через «бомбардировку любовью» – окружить заботой, добротой, показать светящиеся счастливые лица, использовать поглаживание, объятия, улыбки. Вначале после вступления в деструктивную секту человек, как правило, переживает состояние эйфории – фазы «медового месяца», на которой окружают заботой и вниманием.

Второй обязательный момент: *изоляция, чтобы вырвать жертву из привычного окружения, дезориентация во времени и пространстве.*

Один из методов – ограничение доступа к другим источникам информации. Нужно лишь несколько минут полной изоляции, чтобы возникло беспокойство, лишь несколько часов, чтобы появились галлюцинации.

Если новичок пришел на собрание не один, а с другом, то первым признаком присутствия их в деструктивной секте, является то, что их постараются под любым предлогом посадить отдельно друг от друга. Обычно это делается незаметно: один из членов деструктивной секты вступает в беседу с одним, а другой в это время вступает в общение с другим [4, с. 48 – 50].

Третий этап воздействия: *задача отключить сознание, активировать бессознательное.* Когда призывают «отключить» ум, человек уже находится в опасности. Для этого применяются следующие техники:

1) прыжки, хороводы, вращения, ритмичные движения, хлопки руками в течение определенного времени;

2) ритмичные песнопения, мантры, молитвы (минимальное число прочтений – 7-8, оптимальное для воздействия от 12 раз), лингвистическое программирование, медитативная музыка с монотонно усыпляющей мелодией, при этом происходит подмена понятий и перевод на другую лексику;

3) возможно применение психотропных веществ, алкоголя, галлюциногенов, слабых наркотиков, вызывающих расслабление и затуманивание сознания;

4) лишение нормального сна, программы лишения сна (например, встреча с наставником в 3 часа). Лишение или ограничение сна ведет к снижению когнитивных функций личности, ухудшается процесс структурирования, понимания информации, «когнитивные искажения» – ошибки восприятия и мышления, происходит падение самооценки [1, с. 19 – 21];

5) резко изменяется режим приема пищи и рацион питания, вводится режим неполноценного несбалансированного питания. Особая диета – вегетарианство, отказ от сахара и соли; голодание; посты; либо строгое вегетарианство при избыточном потреблении сахара, создающего у членов секты ощущение «подъема». Само по себе голодание или пост могут не представлять опасности, например, христианский пост или лечебное голодание – разгрузочно-диетическая терапия [5], которая направлена на позитивные изменения в сознании или состоянии здоровья. Важно, что в этом состоянии человек в большей степени открыт для внушающего воздействия, находится в состоянии большей уязвимости, незащищенности от манипулятивного воздействия.

- 6) создание состояния хронической усталости от непосильной работы;
- 7) усиление навязчивых страхов – по поводу близкого конца света;
- 8) изоляция от внешнего мира, запрет на общение с семьей, просмотр телевизора, запрет на получение информации извне, то есть контроль и ограничение поступающей информации;
- 9) контроль мыслей, эмоций, поведения;
- 10) строгий режим, моления (до 65 часов в неделю);
- 11) изменение ориентации во времени. Например, навязывается новое летоисчисление, где начальной точкой является дата зачатия или рождения Мессии, Учителя.

12) фрустрация, ограничение в удовлетворении основных, базовых потребностей человека – в сне, питании, половая потребность, потребность в уважении («греховность» снижает самооценку и внушает «вину») либо замещение потребностей: потребность в принадлежности к группе – своей семье заменяется на потребность в принадлежности к другой «семье» – общине.

Формирование «Я – концепции» происходит в ходе социализации, когда ребенок учится гармонично взаимодействовать с другими людьми, учится определять свои истинные цели и не идти на поводу у «манипуляторов». Целью воздействия в деструктивной секте является отказ от собственного «Я», своей системы ценностных ориентаций, приоритетов, целей и своего жизненного пути. «Я» полностью подчинено «МЫ» или лидеру (Гуру, Мессии, Учителю). Происходит приобретение групповых стереотипов мышления с потерей самоидентификации и формированием зависимости.

Дети родителей, вступивших в деструктивную секту, часто воспитываются «коммуной» и им только изредка разрешают видаться с родителями. Детей учат хранить верность и преданность лидеру секты или группе, а не родителям. Иногда они не получают образования. Так же, как и их родителям, им внушают, что мир за стенами группы враждебен. В некоторых группах провинившихся детей подвергают телесным наказаниям и запугиванию.

Обстановка и средства, которые используются: 1) за городом, отрыв от семьи; 2) «магический круг»; 3) пламя костра, пламя факелов.

После снятия контроля сознания – перепрограммирование:

- 1) внедрение бредовых идей (например, сделать из людей бесполой ангелов путем ампутации половых органов);

2) подмена понятий (любовь ↔ групповой секс; семья ↔ секта, коммуна);

3) неправильное восприятие мира – измененная система ценностных ориентаций;

4) смена имени;

5) другая лексика, на которой легко общаться с сектантами, но трудно с друзьями и родными;

6) приемы нейролингвистического программирования.

Осуществляется изменение половой роли и правил полового поведения: стать бесполом ангелом, отказ от половой жизни («невесты Христа») или наоборот, отказ от ограничений и запретов. В некоторых сектах интимные отношения членов группы регламентируются лично Учителем. В сектах скопцов и хлыстов реализовывалась бредовая идея о том, что человек должен быть подобен ангелу и стать бесполом существом, поэтому удалялись половые органы.

Самоистязание – это насаждение и культивирование садомазохизма. Унизительные поручения руководителей секты воспринимаются как вид «мученичества» (например, сбор пожертвований).

Для стратегий манипулятивного психологического воздействия в деструктивных сектах и новых религиозных учениях характерна нацеленность на формирование виктимных качеств, социально-дезадаптирующих индивида; служащие самоуничтожению и самодискредитации личности; навязывающие заведомо негативную самооценку; формирующие нефокусированное и необоснованное чувство вины и психологическую зависимость перед лидером секты, установку к отказу от нормального полового функционирования, установку на позитивное эмоциональное состояние при любых личных контактах, что обеспечивает социально-благоприятный имидж членов секты; некоторые установки способствуют возникновению выученной беспомощности индивида.

Происходит психологическое перепрограммирование человека, реформирование его сознания и рождение новой личности. Для этого используются такие основные приемы, как контроль поведения, мыслей, эмоций и поступающей информации [4, с. 37 – 39].

В заключении экспертов по делу о сектантах-пятидесятниках, при ответе на вопрос, как отразилось на детях участие в деятельности секты и соблюдение ими религиозных обрядов, было отмечено следующее: «Обследовано 30 детей сектантов. Они резко отстают от своих сверстников в физическом и психическом развитии. Обнаруживают эмоциональную неустойчивость (замкнутость, плаксивость, пугливость), узкий кругозор, примитивность суждений. Не посещают кино, театров, культурных и спортивных мероприятий. На молениях испытывают страх. Исполнение обрядов, сопровождаемых плачем, криками и трясками верующих, глубоко расстраивает легко ранимую нервную систему ребенка, длительное пребывание в этой обстановке приводит к психическому истощению детей. Сектанты воспитывают своих детей в духе религиозного фанатизма, в постоянном страхе, о чем свидетельствует и содержание таких гимнов, как «День великий, страшный близко», «Расстанутся дети и родители». Участие несовершеннолетних в сборищах и молениях, соблюдение ими обрядов этой секты пагубно влияет на физическое и психическое развитие

детей, приводит к ограничению их кругозора, задержке в развитии интеллекта и уродливому формированию личности» [2].

Четвертый этап: удержание в секте. Члены секты поддерживают деструктивные действия руководителей, совершающих действия, которые идут вразрез с нравственными нормами, поскольку:

1) в секте поощряется слежка за другими участниками: объединение по парам по системе «приятельства» для наблюдения и контроля; доноительство лидеру об отклоняющихся от культовых доктрин мыслях, чувствах и действиях;

2) влияет групповой конформизм;

3) материальная зависимость от секты, когда отдают секте все имущество, возникает безысходность;

4) оказывается внушающее воздействие: если уйдешь, с тобой случится беда.

Последствия пребывания в сектах. Привитые в секте фобии, которые находятся в подсознании в виде фиксированных установок, могут стать «бомбами замедленного действия». Человеку, который в секте был отрезан от общества, очень трудно вернуться к обычной жизни. Поэтому некоторые снова возвращаются в секты в поисках безопасности. Обычно это очень ранимые люди, которые в отсутствие психологического контроля секты ощущают себя брошенными.

Люди, страдающие фобиями, как и остальные жертвы деструктивных сект, панически боятся встречи с «внешним миром». Им кажется, что жизнь кончена и, чтобы избавиться от страданий, они думают о самоубийстве. В некоторых оккультных сектах в подсознание людей вводят «программу самоуничтожения», которая должна сработать, если они покинут секту. После выхода из секты такие люди абсолютно убеждены, что их духовное тело распалось, и они постепенно умирают. В первые месяцы после выхода из секты бывшие последователи страдают тяжелыми формами депрессии и видят жизнь в черном свете. Они трактуют все события только негативно. В секте наносится психическая травма, а затем сектанты переживают «посттравматический стресс».

Бывшие члены сект крайне зависимы от чужого мнения. Они утратили самостоятельность мышления (свое «Я»), у них нет собственного мнения, они ждут руководства. В секте за них думал лидер, а они были послушными исполнителями чужой воли, усмиряли гордыню, отказывались от собственного «Я», не имели своего мнения. В секте формируется полная зависимость от лидера и заниженная самооценка, человек утрачивает способность самостоятельно принимать решения. Многих бывших членов сект мучают ночные кошмары. Они стыдятся того, что в секте занимались мошенничеством, проституцией и продажей наркотиков.

Полной реабилитации в случае выхода из тоталитарной секты достигают не более 5 % бывших адептов. И это притом, что реально способен покинуть секту только 1 человек из 10. В результате проведенных исследований установлено, что вовлечение молодых людей в асоциальные религиозные группы приводит к разрушению семейных отношений, тормозит их психическое и социальное развитие, деформирует структуру лично-

сти, восстановление которой требует специальной психологической и социальной коррекции [3, с. 113, 114].

«Перепрограммирование» нередко приводит к нарушению целостности психики, развитию психических расстройств. «Живые боги» и «пророки» страдают психическими отклонениями и искренне верят в реальность собственных видений и галлюцинаций [4, с.14]. Религиозно-архаический бредовой комплекс отражает искаженные болезненным процессом религиозно-мистические переживания и включает религиозный (бред мистический, мессианства, реформаторства, греховности) и архаический (бред колдовства, одержимости) компоненты [6]. На основе бредовых идей строятся ритуалы. Возможны такие психические расстройства, как шизофрения, гомицидомания и парафилии (некрофилия, некрофагия, педофилия).

Категория «религиозное помешательство» (*paranoia religiosa*) рассмотрена В. П. Сербским в 1906 году. Синдром включал зрительные и слуховые галлюцинации религиозного содержания и религиозный бред о божественном призвании. Мужчины чаще отождествляли себя с пророками, женщины – с Христовыми невестами, поведение соответствовало фабуле бреда [7].

Список литературы

1. **Караяни А. Г., Караяни Ю. М.** «Не спать нельзя победить»: о роли сна в достижении победы и поражения в современном бою // *Юридическая психология*. 2015. № 4. С. 18 – 22.
2. **Коченов М. М.** Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977. 57 с.
3. **Лавров А. Н.** Тоталитарные секты и угроза информационно-психологической безопасности личности // *Вестник психотерапии*. 2005. № 13. С. 113 – 114.
4. **Лири Т., Стюарт М.** Технологии изменения сознания в деструктивных культах / Под ред. И. Митрофановой; пер. с англ. «Janusbooks». СПб.: Экслибрис, 2002. 224 с. URL: <http://www.leary.ru/books/cult/> (дата обращения: 25.01.2018).
5. **Матвеев А. Д.** Голодание как стрессовая ситуация и метод интенсивной терапии: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Саратов, 1993. 22 с.
6. **Пашковский В. Э.** Религиозно-архаический бредовой комплекс (психопатология, нозологическая принадлежность, терапевтическая динамика): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 2011. 21 с.
7. **Сербский В. П.** Руководство к изучению душевных болезней. М.: Студ. мед. изд. комис. им. Н.И. Пирогова, 1906.

References

1. **Karayani A.G., Karayani Yu. M.** ["You can not sleep, you can not win": the role of sleep in achieving victory and defeat in modern battle], *Yuridicheskaya psichologiya* [Legal psychology], 2015, no. 4, p. 18-22. (In Russ.)
2. **Kochenov M.M.** *Sudebno-psihologicheskaya ehkspertiza* [Forensic Psychological Expertise], Moscow, 1977, 57 p. (In Russ.)
3. **Lavrov A.N.** [Totalitarian sects and the threat of information-psychological security of the individual], *Vestnik psihoterapii* [Herald of psychotherapy], 2005, no. 13, p. 113-114. (In Russ.)

4. **Liri T., Styuart M.** *Tekhnologii izmeneniya soznaniya v destruktivnykh kul'tah* [Technologies for changing consciousness in destructive cults], St. Petersburg: EHksli-bris, 2002, 224 p. URL: <http://www.leary.ru/books/cult/> (accessed 25 January 2018). (In Russ.)
5. **Matveev A.D.** *Extended abstract of candidate's of Medical thesis*, Saratov, 1993. 22 p. (In Russ.)
6. **Pashkovskij V.E.** *Extended abstract of Doctor's of Medical thesis*, St. Petersburg, 2011. 21 p. (In Russ.)
7. **Serbskij V.P.** *Rukovodstvo k izucheniyu dushevnykh boleznej* [A Guide to the Study of Mental Illnesses], Moscow: Stud. med. izd. komis. im. N.I. Pirogova, 1906. (In Russ.)

THE RIGHT TO FREEDOM OF RELIGION AND DESTRUCTIVE RELIGIOUS GROUPS

E.V. Ilyuk, *Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Criminal Law, Second Faculty
of Advanced Training (Yekaterinburg),
Institute of Advanced Studies of Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation;
Elena.ilyuk@mail.ru*

Freedom of religion is limited by the prohibition of committing criminal acts against members of a religious organization or other citizens. Destructive cults in Russia continue their activities, and criminal cases against the acts of their organizers and members are instituted annually. The article describes victim qualities that increase the risk of being involved in a destructive religious group, and a well-developed methodology of involvement. In the beginning, the "bombardment with love" takes place, then the subconscious is activated and consciousness is suppressed, the "I" of the person is suppressed, then the "reprogramming" of consciousness is carried out on the model of the "Teacher".

Keywords: destructive cults; religious insanity; freedom of conscience; mind control.

© Е. В. Илюк, 2018

Статья поступила в редакцию 04.04.2018

Рассмотрена проблема неконтролируемых миграционных процессов в современной России, приводящих к проблемам с обеспечением национальной безопасности. Показана важность и необходимость внешней миграции для стабильного экономического и демографического развития России. Легальная трудовая миграция оказывает положительное влияние на экономическое развитие России, компенсируя, прежде всего, нехватку собственных трудовых ресурсов. Кроме того, мигранты заполняют многие непрестижные ниши на рынке труда. Однако присутствие большого количества нелегальных мигрантов на рынке труда свидетельствует о несовершенстве функционирующей системы управления миграционными процессами. Проанализировано влияние неконтролируемой миграции на состояние общественной и экономической безопасности России. Отмечена важность сохранения управляемости миграционных процессов, поскольку неконтролируемый приток мигрантов может стать причиной роста этнической преступности, социальных и конфессиональных конфликтов. Миграционная политика России должна решать не только задачи обеспечения экономического и демографического роста страны, но и задачи обеспечения экономической и общественной безопасности.

Ключевые слова: мигранты; неконтролируемая миграция; незаконная миграция; миграционная политика; национальная безопасность России.

Эльвира Александровна Мамонтова, канд. ист. наук, доцент,
кафедра «Безопасность и правопорядок»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
mamontova-e@rambler.ru

НЕКОНТРОЛИРУЕМАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Миграционные процессы являются значимым фактором социально-экономического и демографического развития современной России. В 1992 году в России началась депопуляция, и в следующие 20 лет миграция стала единственным фактором, сдержавшим резкое сокращение численности населения страны и скомпенсировавшим более половины естественной убыли населения (на основе Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г., п. 6). По оценке Росстата население России на 1 января 2017 г. составило 146,8 млн человек. В 2016 году число жителей России возросло на 267,3 тыс. чел. (в 2015 г. – на 277,4 тыс. чел). Увеличение численности населения в 2016 г. сложилось за счет естественного и миграционного приростов, причем миграционный составил 98 % от общего прироста населения (в 2015 г. – 88,3 %). По прогнозу Росстата в 2018–2030 гг. ожидается снижение численности женщин репродуктивного возраста¹.

¹ По данным Федеральной службы государственной статистики http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

Надо полагать, что в условиях ожидающегося в ближайший период снижения рождаемости и естественной убыли населения России, компенсирующая роль миграции в демографическом развитии России возрастет еще больше, о чем свидетельствует рост показателей прибывших на постоянное место жительства (оформивших вид на жительство или получивших гражданство РФ). Так, только в 2017 г. в Россию на постоянное место жительства прибыло из других стран 442,6 тыс. чел. (в 2016 г. – 449,9 тыс. чел.).² Это позволяет сохранить положительную динамику прироста населения страны, несмотря на снижение рождаемости. В дальнейшем, в соответствии с Концепцией демографической политики РФ на период до 2025 года, для компенсации убыли трудовых ресурсов и стабильного прироста населения России необходимо будет обеспечивать миграционный прирост более 300 тысяч человек ежегодно.

При этом очень важно сохранить управляемость миграционных процессов. Масштабный неконтролируемый приток мигрантов может стать (как это происходит сейчас в странах ЕС) причиной роста этнической и экстремистской преступности, этносоциальных конфликтов. Поэтому миграционная политика РФ должна решать не только задачи демографического роста страны и обеспечения экономики трудовыми ресурсами, но и задачи обеспечения экономической и общественной безопасности страны.

В Стратегии национальной безопасности РФ отмечается, что неконтролируемая и незаконная миграция стала одной из форм транснациональной организованной преступности наряду с наркоторговлей и торговлей людьми и представляет угрозу для государственной и общественной безопасности. В сфере экономики незаконная миграция является одной из причин сохранения значительной доли теневой экономики, коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений.

Незаконное пребывание на территории России иностранных граждан может способствовать вовлечению их в криминальную деятельность, как в сфере экономики, так и сфере общественной безопасности (угроза жизни и здоровью граждан страны, благосостоянию физических и юридических лиц, преступная деятельность экстремистского и террористического характера). Неконтролируемые миграционные процессы зачастую приводят к появлению преступных группировок, организованных по этническому признаку.

По официальной статистике, в России действует более 450 преступных группировок, организованных по этническому признаку. Удельный вес преступлений иностранных граждан составил в 2013 г. 12 % от общего числа раскрытых³. За последние годы количество преступлений, совершенных на территории России иностранными гражданами, снизилось незначительно. Так, если за 2013 г. было раскрыто около 47 тыс. преступлений, совершенных иностранными гражданами (из них гражданами стран

² Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в РФ за январь-декабрь 2017 года <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186/>

³ Этнический фактор. Статья в газете МВД РФ «ЩИТ и МЕЧ» от 08.08.2013: Электронный ресурс <http://ormvd.ru/pubs/100/15826/>

СНГ – 40,3 тыс.), то за 2017 г. – более 41 тыс. преступлений (из них гражданами стран СНГ – более 36,2 тыс.)⁴.

Незаконные мигранты, потеряв работу и оставшись без средств к существованию, часто совершают тяжкие и средней тяжести преступления: кражи, грабежи, разбойные нападения. Кроме того, распространенными видами преступной деятельности среди них являются незаконный оборот наркотиков, изготовление или сбыт поддельных документов, мошенничество.

Легальная трудовая миграция положительно сказывается на экономическом развитии России, поскольку компенсирует нехватку трудовых ресурсов. Кроме того, легальные мигранты часто занимают те рабочие места, которые не пользуются спросом у местного населения из-за низкого уровня оплаты или тяжелых условий труда. Тем не менее, большинство мигрантов продолжает трудиться нелегально. Нелегальная трудовая миграция является преимущественно следствием экономических интересов недобросовестных работодателей, мотивированных дешевизной и социальной незащищенностью привлекаемой рабочей силы. Нелегальная трудовая миграция оказывает негативное влияние на рынок труда, способствуя общему снижению уровня оплаты труда в занятых мигрантами секторах экономики и снижению трудовой занятости населения страны. Выгодоприобретателями от такой миграции становятся коррумпированные чиновники и недобросовестные работодатели, а не экономика и общество.

Незаконная миграция наносит ущерб не только экономической и общественной безопасности РФ. Нелегальные трудовые мигранты не проходят медицинское обследование, результатом чего может стать распространение эпидемических заболеваний: малярии, брюшного тифа, дизентерии и других опасных заболеваний.

В целях противодействия угрозам экономической безопасности Стратегия национальной безопасности РФ предусматривает совершенствование миграционного учета, обеспечение баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов, обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах [1].

Для обеспечения национальной безопасности РФ необходимо введение более жестких технических и процедурных мер по упорядочению миграционных потоков: укрепление участков госграницы, наиболее привлекательных для нелегалов; усиление миграционного контроля на железнодорожном транспорте; усиление санкций за незаконное использование труда мигрантов предпринимателями; ужесточение наказания «посредников» за оформление фальшивых документов мигрантам.

Список литературы

1. **Стратегия** национальной безопасности РФ: утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, пункт 62 // СЗ РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.

⁴ По данным: Портал правовой статистики генпрокуратуры РФ http://crimestat.ru/offenses_map.

References

1. [The Strategy of the National Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683, item 62], *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 04 January 2016, no. 1 (Part II), article 212. (In Russ.)

UNCONTROLLED MIGRATION IN RUSSIA AND PROBLEMS OF PROVIDING NATIONAL SECURITY

E. A. Mamontova, *Candidate of Science (History), Associate Professor,
Department of Security and Law and Order,
Tambov State Technical University;
mamontova-e@rambler.ru*

The article deals with the problem of uncontrolled migration processes in modern Russia, leading to problems with ensuring national security. The importance and necessity of external migration for stable economic and demographic development of Russia is shown. Legal labor migration has a positive impact on Russia's economic development, primarily compensating for the shortage of its own labor resources. In addition, migrants fill many non-prestigious niches in the job market. However, the presence of a large number of illegal migrants in the labor market testifies to the imperfection of the system of control over migration processes. The article analyzes the impact of uncontrolled migration on the state of public and economic security in Russia. The importance of maintaining the controllability of migration processes is underlined, since an uncontrolled influx of migrants can lead to the growth of ethnic criminality, social and confessional conflicts. The migration policy of Russia should solve not only the tasks of ensuring the economic and demographic growth of the country, but also the task of ensuring economic and public security.

Keywords: migrants; uncontrolled migration; illegal migration; migration policy; national security.

© Э. А. Мамонтова, 2018

Статья поступила в редакцию 01.05.2018

Выдвигается и исследуется концепция максимально-допустимых нагрузок на природу, которая в конце 1980-х и начале 1990-х гг. привела к выработке понятия «устойчивое развитие». Авторами статьи достаточно обобщенно раскрывается содержание современных научных подходов к исследованию проблемы устойчивого развития. В результате следует, что оценка устойчивости развития проводится на основе множества индексов и индикаторов, отображающих различные аспекты социально-экономического, социально-правового и экологического положения в странах мира. Это приводит к неоднозначности получаемых результатов от прилагаемых усилий, что объясняется чрезвычайной сложностью системы «экономика – экология – общество – право». Таким образом, сбалансирование основных составляющих устойчивого развития представляет в современности сложную научную проблему.

Ключевые слова: пороговый уровень; теория управления; устойчивое развитие; природо-промышленные системы; экосправедливость.

Николай Сергеевич Попов, д-р техн. наук, профессор,
кафедра «Природопользование и защита окружающей среды»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
eco@nnn.tstu.ru

Ольга Викторовна Пещерова, ассистент,
кафедра «Природопользование и защита окружающей среды»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
eco@nnn.tstu.ru

Алина Эдуардовна Стрельникова, экономист,
ООО «Известняк»;
eco@nnn.tstu.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА И ПАРАМЕТРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ, ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА КАК СЛОЖНОЙ СИСТЕМЫ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

С позиций теории управления большими системами стремительный рост численности населения на Земле представляет собой мощный внутрибиосферный динамический процесс, активно воздействующий не только на состояние внешних к нему экосистем, но и на внутренние параметры социальных структур. Следствием данного неконтролируемого процесса стало появление новых угроз безопасности современного мира не только в контексте военно-политических проблем, но и эколого-экономических. Поскольку расчетная траектория развития цивилизации в научном плане не определена, то реальная чаще всего приводит человечество к разного рода биосферным катастрофам (войнам, опустыниванию земель, климатическим сдвигам) и значительно реже к достижению метастабильных состояний, характеризуемым всеобщим процветанием, сохранностью биоразнообразия, равноправными экономическими отношениями между странами, отсутствием качественных изменений природной среды и т.д.

Именно «равновесные состояния» на траектории движения цивилизационной системы представляют особый интерес, поскольку отражают устойчивые (в некотором смысле) положения в биосфере, не угрожающие жизни человечества, но они долго не сохраняются из-за влияния постоянно действующих внешних факторов.

На сегодня критерием выбора «наилучшей» траектории роста цивилизации во времени служит уровень благосостояния людей, ради повышения которого часто приходится игнорировать экологические последствия, а в лучшем случае – соизмерять нагрузки на биосферу в соответствии с ее поддерживающей (пропускной) способностью. Иначе говоря, приходится идти на уступки, компромиссы и самоограничения в использовании невозобновляемых природных ресурсов, токсичных материалов, «грязных» технологий и т.п.

Концепция максимально-допустимых нагрузок давно используется биологами, однако редко принимается в расчет экономистами. Она рассматривает взаимодействия численности населения, его хозяйственной деятельности и природной среды, придавая особое значение «пороговым» уровням. Рост численности потребителей продукции биосистем, превышающий предельный уровень, ведет к их разрушению или деградации: необратимому сокращению численности популяций, потерям плодородия почв, нарушению естественной циркуляции веществ в биосфере, климатическим переменам, утратам биоразнообразия.

В подобных ситуациях характер поведения процессов взаимодействия экологических систем с социально-экономическими приводит к различным вариантам нестабильности: затухающим и незатухающим во времени колебаниям, скачкообразному переходу систем из одного состояния в другое, «экологическим катастрофам» (бурному цветению водорослей, размножению грызунов и других биологических видов).

Внимание к проблеме устойчивости эколого-экономических процессов проявлено со стороны ООН в начале 1970-х гг. Позже, в конце 1980-х и начале 1990-х гг., появилось принципиально важное понятие «устойчивое развитие», согласно которому страны мира с различным по уровню экономическим потенциалом должны выходить на собственные траектории роста благосостояния граждан, сохраняя при этом свои природные богатства. Появилась новая этическая норма, именуемая экосправедливостью.

Проблемой устойчивого развития с начала 1990-х гг. занимаются различные научные школы с акцентом на те ее стороны, которые их интересуют в наибольшей степени [5]. Как следует из табл. 1, нет единого мнения о том, каким образом оценивать устойчивость эколого-экономических взаимодействий, поскольку понятие «устойчивое развитие» первоначально не было сформулировано математически корректно, а записано в документах ООН как «такое развитие, при котором удовлетворяются потребности настоящего времени, но не ставится под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности».

По этой причине в настоящее время оценка устойчивости развития проводится на основе множества индексов и индикаторов, отображающих различные аспекты социально-экономического и экологического положения

Таблица 1

**Основные научные подходы к исследованию
проблемы устойчивого развития**

Название теории	На чем базируется теория
1	2
Неоклассическая	Недопущении снижения благосостояния (антропоцентризме); устойчивости развития посредством новых технологий и замещений; оптимизации экстернальных издержек окружающей среды; сохранности совокупных запасов природного и экономического капитала; преобладании индивидуальных целей над социальными; необходимости проявлять благоразумие при конфликтах индивидуальных целей; ориентации на долговременную политику, основанную на рыночных решениях
Неоавстрийская (временная)	Телеологическом учении о последовательной во времени, сознательной и целенаправленной адаптации; предупреждении необратимых последствий; сохранности организационной структуры экономики (негаэнтروпии); динамической оптимизации процесса добычи, производства, потребления, рециркуляции и переработки отходов
Эколого-эволюционная	Сохранности свойства самовосстановления природных систем, допускающих флуктуации и циклы (регулярные деструкции); получении знаний о неопределенности в природных процессах; отсутствии в пищевых цепях господства человека; поощрении генетического / биологического / экосистемного разнообразия; сбалансированности потоков питательных веществ в экосистемах
Эволюционно-экологическая	Поддержании коэволюционной адаптивной способности за счет знаний и технологий при контактах с неопределенностями; поощрении экономического разнообразия агентов, секторов и технологий
Физико-экономическая	Ограничении материально-энергетических потоков, вовлекаемых в экономику и выходящих из нее; промышленном метаболизме, в структуре которого заложена материально-продуктовая цепочка: интегральная переработка отходов, сокращение негативного воздействия отходов, рециркуляция и увеличение продукта
Био-физико-энергетическая	Равновесии при минимальной пропускной способности вещества и энергии; сохранности физических и биологических ресурсов и биоразнообразия; использовании энергосистем с минимальным эффектом загрязнения
Системно-экологическая	Контроле прямых и косвенных воздействий человека на экосистемы; балансе материальных входных и выходных потоков в общественных (людских) системах; минимизации стрессовых факторов локального и глобального масштаба, воздействующих на экосистемы

1	2
Эколого-инженерная	Интеграции общественной пользы и качества окружающей среды посредством управления экосистемами; проектировании и улучшении инженерных решений в пограничной области экономики, технологии и экосистем; использовании свойств упругости, самоорганизации, саморегуляции и полезных для человека функций природных систем
Экология человека с позиций теории устойчивости	Сохранении пределов пропускной способности (логистического роста); ограничении размеров экономики и народонаселения; потреблении ресурсов исключительно на базовые нужды; скромном позиционировании в пищевой цепи экосистемы и биосферы; учете множественности пространственно-временных воздействий общества на природу
Социо-биологическая	Оказании поддержки социокультурных взаимодействий с экосистемами; внимании вопросам природы, интегрированным в культуру; важности задач группового выживания
Историко-институциональная	Равноправии интересов природы, секторов экономики и будущих поколений; интеграции институциональных решений по экономической и экологической политике; создании институциональной долговременной политики защиты интересов природы; целостности принимаемых решений вместо частных, основанных на иерархии ценностей
Этико-утопическая	Новых личных ценностях систем (заботе о природе и будущих поколениях, удовлетворении насущных потребностей) и новых социальных целях (устойчивом состоянии); балансе отношений между эффективностью, распределением и масштабом; стремлении к малой активности и контролю побочных результатов («малое является красивым»); долговременной политике, предусматривающей смену ценностей и поощрение граждан (альтруизм) в противовес индивидуализму (эгоистическому поведению)

в странах мира по факту достигнутого прогресса. А динамика развития изучается по статистической отчетности за интересующий период времени. Недостаток такого подхода связан с неоднозначностью получаемых результатов от прилагаемых усилий (управляющих воздействий), что объясняется чрезвычайной сложностью системы «экономика – экология – общество» и неразвитостью теории и методов оценки ее устойчивости.

В 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила документ «Преобразование нашего мира. Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.», в котором заявлено 17 целей и 169 задач, направленных на сбалансирование основных составляющих устойчивого развития, так как цели экономического, экологического и социального развития содержат между собой серьезные противоречия и их одновременное дос-

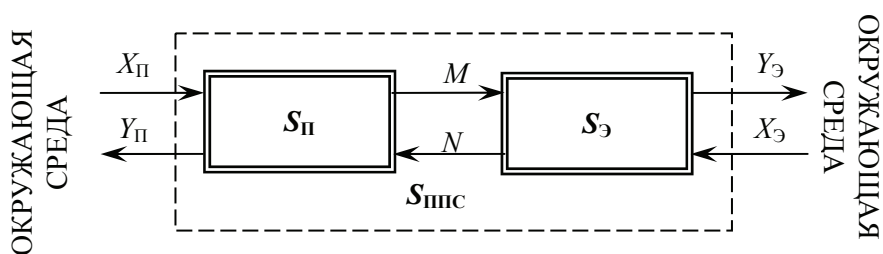

Рис. 1. Структурная схема ППС

тижение представляет сложную научную проблему. Ее решение должно быть основано на использовании методов системного анализа, математического моделирования и управления природо-промышленными системами (ППС) [1].

Природо-промышленные системы представляют собой множество объектов отраслей промышленного производства S_{Π} и природной среды $S_{\mathcal{E}}$, образующих единую технико-экономическую и экологическую структуру рассматриваемого региона, упорядоченно взаимодействующих друг с другом в процессах обмена информацией, потребления материально-энергетических ресурсов и переработки отходов. Природо-промышленные системы относятся к классу термодинамически открытых макросистем с иерархической структурой соединения элементов, детерминировано-стохастической природой процессов, нелинейным характером их поведения и запаздыванием сигналов в каналах связи.

На рисунке 1 показана схема эколого-экономических взаимодействий промышленной S_{Π} и экологической $S_{\mathcal{E}}$ подсистем. Связующие переменные M и N формально выражают уровень экономической активности в S_{Π} и качество природной среды в $S_{\mathcal{E}}$. А взаимодействие подсистем представимо в форме

$$\dot{M} = F(M, N, X_{\Pi}, Y_{\Pi}); \quad \dot{N} = G(M, N, X_{\mathcal{E}}, Y_{\mathcal{E}}),$$

где $\dot{M}$ и $\dot{N}$ – производные по времени; X_{Π} , $X_{\mathcal{E}}$ и Y_{Π} , $Y_{\mathcal{E}}$ – внешние входные и выходные воздействия, а F и G – функциональные операторы, принимающие положительные или отрицательные значения.

Поскольку M и N находятся в прямой и обратной связях S_{Π} с $S_{\mathcal{E}}$, рост N будет «полезен» для S_{Π} , рост M «опасен» для $S_{\mathcal{E}}$. С позиции системы «хищник – жертва» поведение S_{Π} напоминает «хищника»; $S_{\mathcal{E}}$ – «жертву». Устойчивое функционирование конкретных ППС зависит от множества всех положительных и отрицательных обратных связей, свойственных данным системам.

Нестабильность поведения S_{Π} и $S_{\mathcal{E}}$ является основанием для формулирования «правила меры преобразования природных систем» [2] и трех принципов «менеджмента устойчивого развития» [4]. Принцип 1 свидетельствует о том, что «объем добычи возобновляемых ресурсов (ВР) в заданный период времени не должен превышать их естественного прироста в том же периоде времени». То есть устойчивое потребление ВР обеспечи-

вается при равных показателях объемов потребления и самовосстановления либо если темп потребления оказывается меньше темпа самовосстановления.

Использование невозобновляемых природных ресурсов в любом случае снижает объем их доступных фондов для будущих поколений людей. Поэтому принцип 2 утверждает: «невозобновляемые ресурсы можно разрабатывать в той мере, в какой их сокращение будет скомпенсировано (замещено) за счет антропогенного ресурса для других поколений людей».

Предполагая, что природная среда обладает определенным ассимиляционным потенциалом поглощения и переработки отходов, принцип 3 сформулирован так: «эмиссии должны быть всегда меньше уровня ассимиляционной способности природной среды».

Практическое использование принципов экологического менеджмента эффективно только в том случае, когда определены допустимые значения темпов потребления ресурсов, ассимиляционные потенциалы природных сред, возможности компенсационных замещений и многое другое. Для их расчета необходимы математические модели подсистем S_{Π} и S_{Σ} .

Оценка результативности принципа 3 в аспекте устойчивости эколого-экономических взаимодействий S_{Π} и S_{Σ} возможна, например, в соответствии со структурой ППС, показанной на рис. 2, где подсистема S_{Π} описывается линейной моделью, а S_{Σ} – нелинейной характеристикой типа «клапан». В качестве критерия устойчивости можно воспользоваться критерием абсолютной устойчивости [3], характеризующим асимптотическую устойчивость системы в целом, то есть относительно всего пространства ее состояний. Проверка устойчивости по данному критерию означает, что при любых отклонениях начальных данных от расчетных разность отклонений истинного процесса от расчетного должна убывать и стремиться к нулю при $t \rightarrow \infty$.

Рис. 2. Схема проверки ППС на устойчивость

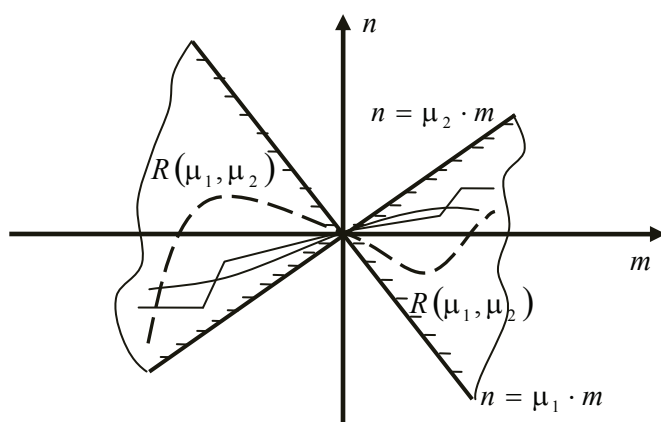

Рис. 3. Нелинейности класса R

Для природо-промышленных систем характерен вариант, когда нелинейная характеристика известна не полностью, а лежит в некотором заданном секторе (рис. 3). То есть неполное задание нелинейности, описывающей S_3 , означает задание некоторого класса нелинейностей R , свойственных S_3 .

Нелинейность типа «клапан» соответствует ситуации, когда концентрационная нагрузка на природу до порогового значения z_0 не приводит к серьезным потерям в S_3 , но свыше z_0 возникают существенные экономические ущербы, отражающиеся на экономических показателях S_{II} . В общем случае класс нелинейностей может представлять собой множество $R[\mu_1, \mu_2]$ всех кусочно-непрерывных функций, графики которых представлены на рис. 3.

Для данного класса нелинейностей применим круговой критерий абсолютной устойчивости ППС, в котором входы $n(t)$ и входы $m(t)$ удовлетворяют условиям

$$\mu_1 \leq \frac{n(t)}{m(t)} \leq \mu_2 \text{ при } m(t) \neq 0; \quad n(t) = 0 \text{ при } m(t) = 0. \quad (1)$$

Иначе говоря, точка $[n(t), m(t)]$ всегда находится в двухполостном секторе $R[\mu_1, \mu_2]$ между прямыми $n = \mu_1 m$ и $n = \mu_2 m$ на плоскости $\{n, m\}$, включая эти прямые. Критерий (1) также может быть расширен и на нелинейные нестационарные звенья

$$n(t) = \varphi[m(t), t],$$

где $\varphi(m, t)$ – функция, удовлетворяющая условию

$$\mu_1 \leq \frac{\varphi(m, t)}{m} \leq \mu_2 \text{ при } m \neq 0.$$

Для проверки $S_{ППС}$ на устойчивость в конкретной ситуации необходимо построить модель S_{II} и определить вид нелинейного описания S_3 .

Список литературы

1. Попов Н. С., Бьянко В., Лысенко И. О. Повышение энергоэффективности природо-промышленных систем: учеб. пособие. Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2014. 146 с.
2. Реймерс Н. Ф. Экология (теория, законы, правила, принципы и гипотезы). М.: Россия Молодая", 1994. 367 с.
3. Фельдбаум А. А., Бутковский А. Г. Методы теории автоматического управления. М.: Наука, 1971. 744 с.
4. Эндрес А., Квернер И. Экономика природных ресурсов: учеб. пособие. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 256 с.
5. Bergh Jeroen C.J.M. Van Den. Ecological Economics and Sustainable Development: Theory, Methods and Applications. Edward Elgar Publishing, Inc., 1996. 312 p.

References

1. Popov N.S., B'yanko V., Lysenko I.O. *Povyshenie energoeffektivnosti prirodno-promyshlennykh sistem* [Increase of energy efficiency of natural-industrial systems: Textbook. Allowance], Tambov: Izdatel'stvo Pershina R. V., 2014, 146 p. (In Russ.)
2. Reimers N.F. *Ekologiya (teoriya, zakony, pravila, printsipy i gipotezy)* [Ecology (theory, laws, rules, principles and hypotheses)], Moscow: Rossiya Molodaya, 1994, 367 p. (In Russ.)
3. Fel'dbaum A.A., Butkovskii A.G. *Metody teorii avtomaticheskogo upravleniya* [Methods of automatic control theory], Moscow: Nauka, 1971, 744 p. (In Russ.)
4. Endres A., Kverner I. *Ekonomika prirodnnykh resursov* [Economics of Natural Resources: Textbook. Allowance], St. Petersburg: Piter, 2004, 256 p. (In Russ.)
5. Bergh Jeroen C.J.M. Van Den. *Ecological Economics and Sustainable Development : Theory, Methods and Applications*, Edward Elgar Publishing, Inc., 1996, 312 p.

CHARACTERISTICS AND PARAMETERS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ECONOMICS, NATURE AND SOCIETY AS A COMPLEX SYSTEM: SOCIAL AND ECOLOGICAL PERSPECTIVE OF THE PROBLEM

N. S. Popov, Doctor of Technical Sciences, Professor,
Department of Environmental Management and Protection,
Tambov State Technical University;
eco@nnn.tstu.ru

O. V. Peshcherova, Assistant,
Department of Environmental Management and Protection,
Tambov State Technical University,
eco@nnn.tstu.ru

A. E. Strelnikova, Economist,
PLC Izvestnyak,
eco@nnn.tstu.ru

The paper considers the concept of maximum permissible loads on nature which in the late 1980s and early 1990s led to the formulation of the concept of "sustainable development". The authors sufficiently generalize the content of modern scientific

approaches to the study of the problem of sustainable development. As a result, it follows that the sustainability assessment is based on a variety of indices and indicators that reflect different aspects of the socio-economic, social, legal and environmental situation in the world. This leads to ambiguous results from the efforts made, which is explained by the extreme complexity of the system "economy – environment – society – law". Thus, the balance of the main components of sustainable development presents a complex scientific problem in our time.

Keywords: threshold level; theory of management; sustainable development; environmental and industrial systems; eco-equity.

© Н. С. Попов, 2018

© О. В. Пешерова, 2018

© А. Э. Стрельникова, 2018

Статья поступила в редакцию 20.11.2017

В июле 2018 года исполняется 20 лет с того момента, когда в истории Российского государства впервые был принят закон, кодифицировавший налоговое законодательство. В этой связи возникает множество вопросов, представляющих интерес для научного исследования, одним из которых является вопрос об этапах законотворческого процесса, протекавшего в связи с принятием данного закона. Можно утверждать, что Налоговый кодекс Российской Федерации – это нормативный правовой акт, принимавшийся в течение двух десятилетий. Самостоятельный интерес представляет вопрос о соотношении кодекса и законов Российской Федерации, которые подвергались кодификации. В результате можно резюмировать, что реформирование Налогового кодекса Российской Федерации будет осуществляться и в дальнейшем, но факт его формирования, вероятнее всего, можно считать состоявшимся.

Ключевые слова: Налоговый кодекс Российской Федерации; кодификация налогового законодательства; система налогов и сборов; фискальные платежи; налоги; сборы; страховые взносы.

Светлана Викторовна Рыбакова, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»; svrybakova@mail.ru

К 20-ЛЕТИЮ НАЛОГОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ *

В конце 1990-х годов в Российской Федерации была осуществлена кодификация налогового законодательства. Какие по этому поводу можно сделать комментарии?

Данная работа была поэтапной. В этом смысле налоговый кодекс сопоставим с гражданским кодексом, каждая часть которого принималась отдельно, с определенными промежутками во времени (от первой части до четвертой). Налоговый кодекс РФ (далее – НК РФ) состоит из двух частей. Датами принятия первой и второй частей являются соответственно 1998 и 2000 гг.

Появление части первой было результатом кодификации проблематики так называемой общей части налогового законодательства. Сюда вошли следующие общественные отношения: понятие налога и сбора, элементов юридического состава налога, принципы налогообложения, правила добровольного и принудительного исполнения налоговой обязанности, содержание правосубъектности участников налоговых отношений, материальные и процессуальные аспекты налогово-правового контроля и ответственности. Таким образом, часть первая НК РФ урегулировала такие группы общественных отношений, которые связаны не с объемом налогового бремени, а правилами установления и исполнения налоговой обязанности, а также с правилами осуществления налогового администрирования (термин «налоговое администрирование» в то время не применялся) и привлечения к налоговой ответственности.

* Статья выполнена при информационной поддержке СПС «Консультант Плюс».

С хронологической точки зрения принятие и вступление в силу части первой НК РФ [1] также имело определенный разрыв во времени: он был принят в июле 1998 года, а вступал в силу с 1 января 1999 г. [3]. Были и определенные исключения из данного правила. Так, введение в действие ст.ст. 12 – 15, 18 предполагалось с момента введения в действие части второй кодекса, что свидетельствовало о неопределенном разрыве во времени (ч. 1 ст. 3 названного закона). В то же время введение в действие абзаца второго п. 1 ст. 47 предполагалось с 1 января 2000 г. (то есть в связи с истечением конкретного промежутка времени) (ч. 2 ст. 3 названного закона).

Чем обусловлены подобные обстоятельства?

О каждом исключении необходимо говорить отдельно.

В случае с совокупностью ст.ст. 12 – 15, 18 речь идет о новой системе налогов и сборов, которую еще предстояло создать. На сегодняшний день можно констатировать, что на ее создание ушло почти 20 лет (о чем будет сказано далее). Что касается абзаца второго пункта первой статьи 47, то это частный случай применения норм нового налогового законодательства, корреспондирующий с положениями Федерального закона «Об исполнительном производстве».

В связи с введением в действие части первой НК РФ утратили силу следующие нормативные правовые акты:

– Закон Российской Федерации от 20 декабря 1991 года № 2071-1 «Об инвестиционном налоговом кредите» [5];

– Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [6].

Содержание обоих нормативных правовых актов было кодифицировано и стало частью вновь принятого кодифицированного закона. Однако, если говорить о первом законе, утратившем силу, то он регулировал достаточно узкую сферу общественных отношений (инвестиционный налоговый кредит – один из способов изменения срока по уплате налога), тогда как второй закон по своей сути представлял собой в определенном смысле Налоговый кодекс 1991 г. Это следует из названия данного закона, которое гласило о том, что он направлен на регламентацию основ налоговой системы. Именно данный закон послужил базой для осуществления налоговой кодификации. Если сравнивать текст Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и текст части первой НК РФ, то можно сделать вывод о том, что кодекс существенным образом расширил массив правовых норм, регулирующих налоговые отношения.

Закон 1991 года включал 26 статей (для сравнения закон 1998 года включал 142 статьи). По своей структуре, то есть по кругу регулируемых общественных отношений, они схожи, однако глубина и всесторонность регулирования различна. Сравним, например, статьи, дающие понятие фискальных платежей:

– под налогом, сбором, пошлиной и другим платежом понимается обязательный взнос в бюджет соответствующего уровня или во внебюд-

жетный фонд, осуществляемый плательщиками в порядке и на условиях, определяемых законодательными актами (ч. 1 ст. 2 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»);

– под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований;

– под сбором понимается обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий) (ст. 8 НК РФ).

Сравнительно-правовой анализ данных фрагментов нормативных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что в первом случае фискальные платежи не разграничиваются, и в определении указаны лишь такие признаки, как обязательный характер уплаты и назначение платежа – фискалитет. Кроме того, в приведенной формулировке отмечается необходимость соблюдения законодательства, устанавливающего данные платежи. Адресность при этом не определена (можно предположить, что это адресовано налогоплательщикам либо налогоплательщикам и налоговым органам).

Во втором случае закрепляются два определения соответствующих понятий – налога и сбора (позднее, из текста НК РФ очевидно, что пошлина – это разновидность сбора). Исходя из анализа данных понятий видны различия налога и сбора, а также их признаки. Так, в отношении налога можно выделить следующие признаки: форма (деньги), обязательный характер уплаты, индивидуально безвозмездный порядок уплаты, субъекты и объекты уплаты, назначение платежа.

В тексте Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» также закреплялась система налогов и сборов, права и обязанности участников налоговых правоотношений, ряд других вопросов. Отдельно следует отметить нормы об ответственности: вопросы квалификации, признаков правонарушения, порядка привлечения к ответственности были почти не урегулированы.

Существенным недостатком анализируемого закона можно считать наличие в нем статьи, посвященной распределению налоговых платежей между бюджетами бюджетной системы Российской Федерации, которая по своей сути закрепляла положение не налогового, а бюджетного права (ст. 9).

Несмотря на то что в связи с принятием НК РФ Закон Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» был признан утратившим силу, сохранили юридическую силу его отдельные положения (п. 2 ст. 18 и ст. ст. 19 – 21), закреплявшие систему налогов и сборов, которой предстоял длительный (почти 20-летний) период фор-

мирования (можно было употребить термин «реформирование», однако термин «формирование» представляется более точным).

Налоговый кодекс РФ представлен 7 разделами и 20 главами, которые содержатся и в действующей редакции НК РФ, но, как известно, существенно изменены – изменилось не только содержание правовых норм, но и их количество.

Интересна история части второй НК РФ [2]. Считается (и с формальной точки зрения это так), что вторая часть НК РФ появилась в 2000 г. Данная часть вступила в силу с 1 января 2001 г. Вторая часть по своей сути является особенной. Это означает, что она содержит разделы и главы, регламентирующие уплату отдельных налогов и сборов, а также специальные налоговые режимы. Налоги и сборы систематизированы по территориальному критерию.

Важно знать, что в первоначальной редакции закреплены только федеральные платежи (четыре платежа), при этом были представлены лишь некоторые из них: налог на доходы физических лиц, акцизы, налог на добавленную стоимость, единый социальный налог – взнос (последний налог перестал взиматься с 1 января 2010 г.).

В этом же году часть вторая НК РФ была дополнена новыми федеральными налогами, одним региональным налогом и одним специальным налоговым режимом (вступила в силу с 1 января 2002 г.): налог на прибыль организаций, налог на добычу полезных ископаемых, налог с продаж (последний действовал до 1 января 2004 года), система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог).

Интересна «судьба» двух приведенных выше налогов: единого социального налога и налога с продаж, которые «покидали» НК РФ в одном статусе (в 2004 и 2010 гг. соответственно) и «возвратились» в другом. Это тема отдельного исследования.

В 2002 году часть вторая НК РФ дополняется новым налогом – транспортным. Дата вступления в силу соответствующей главы неоднозначна (по мнению автора статьи – с 1 января 2003 г.).

Формирование части второй НК РФ осуществлялось вплоть до 1 января 2017 г. Так, с этой даты введена Глава 34 «Страховые взносы», а несколько ранее, с 1 января 2015 года – Глава 32 «Налог на имущество физических лиц». Комментируя данные факты, необходимо отметить, что глава 34 появилась в НК РФ как новая глава, не предполагавшаяся ранее к принятию, тогда как глава 32 «ожидалась» многие годы. Можно так сказать, что до 1 января 2015 года НК РФ был «недоукомплектован» одним налогом, налогом на имущество физических лиц.

Помимо страховых взносов НК РФ был дополнен сбором, также изначально не предполагавшимся к введению – торговым сбором (гл. 33).

Если сравнивать налог с продаж и торговый сбор, то можно сопоставить два указанных платежа по объекту налогообложения.

Объектом налогообложения в рамках налога с продаж (косвенного налога) признавались операции по реализации физическим лицам товаров (работ, услуг) на территории субъекта Российской Федерации в том слу-

чае, если такая реализация осуществляется за наличный расчет, а также с использованием расчетных или кредитных банковских карт (ст. 349).

Объектом обложения торговым сбором признается использование объекта движимого или недвижимого имущества для осуществления плательщиком сбора вида предпринимательской деятельности, в отношении которого установлен сбор, хотя бы один раз в течение квартала (п. 1 ст. 412).

Таким образом, существует принципиальная разница между налогом с продаж и торговым сбором.

В то же время, если сравнивать единый социальный налог и страховые взносы, то важно отметить общую социальную природу данных платежей и страховой, а не налоговый их характер.

Так, ранее объектом налогообложения для налогоплательщиков признавались (за определенными исключениями) выплаты и иные вознаграждения, начисляемые налогоплательщиками в пользу физических лиц по трудовым и гражданско-правовым договорам, предметом которых являлось выполнение работ, оказание услуг (за исключением вознаграждений, выплачиваемых индивидуальным предпринимателям), а также по авторским договорам (п. 1 ст. 236).

Объектом обложения страховыми взносами для плательщиков взносов (за отдельными исключениями) признаются выплаты и иные вознаграждения в пользу физических лиц, подлежащих обязательному социальному страхованию в соответствии с федеральными законами о конкретных видах обязательного социального страхования (п. 1 ст. 420).

В настоящее время часть вторая НК РФ содержит регламентацию следующих платежей:

- 1) федеральные налоги и сборы:
 - налог на добавленную стоимость;
 - акцизы;
 - налог на доходы физических лиц;
 - налог на прибыль организаций;
 - сбор за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов;
 - водный налог;
 - государственная пошлина;
 - налог на добычу полезных ископаемых;
- 2) региональные налоги:
 - транспортный налог;
 - налог на игорный бизнес;
 - налог на имущество организаций;
- 3) местные налоги и сборы:
 - земельный налог;
 - налог на имущество физических лиц;
 - торговый сбор;
- 4) страховые взносы;
- 5) специальные налоговые режимы:
 - система налогообложения при выполнении соглашений о разделе продукции;

- патентная система налогообложения;
- система налогообложения в виде единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности;
- система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей (единый сельскохозяйственный налог);
- упрощенная система налогообложения.

В соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 18 части первой НК РФ, специальные налоговые режимы предусматривают особый порядок определения элементов налогообложения, а также освобождение от обязанности по уплате отдельных налогов и сборов.

В период, когда тот или иной налог еще не был разработан для целей включения его в кодекс, действовали законы о налогах и сборах, принятые еще в начале 1990-х гг. В качестве примера можно привести Закон РСФСР от 9 декабря 1991 года № 2003-1 «О налогах на имущество физических лиц» [4].

Таким образом, важно сделать общий вывод о том, что Налоговый кодекс Российской Федерации формировался почти два десятилетия. Безусловно, его реформирование будет осуществляться и в дальнейшем, но факт формирования, вероятнее всего, можно считать состоявшимся.

Список литературы

1. **Налоговый** кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.
2. **Налоговый** кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. **О введении** в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 147-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3825.
4. **О налогах** на имущество физических лиц: Закон РСФСР от 9 декабря 1991 г. № 2003-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 362.
5. **Об инвестиционном** налоговом кредите: Закон Российской Федерации от 20 декабря 1991 г. № 2071-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 12. Ст. 603.
6. **Об основах** налоговой системы в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2118-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 11. Ст. 527.

References

1. [The Tax Code of the Russian Federation (part two) of August 5, 2000, No. 117-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 2000, no. 32, article 3340. (In Russ.)
2. [The Tax Code of the Russian Federation (Part One) of July 31, 1998, No. 146-FZ], *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1998, no. 31, article 3824. (In Russ.)

3. [**On the enactment** of part one of the Tax Code of the Russian Federation: Federal Law No. 147-FZ of July 31, 1998], *Sobranie zakonoda-tel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1998, no. 31, article 3825. (In Russ.)

4. [**On Personal** Property Taxes: The Law of the RSFSR of December 9, 1991 No. 2003-1], *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov Rossiiskoi Federatsii i Verkhov-nogo Soveta Rossiiskoi Federatsi* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation], 1992, no. 8, article 362. (In Russ.)

5. [**On Investment** Tax Credit: Law of the Russian Federation of 20 December 1991 No. 2071-1], *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov Rossiiskoi Federatsii i Verkhov-nogo Soveta Rossiiskoi Federatsi* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation], 1992, no. 12, article 603. (In Russ.)

6. [**On the basis** of the tax system in the Russian Federation: Law of the Russian Federation of December 27, 1991 No. 2118-1], *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov Rossiiskoi Federatsii i Verkhov-nogo Soveta Rossiiskoi Federatsi* [Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation], 1992, no. 11, article 527. (In Russ.)

TO THE 20th ANNIVERSARY OF THE TAX CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

S. V. Rybakova, *Doctor of Law, Associate Professor,
Professor, Department of Financial, Banking and Customs Law,
Saratov State Law Academy;
svrybakova@mail.ru*

In July 2018, 20 years will have passed since the law codifying the tax legislation was introduced in Russia. In this regard, many questions that are of interest for scientific research have arisen; one of them is the question of the stages of the legislative process related to the adoption of this law. It can be argued that the Tax Code of the Russian Federation is a normative legal act that has been adopted for two decades. The question of the correlation of the Code and the laws of the Russian Federation, which were codified, is of special interest. As a result, it can be concluded that the reform of the Tax Code of the Russian Federation will be carried out in the future, but the fact of its formation can be considered accomplished.

Keywords: Tax Code of the Russian Federation; codification of tax legislation; system of taxes and fees; fiscal payments; taxes; fees; insurance premiums.

© С. В. Рыбакова, 2018

Статья поступила в редакцию 05.12.2017

Вниманию авторов!

*Редакция журнала «Право: история и современность»
доводит до вашего сведения, что*

формат материалов, представляемых в журнал, должен соответствовать документу «Краткие рекомендации для авторов по подготовке и оформлению научных статей в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных», разработанных Министерством образования и науки РФ в 2017 г.

Текст Рекомендаций представлен на странице Минобрнауки РФ [https://минобрнауки.рф/новости/9481/файл/8695/ИТОГОВАЯ версия кратких рекомендаций.pdf](https://минобрнауки.рф/новости/9481/файл/8695/ИТОГОВАЯ%20версия%20кратких%20рекомендаций.pdf), а также на сайте журнала <http://pravo.tstu.ru/>.

Обращаем ваше внимание, что главные изменения касаются структурирования текста, в котором целесообразно выделять:

Введение.

Методы.

Результаты.

Обсуждение.

Заключение.

Структура данных частей должна быть уравновешена в объеме материала, самая значительная по объему часть, как правило, Обсуждение.

Результаты в виде графиков, таблиц, схем, рисунков, согласно Рекомендациям, могут быть исключены из текста статьи, если ее контент их не предполагает.

Адрес для справок и материалов:
pravo_red@list.ru

Для заметок